



*Olga Pajal*

Саратовский национальный исследовательский  
государственный университет  
имени Н.Г. Чернышевского

О.Б. Сиротинина

**ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ,  
ИЛИ  
Я СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК**

Воспоминания

Под редакцией профессора *О.В. Мякшевой*,  
профессора *А.Н. Байкуловой*

Издание второе,  
исправленное и дополненное

Саратов 2022

УДК 811.161. 1 (470.44-25) + 929 Сиротинина  
ББК 81.2РусГ (235.54) Сиротинина  
С 40

## **Сиротинина О.Б.**

Жизнь вопреки, или я счастливый человек: Воспоминания / Запись и подгот. текста, предисл., справ. аппарат О.В. Мякшевой; Хронологический указатель трудов О.Б. Сиротининой – Т.Н. Сиротининой, А.В. Дегальцевой / Под ред. О.В. Мякшевой, А.Н. Байкуловой – 2-е изд., испр. и доп. – Саратов: Амирит, 2022. – 373 с.

Читать воспоминания человека, прожившего долгую жизнь, – полезное и увлекательное занятие, читать воспоминания человека уникального во всех отношениях – значит, обогатить себя бесценным жизненным опытом. В мемуарах Ольги Борисовны Сиротининой, доктора наук, профессора, Учителя, человека сильного духом, щедрого сердцем, отразилось многое: её собственный жизненный путь выживания вопреки всем прогнозам, врачей в первую очередь, логика движения сначала по тропинке, потом по широкой дороге в науку лингвистику и целый век жизни общества. Но самым важным в воспоминаниях представляется угол зрения на мир, выраженный во фразе её мамы и ставший жизненным кредо: «Человек сам хозяин своей судьбы».

## **Оглавление**

Предисловие к 1 изданию .....	4
Предисловие ко 2 изданию.....	7
ГЛАВА I. О детстве, моих «корнях» и родителях .....	9
ГЛАВА II. О школе.....	51
ГЛАВА III. Об учёбе в университете, войне, ленинградцах и любви.....	60
ГЛАВА IV. Об учебной деятельности, диалектологических экспедициях и пути в лингвистику.....	107
ГЛАВА V. О логике движения в лингвистическую науку за пределы Саратова .....	138
ГЛАВА VI. О Саратовской лингвистической школе и родной кафедре .....	195
ГЛАВА VII. О ректорах, работе Головных советов и не только о них.....	209
ГЛАВА VIII. Как подведение итога .....	237
ГЛАВА IX. Жизнь продолжается... ..	253
Хронологический указатель трудов Ольги Борисовны Сиротининой (1948–2022 гг.).....	258
Отклики на первое издание .....	346

## Предисловие к 1 изданию

Ольга Борисовна Сиротинина, автор мемуаров, которые Вы взяли в руки, – удивительный и редкий человек. Конечно, во-первых, надо сказать о том, что она доктор филологических наук, заслуженный профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, в котором проработала всю жизнь (а это уже сейчас 62 года!), начиная с ассистента кафедры русского языка. 20 лет была заведующей этой кафедрой, а потом директором Института русского языка, литературы и журналистики при СГУ, заместителем председателя Головного совета «Филология» Министерства образования РФ, членом Совета по русскому языку при Президенте России. Уже 34 года она на посту заместителя председателя диссертационного совета.

Ольга Борисовна – заслуженный деятель науки Российской Федерации, награждена медалью «За доблестный труд», медалью имени А.С. Пушкина Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), действительный член МАН ВШ, член-корреспондент РАЕН.

В научном мире её хорошо знают как основателя и руководителя саратовской лингвистической школы изучения функционирования русского языка. О.Б. Сиротинина – учёный, известный далеко за пределами России, о чём свидетельствуют, например, статьи о ней в «Славянской энциклопедии» (Юдакин А.П. Славянская энциклопедия: Теоретическое, прикладное и славянское языкознание (ведущие языковеды мира): В 3 кн. М., 2005. Т.1, кн. 3. С. 86 – 88), в книге «Кто есть кто в современной русистике» (Москва; Хельсинки, 1994. С. 230 – 231). В 2009 году вышла в свет энциклопедия «Who is who в России» международного швейцарского издательства, где о ней тоже есть статья (с. 46 – 47).

Ольга Борисовна воспитала и «защитила» на данный момент 13 докторов, 51 кандидата наук. Но тропа к её дому за консультациями, научными советами не зарастает и не становится уже. В помощи Ольги Борисовны нуждаются не только её аспиранты, докторанты, дипломники, но, можно сказать, весь научный филологический мир Саратова (и не только). Если она может помочь – никогда не откажет, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем, ни с прочими «ненаучными» проблемами.

Для меня, одной из её многочисленных учениц, которую она вела со студенческой скамьи до ступени, степени доктора наук, помощь в написании этих мемуаров была мизерной толикой благодарности за подаренный широкий жизненный взгляд.

Записи воспоминаний делались на диктофон в домашней обстановке в течение почти целого года (с ноября 2008), потом бережно (ведь для Ольги Борисовны устная непринуждённая речь не только «материал произнесения», но и много лет объект исследования!) расшифровывались и обрабатывались. Поскольку и Ольга Борисовна всё это время активно работала (лекции, занятия, аспиранты, подготовка статей, выступления на конференциях), и я тоже занятой человек, работа шла урывками, иногда с большими временными перерывами. В результате оказалось, что в воспоминаниях сформировалась своя логика изложения, нередко нарушающая и хронологию событий, и элементарную тематическую последовательность. Попытка «причесать» воспоминания до уровня типичных мемуаров не удалась: уходило, исчезало главное, то, что особенно хочется сохранить и передать будущим, за нами, поколениям – своеобразие мышления этого человека, только ей свойственные повороты мысли, ассоциации, оценки. Кроме того, в книге в определённой, как представляется, не мешающей восприятию мере сохранены особенности устной речи её автора.

Когда-то Елена Генриховна Елина сказала, что Ольга Борисовна – инопланетянка. Наверное, это так. И планета её – то место, где люди готовы идти на помощь друг другу, несмотря ни на что: ни на сиюминутные заботы, ни на суетные, иногда бесполезные дела, созданные нашим стереотипным мышлением.

Доктор филол. наук,  
проф. *О. В. Мякшева*

## Предисловие ко 2 изданию

Прошло уже 14 лет с того момента, как на диванчике в комнате Ольги Борисовны, тесной от множества книг, лежащих на полках, в ящиках, на столе, под столом, на самом диване, началась запись на маленький портативный диктофон её воспоминаний. Многие за это время изменилось, а книга воспоминаний стала библиографической редкостью.

Татьяна Николаевна Сиротина предоставила для включения во 2-е издание многочисленные интервью, которые были взяты у Ольги Борисовны за эти прошедшие годы, скорректировала полный список её публикаций. Кроме того, мы решили включить в мемуары не опубликованную в первом издании главу о ректорах СГУ, вскоре и сама Ольга Борисовна предложила ещё одну главу под названием «Жизнь продолжается...» – и работа началась.

Редактировать и корректировать эту книгу было не просто необходимостью и долгом, это стало моментом очищения и прозрения, приближения к состоянию душевной гармонии, что позволяет увидеть в обыденности окружающей жизни великий смысл, заряжает стремлением сохранить в себе человечность, ощущение счастья не *благодаря* (это так естественно!), а *вопреки* (что бывает очень непросто).

Во втором издании, как и в первом, мы пытались сохранить язык выдающегося представителя уходящего от нас поколения, сохранить узнаваемость его языковой личности, поэтому нередко сознательно нарушали каноны письменной речи.

Члены родной Ольге Борисовне кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ, другие коллеги из Института филологии и журналистики с радостью предложили свою помощь, когда нужно было избавить текст от досадных повторов и вкравшихся неточностей.



Особую благодарность хочется выразить заведующей кафедрой Алле Николаевне Байкуловой, а также Анне Владимировне Дегальцевой, Маргарите Анатольевне Кормилицыной, Татьяне Алексеевне Милёхиной, Светлане Владимировне Андреевой, Зое Санджиевне Санджи-Гаряевой, Ольге Сергеевне Незнаевой, Елене Владимировне Уздинской, Елене Николаевне Малашенковой, Татьяне Сергеевне Боц.

Доктор филол. наук,  
проф. *О. В. Мякишева*

## ГЛАВА I

### О детстве, моих «корнях» и родителях

Я долго думала над тем, как назвать свои мемуары, и решила, что назвать их надо так: «Жизнь вопреки, или я счастливый человек». За плечами 99 лет жизни, и, просматривая эти годы, понимаю, что, во-первых, действительно, это жизнь счастливая, во-вторых, что она именно несмотря ни на что (лучше *несмотря*, а не *невзирая*) и вопреки всему: вопреки физическим возможностям или несмотря на очень малые физические возможности.

Человек сам хозяин своей судьбы. Так сказала мама<sup>1</sup> в 1943-м году, когда врачи гарантировали мне три года жизни в постельном режиме при условии, если я брошу университет, а она заставила меня идти и сдавать экзамены. Когда я сказала, что не дойду, ответила: *захочешь – дойдешь*. Мой характер, воля к жизни и стремление никогда не давать себе расслабляться сложились, как я уже теперь понимаю, ещё в детстве. Поэтому, сейчас оценивая свою жизнь, я считаю, что меня сделала такой и стойкой в любой борьбе, в том числе и со своими недугами, и мудрой прежде всего моя мудрая мама.

Я была единственным ребенком на семь взрослых и, конечно, страшно избалованным. Я была очень больным ребенком, но при этом меня учили никогда не оправдывать болезнями свою лень. Всё объявлялось не проявлением болезни, а ленью, и поэтому с самых малых лет привыкла, что надо бороться со своей ленью. А ещё мне очень повезло в том смысле, что в детстве меня окружали хорошие люди, по-настоящему хорошие. И с самого начала я смотрела на них и думала: а я так смогу, как они? Когда попала в университет, меня опять-таки окружили хорошие люди, которые, с одной стороны, мне помогали, а с другой – никогда не шли на поводу у моих болезней, и поэтому ранняя, ещё детская закваска смогла проявиться в полную силу.

Испытаний на мою долю выпало очень много, но теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь не тому, что их выдержала, это я считаю нормальным, так только и должно было быть, а тому, каким образом я смогла, ещё в самом раннем детстве, не знаю даже чем: умом ли, чем-то ещё, какой-то интуицией, чем-то Богом данным, но самой догадаться и со многими хворями в том числе бороться очень разумно.

Вот хотя бы один пример. В раннем детстве я уже очень много читала, много знала и ребятам из своего двора рассказывала, поэтому среди них играла, так сказать, ведущую роль в команде, они мне безоговорочно подчинялись, меня слушали и слушались. Страдая от болезней сердца, сама разработала систему физических тренировок: сегодня один прыжок, завтра – два, послезавтра – три; сегодня на одну ступеньку подняться по лестнице, завтра – на две, послезавтра – на три и так далее, а в конечном итоге мы всей командой по пожарной лестнице залезали на крышу дома, который был в нашем дворе (это современная Волжская управа). Дом хоть и двухэтажный, но старинной постройки, достаточно высокий для того, чтобы с больным сердцем взбираться по пожарной лестнице. Тренировки закончились тем, что мы все, и я в том числе, поднимались на крышу в один прием не отдыхая. Мои друзья никак не могли понять, почему нельзя сразу взобраться на крышу, ведь они-то были здоровые и в состоянии сразу это сделать, а я говорила – нельзя. Как до этого дошла, сама не понимаю.

В детстве я имела жуткий характер, была самым настоящим *l'enfant terrible*, вечно закатывала истерики, на которые мама никакого внимания не обращала и очень спокойно говорила: *ну, реакция*. Это слово, *реакция*, помню с детских лет. Я делала всё, что вздумается, меня никогда никак не наказывали, самым суровым наказанием было то, что со мной прекращали разговаривать, но так как это делал кто-то один из семи, такое «наказание» не очень-то и действовало. В

результате я была абсолютно уверена, что истерикой можно всего добиться, и пользовалась этим очень часто.

Справиться со своим жутким характером мне помогло чтение, книги. У нас был книжный шкаф, который вмещал хорошую домашнюю библиотеку, и поэтому если не до школы, то с первого класса школы я уже читала настоящих классиков и русской, и зарубежной литературы. В этом книжном шкафу были собрания сочинений, приложения к журналу «Нива», дореволюционные, ещё с ятями: по тем временам полный Золя, и Гамсун, и Гюго, и Метерлинк, конечно – Толстой, Тургенев, Гоголь, Леонид Андреев, безусловно – Пушкин, Лермонтов, Жуковский. Не было Мопассана, с Мопассаном я познакомилась очень поздно, но зато было очень много таких писателей, которых мало кто сейчас знает даже из филологов, ну скажем, Д'Аннунцио, Гарин-Михайловский, Вассерман, Станюкович, Клод Фаррер. И я очень быстро перечитала весь этот книжный шкаф. Как-то родители пришли в ужас, узнав, что я прочитала вольтеровского «Кандида». Они начали у меня допытываться, что я, так сказать, «из этого вынесла» (мне было в то время не больше шести лет). К их счастью, вынесла я оттуда совсем не то, что там видели взрослые. Родители посоветовались и решили, что раз я беру из книг только доступное моему пониманию, то и не надо меня ни в чем ограничивать: *пусть читает, что хочет!*

Однажды я пришла в полное недоумение: как же так, я прочла одну за другой, почти одновременно, ну, может быть, сегодня и завтра, Жюль Верна «Паровой дом» и книгу, автора которой не помню, но называлась она «В стране чудес». Я прекрасно сохранила в памяти то, как она выглядела: в красивом переплёте красного цвета и золотом написанное название. И та, и другая книга об одном и том же: как англичане воевали с восставшими сипаями. Но жюльверновская была написана глазами англичан, а «В стране чудес» – глазами сипаев. И поэтому в одной книге осуждалась

невыносимая жестокость англичан, в другой – индусов. В итоге получались какие-то две разные правды об одном и том же событии. Это меня ошеломило, я была буквально в шоке и рассказала об этом маме. Моя мудрая мама ответила (когда она говорила мне что-то серьёзное, всегда называла не по имени, а девочкой): «Запомни, девочка, у каждого своя правда, и нельзя руководствоваться только одной из них, надо всегда учитывать эти две противоположные правды». Это так запало мне в душу, что я всю жизнь живу по принципу, что в любом споре есть две стороны, что в любом споре есть две правды, и надо быть и толерантной (конечно, этого слова я тогда не знала, но его уже ощущала), и в то же время никому ни в чем нельзя верить на сто процентов, всегда нужно выслушать и другую сторону. Это очень помогало и помогает мне в жизни. Когда у меня могла быть и даже была жуткая обида на кого-то, на что-то, эту обиду я в себя не впускала и не впускаю – никогда, ни на что, ни по какому случаю. Я всегда помню, что есть другая сторона. Я за что-то вступаюсь, только если уверена, что это не с чужих слов, не по внешнему впечатлению, а я действительно это знаю с двух сторон. Этот принцип жизни мне очень помогал, очень, во всех случаях. И поскольку я много читала и память у меня была хорошая, литература стала учить меня жизни, не только мама, не только окружающие, но и литература.

Именно литература натолкнула меня на мысль, что так вести себя, как я: делать всё, что вздумается, закатывать истерики – очень опасно. Это случилось в отрочестве. Я очень любила Стефана Цвейга, он у нас был в неполном, конечно, издании уже потому, что тогда продолжал ещё писать. У него есть рассказ, где изображен мальчик, мать которого любила не его отца, а другого человека. Мальчик это очень переживал, всячески им мешал, закатывал истерики, в какой-то мере добивался своего, но кончил-то в психушке, потому что уже не мог удержаться от своих истерик, уже не контролировал себя.

И мне стало страшно: а что если со мной будет то же самое? И я начала усиленно себя перевоспитывать.

Вторая книжка, которая укрепила во мне желание себя перевоспитать, была книгой не очень сейчас известного грузинского автора Лордкипанидзе, где героем был юноша, очень себялюбивый и избалованный, полюбивший одну бедную девушку. Девушка его не приняла именно из-за этих черт характера. Но случился пожар, и этот юноша спас и её, и других людей и – переродился. Роман, честно говоря, довольно примитивный, но ведь и я была ещё ребенком. В общем, и он на меня очень сильно подействовал, я решила, что надо учитывать чужие мнения, чужие стремления, нужды, и активно взялась за свое перевоспитание. Я выработала в себе прежде всего норму жизни: нельзя срываться на крик, что бы ни случилось, нельзя принимать решение под влиянием обиды, руководствоваться надо только разумом, а разум требует толерантности и прочее, прочее, прочее. Я сумела подчинить всю свою жизнь следованию этому правилу, абсолютно всю, и поэтому всегда трезво оцениваю и свои состояния, и поступки, и свои чувства, всё у меня подчинено разуму. Это меня спасало и продолжает спасать в трудные моменты жизни, а их и хватало, и хватает.

В первую очередь – это болезни. С самого начала я не должна была родиться. По мнению врачей, ребенок появится на свет мертвым, потому что во время беременности мама перенесла тропическую малярию. Ребенок родился живой, хотя очень маленького веса (во мне было пять фунтов, то есть два килограмма), и врачи сказали маме: «Не обольщайтесь, дольше трёх дней он не проживет». На третий день ребёнок не только не умер, но получил заболевание, которое даже в современных медицинских справочниках именуется как стопроцентная смертность в исходе, – «пемфигус вульгарный». Возможно, я теперь думаю, это был ошибочный диагноз, потому что то же самое повторилось и с моим

братом<sup>2</sup>, который родился уже от другой матери<sup>3</sup> и через 20 лет после меня. Этот «пемфигус вульгарный» у меня был отнесён на панариций (нарыв под ногтем) у одной не то из медицинских сестёр, не то нянечек в роддоме. Всё мое тело было покрыто нарывами, я непрерывно кричала, меня нельзя было взять на руки. А у брата это было отнесено за счет того, что во время родов он получил воспаление внутреннего уха, отит, и инфекция распространилась на все тело. Дело в том, что оба мы очень аллергичны, и, наверное, наше состояние было проявлением аллергии. У меня это потом выразилось в жуткой бронхиальной астме, у брата по-другому.

Брат в детстве тоже был очень избалованным (поздний ребёнок, свет в окошке!) и, конечно, хулиганистым. А ещё бабушка и дедушка, а ещё старшая сестра, которая тоже пыталась его баловать. Мы жили в разных городах (он родился в 1943-м году) и впервые увиделись, когда ему было уже шесть лет. Я доцент, кандидат наук и поэтому, конечно, на шестилетнего ребенка смотрела свысока. А он меня при первой же встрече совершенно подкупил. Мне хотелось сделать ему что-то приятное, и я спросила, что ему купить. Брат мудро ответил, что ничего не надо, у него всё есть, а у него действительно было всё. Я сказала: «Ну все-таки, ну подумай, ну что?». И вдруг он мне говорит: «Ну купи сыру». Я недоуменно спрашиваю: «Ты что, так любишь сыр?». Отвечает: «Сыр я, конечно, люблю, но дело не в этом, а я слышал, как бабушка сказала, что у нас кончился сыр и надо его купить». Тут моё сердце моментально растаяло.

Он вечно попадал в какие-то переплёты, результатом чего были не только ссадины, но и более глубокие ранения. Семья брата жила на территории, где во время войны шли бои, и в их дворе умер мальчик, его годовик (они жили во дворе медицинского института, где работали родители). Ребенок умер от пустячной царапины: столбняк, и поэтому родители брата очень этого боялись, и при малейшей царапине ему

делали противостолбнячный укол. А у него анафилактический шок в ответ. И когда он получал какую-нибудь рану, первое, что говорил: «Нож был чистый, там земли не было нисколько». С шестилетнего возраста страшно боялся этого противостолбнячного укола. Зная это и зная свою аллергию, я поступала точно так же, только у нас не было такого нависшего дамоклова меча – этого столбняка.

Был у меня случай уже во взрослом состоянии, когда, поскользнувшись зимой, я упала и страшно поранила себе губу. Оттуда лила кровь буквально ручьем, я шла из аптеки, рядом была поликлиника, и прохожие хотели отвести меня в эту поликлинику. Я воспротивилась и пошла домой, так боялась противостолбнячного укола, но в то же время понимала, что в такой мороз столбняка быть не может, а укол может меня погубить. То есть моя память-копилка, или, как некоторые говорят, компьютерная память, постоянно при мне и во всех трудных случаях жизни выручала и выручает. Моя особенность в том, что я никогда (хотя поводов и причин для этого было очень много) не впадаю в панику, на всё смотрю трезво и начинаю рассуждать и взвешивать все «за» и «против». И это спасает меня всегда.

Поскольку я была очень больным ребенком, то мне многократно грозила неминуемая смерть (буквально так: неминуемая). Когда я уже училась, то по дороге в школу очень часто встречала детского врача, известного тогда в Саратове профессора Сурата, который всегда задавал один и тот же вопрос: «Живешь?». Я отвечала, что живу, а он в ответ говорил, что только за первый год моей жизни семь раз сказал, что я умру. Потом, много лет спустя, он уехал из Саратова, а ещё через много лет вернулся, и мы встретились в самолете, когда я летела домой из Кисловодска. Он тогда подсел ко мне, пересадив на своё место мою маленькую дочь Таню<sup>4</sup>, и спросил, узнаю ли я его. Конечно, узнать я его не могла не только потому, что он явно за многие десятилетия изменился,



но и потому, что я никогда в жизни не видела лиц людей. Он назвался, и я его, конечно, вспомнила. Вдруг он сказал, что живет только благодаря мне, и объяснил почему. Жить я не могла, но жила, и он это запомнил. Сейчас он знает, что у него рак и рак уже неоперабельный, он понимает, что умрет, но хочет прожить как можно дольше и летит в Саратов, чтобы умереть на родине. Он прожил в Саратове ещё три года, хотя вроде бы жить уже не мог.

Действительно, в моей жизни было много случаев, когда я не должна была выжить, начиная с фигуса «вульгарного». Мне исполнилось три месяца – и мама заболела крупозным воспалением лёгких. Естественно, кормить она меня в это время не могла. До шести месяцев никакого искусственного прикорма тогда не применяли категорически, никаких смесей просто не было, и врачи сказали прямым текстом, что ребенок все равно не жилец, и поэтому нечего о нём думать, надо спасать мать. Спасали маму, и она все-таки выжила. А бабушка, как сама мне потом рассказывала, заявила, что не может смотреть, как ребёнок погибает от голода, и стала поить меня самым обычным коровьим молоком. В том, что я выжила на этот раз, была заслуга моей бабушки. Может быть, коровье молоко добавило мне аллергичности, но факт тот, что я живу.

Я никогда не боялась и сейчас не боюсь смерти, говорят, что дети боятся смерти, старики и давно. У меня нет страха смерти, я слишком хорошо знаю, что это такое. Сколько у меня было неминуемых обстоятельств, когда я должна была погибнуть, сколько раз я понимала, что это почти наверняка смерть! Но у меня никогда не было страха перед смертью и, главное, никогда не было паники.

В детстве страх смерти, видимо, прорывался, проецировался в сновидениях, в нескольких таких снах-кошмарах. Один сон-кошмар заключался в том, что я играю на даче (когда была маленькой, то снималась на лето дача и мы жили там, это в районе сегодняшней Первой дачной остановки,

который теперь, конечно, с дачей никак не ассоциируется), и вдруг в сад входит и идет по центральной аллее процессия в длинных белых балахонах, и в руках у этих существ жезлы-палочки. Я понимаю, что если они ко мне этой палочкой прикоснутся, то я умру, но ничего не могу сделать. Они прикасаются, и я умираю. А второй сон-кошмар, и это снилось по многу раз, что вижу в лесу избушку и меня в неё тянет, но я понимаю, что если войду, то там будет ждать что-то страшное. Ещё были сны, что у меня отрезают ноги, что меня душат, топят и так далее. Такие сны повторялись, и теперь я прекрасно понимаю, что это было проявление моей астмы, сказывалась и нулевая пульсация ног, теперь-то я всё это прекрасно понимаю, но тогда это были такие кошмары, которых я боялась. Боялась засыпать и выработала умение просыпаться до последнего момента кошмара: вот сейчас ко мне прикоснутся палочкой – а я просыпаюсь; сейчас я должна дверь открывать – а я просыпаюсь. Конечно, сердце колотится, но – я проснулась, я удержалась. С этими страхами никогда к маме не шла и никому об этом не рассказывала. Наверное, если б призналась, меня б повели по всяким врачам, но я никому этого не говорила, и никто об этом не подозревал.

Ещё когда была грудным ребенком, то у меня, видимо, были проявления бронхиальной астмы, потому что бабушка обращала внимание на то, что я иногда как-то странно дышу, как-то не так, и она говорила об этом моему папе<sup>5</sup>, и дяде<sup>6</sup>, которые были врачами. Мой дядя считается отцом аллергологии, но тогда аллергия была не так известна, о ней мало знали, и поэтому они только разводили руками и говорили: «Не знаем, что это такое, не знаем, от чего это».

Приступ астмы я ощутила первый раз, когда училась в 4 классе школы. Я шла в школу мимо современного Аграрного университета, а там мальчишки играли в козны. Козны – это позвонок какого-то животного, барана предположим, внутрь которого заливается свинец, и оттого он получается очень

тяжелым. Мальчишки попали им мне в щиколотку, была страшная боль. У меня перехватило дыхание: пытаюсь вдохнуть – ничего не получается. Видимо, это было и видно, и слышно, потому что ко мне подошла какая-то женщина и предложила помощь. Я отказалась, постепенно как-то это состояние переборола и пошла в школу. Но на следующий день на этом же месте уже без всяких мальчишек у меня всё повторилось, я опять начала задыхаться и тогда уже сказала родителям, и они стали меня провожать.

Корни мои далеко от Саратова, это Орел и Дядьково. Прадед со стороны матери был, как бы теперь сказали, главным инженером хрустального завода Мальцева. Видимо, он был дворянином, но полюбил горничную, и от этой горничной родился мой дед, который, будучи внебрачным ребенком, ничего официально не унаследовал. Фамилию носил отцовскую, Сиротинин Николай Николаевич<sup>7</sup>, его признавали, но дворянином он, конечно, не был. Когда мой прадед умер, то его младший сын, Андрей Николаевич Сиротинин, который был рожден уже в браке, получил небольшое наследство. У Андрея Николаевича своей семьи не было, и поэтому он много помогал семье брата. Кстати, Андрей Николаевич – известный филолог, он был до последнего времени единственным переводчиком с древнегреческого Феокрита (так написано в литературной энциклопедии), знал 25 языков, автор целого ряда книг в нескольких дореволюционных изданиях: «Россия и славяне», переводы со всех славянских языков славянских поэтов «Цветы с родных полей». Он работал в Варшаве учителем гимназии и преподавателем Варшавского университета, а когда началась первая мировая война, Варшавский университет был эвакуирован, а он приехал в Саратов, к брату. После открытия в семнадцатом году в нашем университете историко-филологического факультета Андрей Николаевич сразу же был избран доцентом. Но я его, конечно,

не могла знать, потому что он умер, когда мне было всего три месяца.

С собой в Саратов Андрей Николаевич привез любимого ученика по варшавской гимназии Арсения<sup>8</sup>, и тот полюбил мою тетю – Галину Николаевну<sup>9</sup>. Но вскоре Арсений был вынужден вернуться в Польшу. Андрей Николаевич, учеником которого (вот тут я не уверена в точности, пыталась восстановить по всяким энциклопедическим словарям, так и не нашла, не получилось), по рассказам моих старших, был то ли Луначарский, то ли нарком иностранных дел Чичерин, получил разрешение (с помощью того или другого) поехать в Варшаву за своими вещами, за своей библиотекой и одновременно помог Арсению вернуться в Россию. Арсений приехал в Саратов и женился на Галине Николаевне. Арсений и Галина Николаевна жили отдельно от нас, их дом был как раз напротив дома, где мы сейчас живем (в числе тех, кого я считаю в равной мере своими родителями, был и он). В Польше у него остались мать, сестра и брат, они очень бедствовали, Арсений с ними все время переписывался, старался как-то помогать.

В Польше Пилсудского в то время были очень сильные антироссийские, антисоветские настроения, и к семье Арсения часто приходили из полиции, брали его письма и так далее. Сестра, её звали Варя, ему об этом писала, а вот брат Алексей был на стороне польского правительства, и с ним Арсений никаких контактов не поддерживал. Сам он преподавал математику в Автодорожном институте (ныне технический университет).

Когда наступил 1937 год, Арсений решил, что его обязательно посадят, и действительно, 4 ноября 1937 года ночью за ним пришли и арестовали. Его осудили на 8 лет, и он отбывал свой срок где-то в районе Магадана. Галина Николаевна всё время посылала ему посылки, а в сорок первом году, когда уже началась война, зимой, одна из последних

посылок к нам вернулась за отсутствием адресата. Можно сказать, что эта посылка в какой-то мере нас даже и спасла, потому что это было очень голодное время. Я уже не помню, что было в посылке, но во всяком случае всё там было съедобное и все это мы съели. Галина Николаевна стала выяснять, почему посылка вернулась, и оказалось, что 4 января ещё сорокового года Арсений умер, как было написано, от воспаления легких, что было на самом деле – неизвестно. Уже потом, в период реабилитаций (тетя, естественно, подавала на реабилитацию) его реабилитировали. Арсений числился по документам, во-первых, поляком, хотя был русским, и, во-вторых, был неверно назван год его рождения и считалось, что предлогом для ареста стал нелегальный въезд в Россию (хотя въехал он вполне легально). В документах также значилось, что Арсений скрыл свое польское происхождение. Андрей Николаевич, к счастью, не узнал печальной судьбы своего ученика.

Мой дед Николай Николаевич Сиротинин в революцию был членом партии кадетов и участвовал в студенческих волнениях. Он учился сначала в Московском университете, откуда его выгнали за революционную, так сказать, деятельность, потом сменил ещё несколько университетов и кончил Новороссийский университет, стал кандидатом физико-математических наук. Дедушка женился на Марии Алексеевне Орловой, которая была дочерью, как бы теперь назвали, завхоза хрустального Дядьковского завода. Семья была очень большая, 13 детей. Этот «завхоз»-то был крепостным, а бабушка, которая родилась в 1865 году, как ей говорила её мать, была первой рожденной свободной. Младшая сестра бабушки Люба жила в Москве, и с ней я была знакома, всех старших не знаю, хотя знаю многих их детей. Когда они женились, бабушка уже считалась перестарком – 18 лет.

Орлов, мой прадед, после того как получил вольную, не захотел оставаться в крестьянском сословии, потому что был промышленник, работал на заводе и поэтому за большие деньги купил себе свидетельство (сейчас продают поддельные свидетельства, а тогда продавались реальные) рижского мещанина. Когда я узнала об этом, то была озадачена: чем же мещанин лучше крестьянина? Наверное, тем, что мещанин был горожанином, то есть прадед стал рижским гражданином, горожанином. Сказать, что он был обеспеченным, нельзя, потому что семья-то огромная, но всем своим детям он дал какое-то образование. Правда, не все дети выжили: кто утонул, кто умер от ангины. Бабушка училась в пансионе на домашнюю учительницу, там преподавали языки и музыку, она знала французский язык, естественно, русский и хорошо играла на пианино, вышла замуж за Николая Николаевича уже имея диплом домашней учительницы. Бабушка и Николай Николаевич жили в Орле, но поскольку дед был под полицейским надзором, то семья бедствовала, потому что он нигде не мог найти работу, учителем гимназии его не брали.

Однокурсники деда по какому-то из университетов были довольно известными в Саратове людьми, один из них историк Любомиров<sup>10</sup>, другие работали в земстве, они-то и позвали его в Саратов, гарантируя работу в земстве. Николай Николаевич и Мария Алексеевна приехали в Саратов в день похорон Чернышевского в 1889 году и не могли с вокзала попасть в город, потому что шла огромная похоронная процессия.

Николай Николаевич стал работать сначала секретарем городской управы, а потом и секретарем Думы. Как секретарь Думы, он участвовал в открытии Саратовского университета. Первый ребенок родился только в 1892 году, это была моя мама. Как рассказывала бабушка, десять лет у них не было детей, потому что дед боялся, что его арестуют и ребенок останется без отца. В конце концов бабушка отважилась забеременеть, в результате чего родилась моя мама. После её

рождения он уже ничего не имел против детей, и они рождались через каждые два года. Всего в их семье было пятеро детей: четыре девочки и срединный мальчик, Николай Николаевич младший. Дед получал сто рублей, это была его зарплата, бабушка не работала, сидела с детьми, поэтому денег им явно не хватало.

Николай Николаевич старший очень любил лошадей, у них была лошадь по кличке Капля. Была и корова, были собаки. Корова стала кормилицей не только потому, что они пользовались её молоком, но и потому, что его продавали. Дедушка выписал из Мечниковского центра в Париже лактобациллин – закваску для кисломолочных продуктов, которую Мечников очень пропагандировал. У нас дома долгое время были такие стеклянные баночки с металлической крышкой, на которых по-французски выгравированы слова *лактобациллин* и *Париж*. В этих баночках из Парижа получали закваску, а потом раскладывали в другие баночки полученное на этой закваске кислое молоко и продавали среди знакомых. И это был доход.

В то время можно было купить по дешевке срубы деревянного дома, которые сплавлялись по Волге. Дед с бабушкой такой домик купили и ещё приобрели ли, взяли ли в аренду, я не знаю каким образом, землю – очень неудобное место в Октябрьском ущелье на крутом склоне горы. На этом склоне горы они и поставили две дачи, которые сделали из одного сруба. Одну постоянно сдавали саратовскому художнику Росову, который со своим семейством жил на этой даче летом. У Росова был сын, Сергей Россов, с которым дружил мой дядя – Николай Николаевич младший.

На своей даче, поменьше, жили дед с бабушкой, но брали себе ещё нахлебника. Нахлебник – это ребенок, которого кормили, он и учился в Саратове, а родители этого нахлебника, священник и попадья, жили не в Саратове, а в Тепловке. Я не знаю, помогал ли нахлебник нашей семье, но его родители

помогали. Кроме того, на даче были кухарка и кучер. Дед с бабушкой, конечно, сажали огород, которым занимались все их дети. За лошадьми, коровами, собаками дети тоже должны были ухаживать. Сразу после революции дача была продана за мешок муки.

У Росовых служила нянька, младшую сестру которой, Анюту, моя мама учила грамоте. И надо сказать, что то ли Анюта была бестолковая, то ли мама была не очень хорошей учительницей, но грамотной Анюта так и не стала. Я её хорошо знала, она в первую мировую войну работала медицинской сестрой, но без какого-то ни было образования, сестрой милосердия. Её старшая сестра кончила медицинский и стала врачом, а Анюта работала при ней. Одно время они жили на Сахалине, и Анюта писала нам оттуда письма. Её письма были ребусами, она, например, написала в одно слово *маладенек*, мы прочли и решили, что у неё мало денег, и даже предлагали помощь, а оказалось, что у её племянницы родился младенец. Неграмотной была жутко, и наши всё удивлялись, как только она работает медсестрой. Потом Анюта вернулась в Саратов, жила где-то в деревне, но до последнего, я уже была взрослой, наши с ней переписывались. С Сахалина она привезла японские нефритовые фигурки, тогда это была невидаль, и много рассказывала о жизни там. Анюта была для нас своим человеком.

Николай Николаевич старший хотя и работал секретарем Думы, но всё равно был под негласным полицейским надзором. Сведения о нем передали по эстафете: он приехал в Саратов, и дело его пришло в Саратов. Тот человек, который работал у них кучером, должен был и надзирать за ним, в чем деду и признался. Николай Николаевич, возможно, и сам об этом догадывался, но кучер однажды ему прямо сказал: «Николай Николаевич, имейте в виду, я ведь обо всех ваших шагах должен докладывать». Дед к этому отнесся спокойно, наверное, было привычно. В Саратове, в архивах, как мне



рассказывал Георгий Александрович Малинин<sup>11</sup>, хранится дело Николая Николаевича Сиротинина.

Среди друзей семьи деда было очень много революционного народа разных мастей, причем в те годы – до революции и после – часто бывало так, что в одной семье и ярый монархист, и большевик или большевик и меньшевик – всё что угодно. Там, где сейчас областная библиотека, а располагался когда-то кинотеатр «Ударник», находился дом не то народного собрания, не то чего-то в этом роде, где эти революционные, полуреволюционные круги собирали рабочих и устраивали для них вечера, танцы, концерты, и бабушка сопровождала.

Подросли дети, и в семье считалось необходимым, чтобы они получили образование. Все дети учились в разных гимназиях, мама, а потом и самая младшая сестра Люба<sup>12</sup> – в Первой гимназии, которая располагалась недалеко от старого здания Педагогического института, на другой стороне улицы Мичурина. Это была официальная министерская гимназия, мама и Люба кончили её с золотыми медалями.

Потом, уже взрослой, я узнала, что мама страшно увлекалась театром. Жили они больше всего прямо напротив нашего Драматического театра, и она чуть не каждый день туда ходила. В гимназии это запрещалось, и бабушку вызывали к директору и выговаривали, чтобы лучше следили за дочерью. Мама же хотела стать режиссером, вела театральный дневник, где писала рецензии на каждый спектакль. Писала она их карандашом в общих тетрадях, и, когда в военные годы я стала студенткой, не было бумаги, мама отдала мне эти дневники, и я писала в них поверх карандаша свои лекции.

Елена<sup>13</sup> и Галина были отданы уже не в министерскую гимназию, а в разные частные, так было дешевле. Николая, младшего Николая Николаевича, отдали в школу Добровольского, Советская упиралась в эту школу на Радищева. И тут для меня полнейшая загадка: в этой школе

преподавал Скафтымов<sup>14</sup>, и его хорошо знал мой дядя, который у него учился, закадычным другом дяди с раннего детства был Сергей Росов. Третьим их закадычным другом (в будущем профессор мединститута в Ленинграде) был Колька Перельман. Но в этой же школе учился Александр Петрович Медведев, в будущем доцент нашего факультета, работавший и в Пединституте. Он был неразлучным другом Кольки Перельмана и Сергея Росова, но ни он не знает моего дядю, ни мой дядя не знает Медведева. Как это может быть? Я и того и другого выпытывала, выспрашивала, пока они были живы, ничего не получилось.

Все пятеро детей моего деда поступали не в первый класс, а в четвертый, так как бабушка сама готовила их к поступлению в школу. Они сдавали экзамены, и их брали сразу в четвертый класс. Когда учился последний ребенок, Любовь, бабушка работала в управе машинисткой, так что им стало немножко полегче. А вообще все пятеро детей очень рано начали работать.

Первой, естественно, кончила гимназию моя мама, и встал вопрос, как быть дальше с её образованием. Во-первых, высшего образования для девочек в Саратове не существовало, надо ехать в Москву, а денег нет. Режиссерские курсы стоили очень дорого, гораздо дешевле были московские высшие женские курсы, и маму отправили туда, на эти курсы, которые она кончила по естественному циклу. Мама жила у родственников, у сына одной из бабушкиных сестер, Георгия, Георгюшки. Эта бабушкина сестра вышла замуж за грека Чалыка, и их дети были Чаликовы.

Родители не имели возможности помогать маме, и поэтому, чтобы платить за курсы, она давала частные уроки, а жила у родственников, конечно, даром. После окончания этих курсов вернулась в Саратов и стала работать сразу в двух местах: в городской лаборатории и на водной станции, директором которой был швед.

На водной станции она работала сравнительно недолго, точно не знаю почему, может быть, потому что этот швед уехал (все иностранные подданные в двадцатые годы уезжали), занималась пищей для рыб, водными насекомыми и получила, когда ввели ученые степени, степень кандидата биологических наук без защиты. У неё было опубликовано много научных работ, и с детства я знала такое слово – *кариксы*. Это водное насекомое, которое входит в планктон, мама вылавливала их в прудах и на Волге. Из водной станции вырос институт, он назывался ВНИРО, как сейчас – не знаю.

В городской лаборатории мама в основном занималась пищевыми отравлениями, возглавляла химическую лабораторию, но, оставаясь химиком, занялась микробиологией, потом защищала докторскую диссертацию по этой теме.

Елену взял к себе в Варшаву Андрей Николаевич, и она окончила там высшие женские курсы, в первую мировую ушла на фронт сестрой милосердия, а потом 30 лет проработала учителем химии и биологии, награждена орденом «Знак почета». Десять лет она преподавала в школе на Увек. Электричек, как сейчас, тогда не было, и поезд ходил туда только дважды в сутки и в очень неудобное время. Елена Николаевна, как правило, доезжала до Крекинга на трамвае, а там шла пешком часто уже в полной тьме, можно сказать, чуть не ночью. Она была очень хорошим учителем, много знала и рассказывала детям вне школьной программы, поэтому была очень возмущена, когда в годы войны вышло постановление, которое запретило учителям выходить за пределы учебников. Она была талантливым педагогом. Тётя по очереди, человека по четыре-пять, всех сразу, конечно, не могла, водила в театр детей своего класса, когда мы жили напротив него. Поэтому у нас всегда ночевал кто-то из её учеников. Уже много лет спустя эти повзрослевшие дети приезжали к нам и вспоминали то время. Некоторые из её учеников даже стали филологами.

Например, в Пединституте работала ученица Елены Николаевны Лидия Яковлевна Паклина.

Чтобы экономить, дед с бабушкой никогда не оставляли за собой ту съемную квартиру, на которой жили зимой в городе, и когда уезжали на дачу, то увозили все вещи, а в осень заново снимали квартиру. Где они только не жили! Где-то около Волги, но больше в районе теперешней улицы Слонова, только в разных местах. Лишь одна квартира у них была с канализацией, а так, как правило, что подешевле. Революция застала их в доме неких Леонтьевых, это была довольно большая квартира, напротив Драматического театра (на Рабочей). После революции Леонтьевы, естественно, собственности лишились, стали обычными квартиросъемщиками государственных квартир. Этот дом потом перестроили, он был одноэтажный, над ним надстроили ещё один этаж. Дом делился на две половинки, и в каждую половину вела своя лестница. Сначала был коридор, а потом начиналась квартира. Когда я там жила, то вход был уже один, из второго коридора сделали комнату. В нашей, так сказать, квартире дверь превратили в окно, нашими остались только две маленькие и одна большая, которая называлась у нас зала, остальные были отрезаны, с черного входа в них входили и там жили другие люди. Одна комната, та, что была переделана из коридора, оказалась абсолютно холодной, без отопления. Две маленькие комнаты, примыкающие к большой, отапливались одной печкой, которая, конечно, никак не могла нагреть всё это помещение. Была ещё маленькая комната, которая называлась темная, без окон, там мы раздевались, готовили на керосинке, и там же был выгорожен угол для уборной. Ни канализации, ни водопровода не было, воду брали в колонке, отходы выносились на помойку.

В этой квартире, уже после смерти деда, который умер в 1921 году, жила и я, максимальная температура зимой не поднималась выше 12 градусов. В маленькой комнатке, где

ютились мы с мамой, была сложена дополнительная печурка с плитой, на которой готовили обед. Поэтому там, где ребенок, было более или менее тепло, и я помню типичную картину из детства, как кто-нибудь из тетушек стоит около печки и греется, приложившись к ней спиной и руками. Бабушке было отгорожено в зале за занавеской, там помещалась только её кровать и рядом ставили мешки с мукой – наш, так сказать, запас. В другой маленькой комнатке, откуда топилась печка, жила Любовь Николаевна, а Елена Николаевна жила в абсолютно неотапливаемой комнате, в бывшем коридоре. С Галиной Николаевной и её мужем Арсением, которые жили отдельно, мы общались постоянно, буквально каждый день.

Во время революции дедушка и бабушка очень сильно болели, дедушка – стенокардией, бабушка – пеллагрой. Ещё до революции из-за стенокардии дед ушёл с должности секретаря Думы, а после революции работал в статбюро, которым заведовал его близкий друг Василий Иванович Серебряков – старый большевик, хорошо знакомый с Лениным. В этом же статбюро одно время работала Галина Николаевна, позже, когда открылась возможность женщинам получать высшее образование, она поступила в университет.

И Галина Николаевна, и Любовь Николаевна учились на естественном отделении. Будучи студенткой, Галина Николаевна параллельно со статбюро работала сначала лаборантом, а потом зав. лабораторией водздравотдела. Любовь Николаевна трудилась на железной дороге сначала тоже лаборантом, а потом зав. бактериологическим отделением СЭС. Они обе очень много работали, очень много, обе награждены орденами. Галина Николаевна была ещё либо председателем месткома, либо ведала в нем культурно-массовой работой, не помню точно. Она устраивала детские вечера, ёлки. Чего только не придумывала на этих вечерах! Например, делала верблюда из двух человек, их головы под покрывалом были горбами верблюда, и на этом верблюде дети

катались верхом. Верблюжья голова была сшита с высунутым языком. Она ставила спектакли, во время войны водила своих сотрудников в лекторий, где читали и Скафтымов, и ленинградские профессора.

В войну во время борьбы с холерой Любовь Николаевна находилась в особой группе «Микроба». Однажды высокое начальство в Москве наградило её за работу, связанную то ли с холерой, то ли не с холерой, премией. В Москве её привели в зал, где лежала присланная из Америки, из Англии, от наших союзников, гуманитарная помощь, и предложили выбрать что-нибудь как награду, как премию за хорошую работу. Она тогда привезла домой маленькое белое детское одеяльце. Потом мы его перекрасили, как-то использовали, по-моему, накрывали еду, чтоб она не остывала. А выбрала тетя его потому, что оно было самое чистое, а всё остальное такое заношенное, что неприятно было даже в руки брать. Вот это была премия.

У неё, как и у мамы, тоже были научные труды, она получила знак «Почетный железнодорожник», который давал ей возможность бесплатно ездить куда угодно и в вагоне любого класса, причем бесплатный билет у неё был пожизненный. Любовь Николаевна и на пенсии пользовалась этой возможностью и каждый год ездила куда-нибудь. Раньше были железнодорожные экскурсии, и она без конца ездила то в Прибалтику, смотрела Ригу, то в Цхалтубо, очень много раз ездила в Феодосию, пыталась там подлечить ноги.

Любовь Николаевна была очень больным человеком, мы все в семье были больными *человеками*, но прожили долгую жизнь, потому что никто никогда не сдавался. Последние десятилетия она уже ходить-то фактически не могла, еле-еле с палочкой передвигалась, но ездила смотреть Байкал. За несколько лет до смерти мы её уже возили на стуле по комнате, к которому моя дочь Татьяна приделала колесики, потом она вообще уже была только лежачей.

Теперь расскажу о папиной линии. Родители папы, их фамилия Брин, торговали лесом и жили в Витебске, они были евреями. И поскольку в то время существовала черта оседлости, то у евреев были очень ограниченные возможности передвижения. В их семье тоже было много детей, не меньше одиннадцати, всех я даже по именам не помню. Но я знаю, что они получали образование, не все сразу, многие уже только после революции. Два сына стали художниками и жили в Париже, сын Яков остался жить в Витебске, один сын Якова тоже жил в Витебске, а другой, Бома, с которым я была знакома, – в Минске. Я даже приходила к нему, когда приезжала в Минск на конференцию, мы очень часто встречались с ним в Москве у моей двоюродной сестры по папиной линии. Бома был боксером, даже чемпионом Европы. Он воевал в разведке и весь был нашпигован железом, осколками. Когда война кончилась, уже не мог боксировать, не хватало дыхания, поэтому стал тренером, а потом уже и этого не мог. Сын Якова Илья был медиком, врачом. Я не знаю, жива ли их сестра Дора, совсем недавно была жива. Я знакома с её сыном Яшей только по встречам в Москве, он работал экспедитором.

Папа много общался со своей сестрой Соней, тетю Соню и я знала очень хорошо. Она участвовала в революции, очень дружила с Емельяном Ярославским<sup>15</sup> и без конца меняла свои паспортные данные: имя, фамилию и год рождения. Сначала это была конспиративная необходимость, потому что её много раз арестовывали, потом вошло в привычку. Чего только в её жизни не было! Она даже уезжала в Париж. Когда вышла замуж за инженера по фамилии Берж и стала Берж, то это было нормально и законно. Тетя Соня жила с мужем в Баку, и там у неё родилась дочь Вера, которая получила медицинское образование. В восемнадцатом или девятнадцатом году, я не знаю точно, в Баку была страшная армянская резня, на бакинском кладбище есть братская могила её жертв. Муж тети

Сони не был армянином, он был еврей, но то ли он был у армян, то ли прятал у себя армян, в общем, он тоже погиб. Тогда тетя Соня вместе с маленькой Верой в ужасе от Баку уехала пароходом по Волге в Саратов, где жил в то время папа и их младшая сестра Оля. Тетя Соня, теперь уже без конспиративной необходимости, подделала год рождения, стала по паспорту младше (ей уже было больше 35 лет, и в этом возрасте не принимают документы в вуз) и поступила в Московский стоматологический институт благодаря помощи своего друга Емельяна Ярославского. После окончания работала в этом институте, учила студентов стоматологии. Тяга к изменениям своих данных привела к тому, что все её документы были, так сказать, на разных людей: Соню Менделевну Брин, Софью Эммануиловну Брин, Софью Михайловну Берж. И когда надо было выходить на пенсию, ей пришлось только через суд со свидетелями восстанавливать свой год рождения: то она себя омолаживала, то она себя старила. Это ей не помешало прожить больше 90 лет.

Её дочь Вера вышла замуж за уральского инженера Федора Степанова и жила где-то на Урале, у них родилась дочь Галя, Галина Федоровна Степанова. А потом мужа Веры арестовали, больше замуж она не выходила. Вера вернулась в Москву к матери. Они жили в четырнадцатиметровой комнате сначала втроем, потом, когда Верина дочь вышла замуж, стали жить вчетвером, после рождения первой дочери – впятером, после рождения второй – вшестером. Это был, конечно, совершеннейший кошмар.

Когда в 1937 году мы встретились в Москве: я с тётёй Еленой Николаевной приехала с моря, а папа с новой женой из Крыма, то я познакомилась со всеми московскими родственниками. Моя тетя поехала к тем родственникам, у которых когда-то в студенческие годы жила моя мама, это в Подмосковье (на Лосиноостровской, теперь это уже Москва), а я вместе с папой и его женой отправились к тётё Соне,



которая в это время была одна, но там всё равно было не поместиться. В очень большой коммунальной квартире с одной кухней жили 17 семей. Но в этот наш приезд кто-то жил на даче или уехал куда-то, в общем, ключи оставили тёте Соне, и мы жили в отдельной комнате.

Немного о папе. Мой папа учился в Петербургской Ассирио-Вавилонской академии, он хорошо знал иврит. Однако в академии пробыл каких-то полгода максимум, его выставили оттуда за нарушение черты оседлости. Я очень удивилась однажды. У нас было много так называемых холодных сапожников (они не столько сапожники, сколько чистили обувь), ассирийцев по национальности. Один такой сапожник чистил папе ботинки, и они начали между собой спокойно разговаривать. Я спрашиваю папу, на каком языке они разговаривают. Оказалось, что древнееврейский и ассирийский фактически одинаковые. После того как его исключили из академии, он приехал в Саратов, это тоже, конечно, было нарушением черты оседлости, но здесь жила его сестра Оля, которая была замужем за Колмановским, братом Колмановского-хирурга. Сама Оля работала медицинской сестрой, но не как Анята, а настоящей, с образованием. Какую профессию имел её муж, не знаю, но он был сумасшедшим, шизофреником, и кончилось тем, что они, когда жили уже в Москве, разошлись и разъехались – в разные комнаты одной коммунальной квартиры.

Познакомилась я с мужем тёти Оли при таких обстоятельствах. В то время я была влюблена в одного бакинца, мы встретились с ним в Москве и пришли в гости к тёте Оле. Она угощала нас чаем, на столе стояла вазочка с дешевыми конфетами. Вдруг в комнату влетел мужчина, схватил эту вазочку с конфетами и унес её, ничего не говоря. Через две минуты он вернулся, в этой вазочке лежали уже другие конфеты, более дорогие. Вот такой экстравагантный поступок.

Младший брат папы Зяма работал ветеринарным врачом, у него была жена и дочь Неда. В 1937 году он был арестован по явно надуманной версии, что распространял сап (это такое заболевание у лошадей). Папа всю жизнь помогал его семье, потому что Зяма не вернулся. По всяким розыскам нам известно, что он, вероятно, работал в какой-то шарашке по специальности, со страшными бактериальными вещами, заразился и умер. Его жена и дочь жили в Харькове, а когда Харьков был занят немцами, мы потеряли их след. Я-то их никогда и не знала, только слышала.

Забыла рассказать о брате Пете, который был старше папы, но моложе тети Сони. У него в молодости был очень сильный туберкулез, который потом сменился бронхиальной астмой. Я его знала, когда у него была жуткая бронхиальная астма. Когда у меня началась бронхиальная астма, я, конечно, первая догадалась об этом и просила маму прочесть по справочнику её признаки. Она прочла, но сказала, что не похоже, так как в справочнике написано: человек сидит, опираясь руками, а я лежала – у меня уже не было сил сидеть; там написано, что лицо краснеет, а я вся синяя – уже синяя. Кончился тогда этот приступ отеком легких, сердце не выдержало. Но врачи очень долго не признавали, что это бронхиальная астма, думали, что сердечная, пока рентген не показал эмфизему легких. Только тогда всё стало ясно.

Жуткая бронхиальная астма дяди усугублялась тем, что легких у него фактически не было, и поскольку он был невероятно больным человеком, вся его семья над ним тряслась. Инженер по образованию, но медик по специализации, в Минздраве СССР дядя отвечал за всю медицинскую технику, и поэтому для него специально сделали ингалятор, впервые разработав его рецепт. Благодаря дяде Пете у меня тоже тогда появился ингалятор, но никто в аптеках этого рецепта не знал, его надо было готовить, а фармацевты отказывались, говорили, что слишком большая доза. Я

убеждала, что это же не пить, не вводить, это ингалятор, только тогда они его готовили. Он был очень неудобен: стеклянный шар и груша к нему. Но что делать – пользовались. В 1969 году, когда дяде было 74 года, он умер от инфаркта.

У дяди Пети было две дочери, Вера и Галя, и сын Мема, у Гали – сын Миша. Когда ещё был жив дядя Петя, в одной комнате коммунальной квартиры жили он и его жена тетя Рая, а Вера, Галя и Миша – в другой. В это время и я у них останавливалась, тесновато, но привечали безотказно.

Галя была младше Веры, но умерла раньше. Первый муж Гали Франк и Мема учились в Институте востоковедения. Родители Франка были нашими разведчиками в Америке, там он и родился. Потом они вернулись в СССР. В годы войны Франк и Мема ездили на огород на поезде. Однажды они не смогли взять билет на поезд то ли потому, что поезд очень мало стоял, то ли потому что на этой станции билеты не продавались, но когда пошел контроль, то их буквально вытолкали из вагона на каком-то мосту и они погибли под колесами встречного поезда. Тетя Рая в это время была в театре, после этой жуткой трагедии больше никогда в жизни в театр не ходила.

Вроде я про все корни рассказала. Нет, вспомнила ещё два эпизода. В 1921 году Андрей Николаевич заболел холерой, но выжил, от него заразился Николай Николаевич. У него была сердечная астма, и сердце не выдержало, он умер. Больше в семье никто не заразился. Андрей Николаевич позже умер от туберкулеза. Туберкулёза тогда было очень много, а так как у него была открытая форма и я маленький ребенок, то у меня всю жизнь его подозревали. У меня всегда была сильная аллергия и потому положительное Пирке, его и принимали за положительную реакцию на туберкулез. Может быть, в моем организме и были туберкулезные палочки, но туберкулез никуда не развился.

Мне в детстве делали всякие прививки: от кори, скарлатины, дифтерии и прочих вещей, и каждая прививка кончалась жуткой болезнью. Обычно первая прививка проходила нормально, а вторая вызывала кошмарную реакцию: температура сорок, и прочее, и прочее, и прочее. Когда в 10 классе нам делали прививки от брюшного тифа, я сначала отказалась. Но врачи все же решили сделать половинную дозу, и на это я согласилась. Первая половинная доза прошла нормально, после второй я свалилась с высокой температурой. И началось. Сначала заподозрили, что это сам брюшной тиф. Сделали посевы – его не оказалось. Тогда решили, что это туберкулёз, но при прослушивании никто ничего не слышал, никакого туберкулеза не находили. Повели делать снимок. Один снимок тоже ничего не показал, сделали другой. Я обратила внимание, что, когда делают снимок, говорят *вдохните и не дышите*, а тут мне вдруг сказали *выдохните и не дышите*. Я и выдохнула и не дышала, и на снимке обнаружили каверны – туберкулез в открытой форме.

Папа в это время уже не жил в Саратове, но он приехал и повел меня к своим друзьям – знаменитым рентгенологам, которые сразу поняли, что это не каверны, а неправильное положение легких, это кровеносные сосуды. Тут-то я и вспомнила, что мне сказали *выдохните*, а не *вдохните*. Снова сделали снимок, оказалось, что все чисто, никакого туберкулеза нет. А что есть, никто не знает. Эту прививку сделали в октябре, и до мая я не ходила, лежала с высокой температурой, и год школы потеряла. Уже в мае, когда температура спала, обычная участковая врач пришла меня выслушивать, и создалось впечатление, что её стетоскоп просто соскользнул на сердце. Она спрашивает: «У тебя высокая температура сейчас?» Я отвечаю: «Нет, я мерила 36 и 2». Смерили при ней – 36 и 2. Врач выслушала меня лежа и стоя и сказала, что у меня сердце. Это я полгода пролежала, с октября по май, и никому в голову не приходило послушать

моё сердце! То есть постфактум поставили диагноз, что моё состояние – реакция на прививку, миокардит, то есть воспаление сердечной мышцы. Начали лечить сердце, а оно и так было-то у меня больное всю жизнь. В результате я потеряла год и поэтому кончила школу не в сороковом году, а в сорок первом, за три дня до начала войны.

Расскажу ещё немного о своих родителях. Уже прошла революция, никакой черты оседлости не стало, и папа поступил на медицинский факультет Саратовского университета, учился и работал в городской лаборатории. Мама тоже там работала. Они познакомились. Мама была на три года старше папы, поэтому категорически отказалась связывать его женитьбой. Когда я уже была взрослой, мне рассказывали (а после смерти тёти я читала об этом в её дневнике) о том, что мама никак не соглашается выходить замуж за папу, а он настаивает. До 1933 года, то есть пока мне не исполнилось 10 лет, папа жил отдельно, в другой квартире, и приходил к нам каждый день. В 1933 году он предъявил маме ультиматум: «Или женимся, или я уезжаю, я хочу иметь настоящую семью». Мама сказала *уезжай*, – и он уехал. Сначала в Астрахань и присылал оттуда посылки с осетровыми балыками, а потом в Пермь и оттуда присылал лососину.

Пока жил в Саратове, работал на кафедре патологической физиологии мединститута у Богомольца<sup>16</sup>, а потом стал работать профессором и заведовать кафедрой в Ветеринарном институте. Когда уехал, стал заведовать кафедрой патологической физиологии в Куйбышевском (сначала в Самарском) мединституте. Он приезжал к нам каждый год, и мы очень активно переписывались, причем я писала папе каждый день, даже посвятила ему свой дневник. Все мои мысли, наблюдения, тревоги и сомнения я доверяла в то время только ему. Мама тоже писала папе письма, так сказать, давала отчеты обо мне.

О том, что он женился в 1934 году, я узнала позже, наверно году в 1936. Узнала не от своих, мне они этого не говорили, а от одной из одноклассниц, родители которой тоже были в медицинском мире. Подумав, что с мамой об этом разговаривать нельзя: она страдающая сторона, я, как человек идущий прямо, а не обходными маневрами, решила написать папе письмо. Это было большое письмо, причем сначала обычное, а потом после слов *если ты болен, не читай дальше* (ну ребенок есть ребенок!) – зеркальное. Писать было очень трудно, мучилась, но вот так зашифровала. В этой зеркальной части я написала: *мне сказали, что у тебя другая жена, что ты меня больше не любишь, а маму ненавидишь* и так далее. Папа ответил, что у него действительно теперь жена, но меня он очень любит, с мамой в хороших отношениях. В следующем письме я спросила, как её зовут. Он обо всём написал, тогда я стала передавать ей приветы, потом получила от неё привет, написанный ею (но обратила внимание, что нет запятой после обращения!).

С женой папы мы познакомились в Москве, в 1937 году, я уже об этом немного говорила. Странно то, что она окружающим представила себя ещё одной моей тётёй. При встрече я отнеслась к ней очень спокойно, но совершенно равнодушно. Мне понравилось только её платье, которое помню до сих пор. Платье было голубое, и, хотя голубой цвет я не люблю, ей оно шло. И на платье были два таких пушистых шарика с завязочками. Она была молодая, папиной студенткой, моложе его на 17 лет.

В этот приезд мы с папой и его женой жили у тети Сони, и там я кошмарно заболела. Так как единственная кухня была на 17 семей, в ней всегда кто-нибудь что-то готовил. В этой же кухне была маленькая кабиночка, где туалет. Я очень стеснялась туда зайти. И я терпела, терпела целые сутки, а потом я уже не могла что-то сделать, уже моча не шла. Пошли вторые сутки. Папа повез меня в зоопарк, а я мечтала только о

туалете. После зоопарка мы все пошли в планетарий, который тогда недавно открылся. Я фактически лежала на плече у папы, у меня разламывалась голова. Когда мы пришли домой, у меня была сорок с лишним температура. Никто не мог понять, в чем дело. Меня спрашивали, был ли у меня стул, я говорила, что не было, но я не говорила о том, что ничего не было, не только стула. Это никому в голову не приходило. Нина, а так звали жену папы, уехала, потому что у них вещи шли багажом, а она *не может грязной ходить, а переодеться ей не во что*. Этого отъезда ей всю жизнь не могла простить тётя Соня: бросила больного ребенка и уехала. Честно говоря, оттого что она уехала, мне было ни тепло ни холодно, абсолютно никак меня это не тронуло: папа-то был, а мне она никто. Постепенно, слава богу, у меня всё нормализовалось, температура спала. Папа сдал свои билеты, тетя Елена Николаевна – свои, купили новые, и, когда мы с ней уезжали, папа нас провожал. Я ещё была очень слаба. Елена Николаевна потом спрашивала, кто такая та, что представилась моей тётей. Я ответила, что это жена моего папы. Она удивилась: «А ты знала?». «Знала», – ответила я.

Потом я приезжала на месяц в Самару, жила у папы летом, и если до этого я сомневалась: у папы с Ниной любовь или она вышла замуж за своего профессора, то теперь убедилась, что это любовь. Я увидела, как у Нины загораются глаза при виде папы, и поэтому приняла её.

В 1941 году папа с женой переехал из Самары во Владикавказ (тогда он был Орджоникидзе), куда прошёл по конкурсу на должность заведующего кафедрой. И началась война. В Самаре в это время был не мединститут, а военная медицинская академия, и папа был типа подполковника. И когда они ехали с её родителями пароходом до Астрахани через Саратов, папа пришел к нам. Его ещё не демобилизовали, и поэтому он был в военной форме, в погонах со шпалами. Я пошла с ним на пароход и познакомилась с родителями Нины.

Нина и в Самаре, и во Владикавказе работала на кафедре, где он заведовал. В 1937 году, когда мы встречались в Москве и шли из планетария, все родственники говорили им о ребенке. Папа отвечал, что успеют. Уже потом, после того как мы подружились, Нина сказала, что она не хотела и не любила детей, считая их только обузой. А во время войны она решила забеременеть, потому что боялась, что иначе её призовут как врача в действующую армию и придется с папой расстаться. Этого она боялась больше всего. В 1943 году родился мой брат Вадим.

В 1949 году, когда началась борьба с космополитизмом, папа закончил свою докторскую (он был профессором, но не был доктором) и в Москве встретился со Шмелевым, который был проректором по учебной работе в Саратовском мединституте. Тот позвал папу защищать в Саратове. Папа приехал, подал диссертацию к защите, назначили оппонентов. Два оппонента были его однокурсники, друзья, а третий – чужой, незнакомый ему человек. Тогда не было требования, чтоб оппоненты были из другого места, все они работали в Саратовском мединституте. У них уже несколько лет пустовала кафедра, не было заведующего, место пытались занять ученики Богомольца, но никто не удерживался. Всякие интриги, склоки, человека выживали, и я это знала. Папе предложили стать заведующим, переехать в Саратов. Я взяла с папы слово, что он, пока не защитит, не даст согласия на заведование. Он слово дал. Его попросили прочитать курс, который некому было читать, и папа полтора месяца здесь жил и читал этот курс. Жил у нас дома, конечно. В это время жена из Орджоникидзе бомбардировала его письмами о том, что там началась эпопея борьбы с семейственностью, и просила соглашаться на переезд в Саратов. Папа давал мне читать её письма. По письмам я тоже поняла, что она думает только о нём, и укрепилась во мнении, что Нина очень его любит.



В один прекрасный день папа пришел и сказал, что не выдержал и нарушил слово, дав согласие стать заведующим. Шмелев показал ему ключи от той квартиры, где папа будет жить, если согласится на заведование. Я предполагала, что это плохо кончится, я это прекрасно понимала. Ровно через час, после того как он дал согласие, проректор по научной работе Леонид Сигизмундович Шварц, которого, конечно, уже нет на свете, собрал оппонентов и сказал им: «Делайте, что хотите, но чтоб он не защищал». Как выяснилось, Шварц хотел на это место кого-то своего. И тут началось: защиту не назначают и не назначают, на вопросы папы отвечают, что сейчас не время, идет борьба с космополитизмом, а у него очень много ссылок на всякие иностранные работы. Папа говорит, что опровергает их мнения, доказывает их неправоту, предлагает пойти куда надо, хоть в горком. Ему отвечают, что не надо никуда ходить, подожди, подожди, подожди...

Папа тает на глазах, на нем лица уже нет, лет на десять постарел за это время. Из дома жена о гонениях, а тут вот так. В конце концов он кого-то из своих однокашников прижал к стенке и спросил прямо: «Забрать диссертацию?», тот ответил: «Забирай». Папа забрал диссертацию, уехал в Ростов и там блестяще защитился. Всё закончилось хорошо, но чего это стоило и ему, и мне! Вот такие между учеными бывают отношения, я с детства об этом знала, и у мамы в институте было подобное. Нине в Орджоникидзе пришлось уйти на другую кафедру, нормальной физиологии, а потом она стала ею заведовать. Нина была и проректором, докторскую защитила в Ленинграде. Она, когда вышла замуж, не поменяла фамилии, стеснялась, поэтому так и осталась Прониной. И тут вышла интересная история. Мой брат Вадим работал в Ростове и там защитил докторскую. В мединститутах тогда кафедры были очень маленькие, под один предмет, и максимальное количество людей на кафедре – это один профессор, он же доктор, он же зав. кафедрой, один доцент, который подменял

профессора на лекциях в случае чего, и несколько ассистентов, которые вели практические занятия. Когда брат защитил докторскую, то стал шестым доктором в институте, а это было уже много. Специально для него придумали должность клинического патофизиолога в клинике при мединституте, но ему хотелось быть самостоятельным, заведовать кафедрой, и он поехал в Минздрав. Там он стал просить назначить его куда-нибудь, и ему предложили занять место заведующего кафедрой нормальной физиологии во Владикавказе. Причем фамилии-то у брата и его мамы разные, и в Минздраве не знали, что он сын Нины Николаевны Прониной, а папы уже давно не было на свете. В общем, его так осторожно просят быть максимально тактичным с предшествующим заведующим, потому что она очень заслуженный человек и много сделала для мединститута будучи проректором. На что он засмеялся и сказал, что об этом они могут не беспокоиться, потому что Нина Николаевна Пронина – его мать. В Минздраве такому разрешению проблемы очень обрадовались. В итоге Нина перешла работать в Центральную научно-исследовательскую лабораторию (ЦНИЛ) и стала ею заведовать, а сын занял её место. Сейчас заведовать он перестал, но продолжает читать лекции, кроме того, долгое время был там и проректором по научной работе.

Папа и Нина любили друг друга, до последнего, это была самая настоящая любовь. Папа умер в 1961 году, то есть они прожили вместе 28 лет. Я вспоминаю: он входил – и Нина расцветала. Недоразумения в их отношениях были такие: папа всё делал, как, ему казалось, она хочет, а она всё делала ради него. Время-то было тяжелое, ничего нельзя было купить, а она одевала его я не знаю как хорошо, а на себя никакого внимания не обращала, хотя в молодости была страшная модница. А тут бог знает в чем уже ходила! Или ещё пример: они всё время ездили на море, и оказалось, что она считала – ради него, потому что он очень любит море, а папа мне признавался, уже

потом, когда болел, что надо было бы ездить не на море, а в Железноводск, но *Нина уж очень любила море*. У них был идеальный брак.

Мама же осталась одна. Она, наверно, любила папу, конечно, любила, но сама ж сказала *уезжай*. Она никогда в жизни ничем не проявляла обиду что ли на жизнь. Во все приезды папа, конечно, жил у нас, и даже вопроса не возникало, что это как-то неудобно. Когда папы уже не было, а я ездила просто к Нине, я её спрашивала, не ревновала ли она папу к маме. Она ответила, что никогда в жизни даже мысли такой не было, а во мне она видела его продолжение. Мама никогда не возражала против поездок туда, к папе, никогда в жизни, но, что было у неё в душе, я сказать не могу, не знаю.

И немного о маме, о нас с ней, нашей большой семье, после того как она рассталась с папой. В начале тридцатых годов в Саратове в одном здании были открыты два научно-исследовательских института, один так называемый САНГИГ, т.е. Санитарии и Гигиены, а другой – Институт Питания, и мама возглавила Институт Питания. Он был очень маленький, и потом его слили с САНГИГом, мама стала в нём зам. директора по научной работе. Она была одним из самых крупных специалистов по пищевым отравлениям, ею были разработаны методы экспресс-анализов.

Тогда свирепствовала такая напасть, которая называлась септическая ангина (сейчас называется – алиментарная алейкия), и в том, что её у нас фактически нет, я вижу мамину заслугу. Люди гибли от неё целыми селами, деревнями. Особенно свирепствовала она в Поволжье. Коллективизация, которая началась в двадцать восьмом году, породила голод, украинцы объявили это голодомором – геноцидом украинского народа, но я была свидетелем того, что люди умирали от голода на улицах Саратова: на нашем крыльце, где угодно. В 1934 году было даже людоедство.

Мою тетушку Елену Николаевну, которая была учителем школы, году в тридцать первом – тридцать втором, послали в Петровск. Оттуда она приехала в совершеннейшем ужасе от того, что там творилось. Ведь у людей всё отобрали, а в колхозе всё чужое, – и скот гиб, и поля стояли необработанные. Это была катастрофа, да ещё в это время случилась страшная засуха. Весь хлеб, который удалось собрать, отбирали дочиста, и люди гибли.

В то время я училась на Горького и Советской, а жила до осени тридцать четвертого года напротив театра (я говорила об этом) и обычно шла по Советской, а потом через Детский парк. И вот однажды ко мне подошла женщина и предупредила, чтобы я не ходила здесь, потому что тут отлавливают детей, варят и едят. Действительно, голод был страшный, поэтому говорить, что только украинский народ страдал, дико. Не меньше гибло в России, были карточки, и всем было трудно.

Трудно было во все советские времена. Сначала мама, потом Любовь Николаевна много ездили в Москву, в Одессу в командировки, всё привозили. Когда я стала взрослой, то стала я возить. Приезжала в Москву в Институт русского языка, и мне его сотрудники покупали что-нибудь, потому что за всем были очереди и всё давалось в ограниченном количестве. Мне покупали масло: один купит килограмм, другой купит килограмм – и домой я везу четыре-шесть килограммов масла. В Саратове масло можно было купить только на рынке.

До войны в сороковом году мы с Любовью Николаевной ехали в Киев через Харьков и в Харькове покупали квадратные вафли на вес, конфеты «подушечки», ни о каких шоколадных и речи не было, это было что-то недостижимое, только в Москве. Даже «подушечки» у нас нельзя было купить. Однажды, ещё до войны, в гастрономе на углу Кирова и Радищева, где теперь фонтан, я три дня стояла в очереди за сахаром. Ходила на переключку, на ладошке у меня номер писали, и в конце концов получила пол-литровую бутылку

подсолнечного масла. Так было во все советские времена – и до, и после войны.

А во время войны вообще был кошмар, жили только огородами, но первое время ещё и огородов не было. Под снегом оставались хлеба, уходили в зиму, и голодные люди собирали эти колосья, мололи и ели, а потом умирали в страшных мученьях. Это и есть септическая ангина. Начиналось заболевание с горла, а дальше общее заражение крови. Это страшная напасть, и неизвестно было в то время, что являлось её причиной. Мама начала это исследовать, хотя у неё не было медицинского образования, она была не врач.

Врачи не врачей просто презирают, даже самые культурные. Например, мой дядя, Николай Николаевич, сверхкультурный человек, порядочный, честный, замечательный, хороший – всё что угодно. Но я никогда не забуду, как он мне ответил, когда была первая пересадка сердца в Южной Африке, которую сделал Кристиан Барнард. Барнард сказал, что учился этому у нашего специалиста профессора Демихова. Я до этого читала про него в газетах, он отрезал головы одним собакам и пересаживал их другим. У него были даже собаки с двумя головами. Но потом долгие годы его имя у нас вообще не звучало, молчок, ни слова. И когда я спросила у нашего Николая почему, он мне буквально сквозь зубы процедил: «Но он же биолог». Не врач – всё, приговор человеку, он ничего уже не значит. Я была потрясена: ведь у него же учился Кристиан Барнард! Такая медицинская каста: не врач не человек, будь ты хоть семи пядей во лбу.

Моя мама не врач, но её медицинские заслуги в борьбе со всякими отравлениями были признаны очень широко. Она даже была членом Ученого совета Минздрава СССР, без конца ездила на заседания, которые проходили в разных городах, членом редколлегии всесоюзных журналов по санитарии и гигиене питания.

Я с детства жила в атмосфере *там отравление, тут отравление*. Помню, маму, когда она уже была лежачей, просили выяснить причину отравления целой семьи. Погибла семья, и не могли понять, в чём дело. Подозревали, что они отравились спорыньей, есть такой очень зловредный сорняк, который мог попасть в зерно, а они получили его за работу по уборке урожая. Предположили, что погибшие испекли блины из этой муки, поели и умерли. Кроме мамы никто не мог сделать такого анализа. Она сделала, оказалось, что спорыньи не было, а причина отравления в том, что глава семьи привёз из колхоза горючее, в которое раньше примешивали ядовитое вещество, чтобы было меньше опасности взрыва. Поставили незакрытую канистру с ним в подпол. И когда наверху грели воду на плите, мылись, жарили блины, ели, пары с ядовитым веществом смешались с воздухом – они ими надышались и погибли.

Когда-то дядя возил меня на Эльбрус, чтобы лечить от астмы. Во время одной поездки, а ехали мы на грузовике, всё время глох мотор. Шофёр пытался продувать карбюратор. Кончилось тем, что он буквально терял сознание, так надышался. Я вспомнила этот случай с отравлением семьи и спросила, нет ли в бензине того ядовитого вещества. Мне ответили *есть, другого бензина у нас не бывает*. В общем, полдороги не шофёр вёл машину, а заместитель моего дяди Николая по хозяйственной части. У шофера уже было помутнённое сознание, и это на открытом воздухе, когда лёгкие проветривались. Ему, конечно, оказали помощь.

Все такие случаи откладываются в моем сознании, у меня в голове. Кстати, читала у Конан Дойля, как отравили человека, покрасив стены в зелёный цвет, а в краске был мышьяк. С того времени у меня чувство, что я никогда не куплю ребёнку в подарок игрушку зелёного цвета. Я боюсь зелёного цвета, хотя ношу зелёную одежду.

Маму вызывали в суд как эксперта, судебные дела затягивались, иногда она возвращалась в два часа ночи. Всё время в доме была напряженная обстановка. Когда я была ребенком, было огромное количество отравлений ботулизмом, и всё это у меня с детства на слуху, я всё это знала. Тетя – бактериолог, мама – полубактериолог, специалист по пищевым отравлениям, и поэтому в моем доме всегда строго соблюдаются правила гигиены: ножи, доски для разделки для сырых и готовых продуктов в разных местах, не должны никогда соприкоснуться, потому что никакое мытьё не спасает, и это у меня в крови.

После войны, во время войны септическая ангина очень свирепствовала. Всех мужчин призвали в армию, а вернулись далеко не все. В сорок шестом – сорок седьмом годах был страшный голод, лошадей забрали, трактора забрали, пахали на коровах, и коровы поэтому не давали молока, слепли. Я это видела своими глазами, потому что ездила в это время в диалектологические экспедиции. В колхозах ничего не было, кормить людей было нечем, не то что дать что-то по трудодням. Поля были засоренные, на них очень много сорняка под названием спорынья, это страшная отравка. Подозревали, что от этого могли отравляться люди. Люди с более высокими чинами и степенями (а мама ещё тогда не была доктором наук), и москвичи, и ленинградцы, пытались решить эту загадку, а разгадку нашла она.

В Поволжье был самый разгар болезни, а мама нашла причину её появления – грибок – и разработала меры борьбы с ним. В Сибири, где были более сильные морозы, этот грибок не выдерживал, погибал от мороза. Меры были очень простые: во-первых, пропагандировать категорический запрет собирать перезимовавшее зерно; во-вторых, перезимовавшее зерно людям обменивать на нормальное. И у людей не оставалось мотива рисковать его есть. Разгадка появления алиментарной алейки (септической ангины) – это её докторская. Она

защищалась в мединституте в сорок седьмом году. Маму представляли к государственной премии, но она её не получила, орденом Ленина награждена была.

В Саратове она в течение двадцати лет была депутатом горсовета и зам. председателя комиссии здравоохранения. Мама очень активно работала как депутат, ходила по домам, очень многим помогала. Её дневники депутата я передала Саратовскому архиву, который на улице Кутякова. Но каждый раз она переизбиралась по другому округу, хотя была уверена, что её снова выберут там же, где её уже знали. Это в то время было невозможно, категорический запрет, видимо, потому что другие депутаты так не работали и они бы снова по тому же округу не прошли. Двадцать лет депутатства – это много созывов, двадцать лет – срок большой, и каждый раз новый округ, новые люди, новые проблемы.

САНГИГ, в котором работала мама в те годы, помещался там, где сейчас Администрация Волжского района, это был двухэтажный особняк. В этом же здании жил второй зам. директора по фамилии Герман и обслуживающий персонал. Целый отсек первого и второго этажей занимали их квартиры. Из второго этажа кирпичной двухэтажной хозяйственной постройки, сушилки для белья, сделали квартиры и хотели переселить туда жителей из здания самого Института. Герман категорически отказался туда переходить, и ему дали квартиру где-то в другом месте. Тогда мы жили против театра, где было, как я уже вспоминала, очень холодно. В это же время начали строительство завода тракторных деталей, и понадобилась наша территория около театра. Нам стали предлагать разные квартиры для отселения, и наши, я-то была ребенком, ходили их смотреть в разных частях города, но что-то всё время не устраивало. Всё кончилось тем, что мама согласилась переехать в квартиру из отремонтированной сушилки. Очевидно, её привлекло, во-первых, то, что это было рядом с работой и, во-вторых, – для меня близко от школы. Я училась



уже в четвертом классе и ходила сама. Это была четырнадцатая школа, она находилась там, где сейчас Авиационный колледж, на углу Горького и Советской. Мамин институт и наша новая квартира – напротив Липок, на углу Бабушкиного взвоза и Коммунарной (теперь Соборной), фактически два квартала от школы.

В новой квартире был водопровод и канализация, и в октябре тридцать четвертого года мы туда переехали. Сначала очень радовались: у нас было пять комнат, между ними что-то типа соединяющего коридора – наша кухня. На второй этаж вела лестница, а под лестницей пространство, куда складывались дрова для топки. Однако очень быстро оказалось, что в квартире ещё холоднее, чем в предыдущей. Там был лютый холод, потому что помещение отремонтировали не капитально, а сушилка не предполагала какого-то утепления. Печки были две, на обе половины дома. Топили их весь день, у нас уходило за зиму двадцать пять кубометров дров. Печки раскалялись так, что к ним нельзя было прикоснуться, но за ночь абсолютно всё остывало, выдувалось. Наши приобрели так называемую сущёвскую плиту. В отличие от обычных металлических буржеек, она была больше, четырехугольная, на четыре конфорки и обложена кирпичом. Поэтому она остывала не моментально, и весь день мы топили ещё и эту плиту и на ней готовили. Папа оставил нам для тепла большой ковер, он был во всю комнату, в которую на зиму мы съезжались все вместе. И тем не менее, когда взрослые ставили рядом с собой воду, чтобы ночью можно было глотнуть (я никогда ночью не пила и не пью, никогда воду рядом с собой не ставлю), так она к утру замерзала. От холода у пианино лопнула дэка.

В этой квартире мы прожили почти десять лет и уехали во время войны, в сорок третьем, когда мамин институт был уже в другом месте, на Волжской, где сейчас «Город здоровья». В здании института расположился райисполком Волжского

района, и там во время войны организовали штаб МПВО. В этом штабе, когда объявляли тревогу, собирались все его члены, и маме было очень близко туда бежать: она работала зам. начальника по медицинской службе этого штаба. Подвальные окна были уложены мешками с песком – защита от зажигательных бомб. Всем остальным домашним бежать к месту дежурства было гораздо дальше. Им выдали ночные пропуска, и бежать они были обязаны, хотя это было очень опасно, потому что в Липках стояли зенитки и по улицам летели осколки. Как только объявлялась тревога, они сломя голову мчались на свой пост, а дома оставались я, бабушка и собака. Мы спускались вниз под лестницу, рядом с дровами, там пережидали эту тревогу, потому что наверху было опасно оставаться. Но и внизу было небезопасно: дрова, если что, загорятся, а лестница деревянная, и другого выхода нет, поэтому у каждого на шее был мешочек с документами. Так случилось, что люди убежали, укрылись, спрятались, а их дом в это время сгорел.

В результате действий наших зенитчиков на жилые кварталы ни одной бомбы не упало, хотя бомбили очень много и часто. На концах города бомбили Крекинг и Авиа завод, и там каждую ночь случались пожары, каждую ночь из центра города виднелось зарево: горели огромные цистерны с нефтью. Посреди площади, где памятник Н. Г. Чернышевскому, поставили сбитый немецкий самолет, и все ходили на него смотреть. Кончилось, по-моему, тем, что его весь по кусочкам растащили. Деморализующе действовали осветительные бомбы, которые сбрасывали немецкие самолеты.

Часто бомбили железнодорожный мост через Волгу, но ни разу в него не попали. Этот мост был построен незадолго до войны, примерно в тридцать шестом году, и с приключениями: он был почти готов, но не соединён, когда случился такой сильный ветровой шквал, что снесло центральный пролет.

Этот мост во время войны играл, конечно, огромную роль. Железной дороги на Волгоград не было (это сейчас прямая линия по правому берегу реки), и все поезда шли через него. Напротив Волгограда, тогда ещё Сталинграда естественно, была станция Паромная. Моя тетья, которая железнодорожница, во время борьбы с холерой попала на эту Паромную, когда бомбили Сталинград. Бомбили его тучи самолетов, всё было черно. Тетья не могла переправиться в Сталинград, их никак не хотели прицеплять к поезду. Они трое суток были на этой Паромной, а на ночь уходили ночевать в степь, спали на голой земле, потому что каждую ночь Паромную бомбили. Наконец к какому-то поезду их вагон прицепили, кстати, предшествующий поезд был разбомблён. Она вспоминает, что во время переезда через Волгу и впереди, и позади, и справа, и слева было сплошное зарево: всё горит, отовсюду летят бомбы.

Там была такая петля, огибающая озеро не то Эльтон, не то Баскунчак, и каждую ночь эту петлю полностью разбомбливали, но тут же делали обходную, и опять шли поезда. Вокруг Саратова рыли окопы, потому что была очень большая вероятность, что все это будет и у нас.

Это пока всё о детстве и родственниках. Внешне я была очень похожа и на папу, и на маму. Совершенно чужие люди, в поезде в Москву скажем, вдруг подходили ко мне и спрашивали: а вы не дочь либо такого-то, либо такой-то.

## ГЛАВА II

### О школе

Школу я не любила и всякими способами старалась как-то увильнуть, чтобы в неё не пойти, вплоть до прямого обмана. Вместо школы уходила к младшей дочке фельдшера и санитарки из маминого института, которая была на год моложе, и мы с ней дружили. Потом всё выяснилось: пришёл завуч и рассказал. Это было, может, во втором классе. Меня, конечно, пропесочили.

А не любила я школу, во-первых, потому, что привыкла к дворовой, дачной компании, где верховодила. А тут я растворилась в большом классе (обычно это человек сорок – сорок пять), некоторые дети казались и поумнее меня, и поначитаннее. Вторая причина в том, что мне было абсолютно неинтересно. Я уже умела и читать, и писать, многое знала, мне было скучно, я считала, что это просто пустая потеря времени. И учителя были, мягко выражаясь, не очень хорошие. Исключение – учитель математики, он же работал доцентом автодорожного института. Это был и очень культурный человек, и хороший педагог. Его звали Аркадий Григорьевич Бутомор (с ударением на последнем слоге). Он нёс нам не только культуру мыслей, это само собой. На уроке математики он вдруг делал паузу и задавал вопрос: «А кто из вас читал роман Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса»? Ни одна рука не поднималась. После паузы: «А напрасно». Я тогда мигом шла в библиотеку и – действительно изумительный роман!

Самая главная причина моей нелюбви к школе в том, что я же ничего не видела, вернее, видела только с очень близкого расстояния. Даже с первой парты, за которой сидела, ничего не видела с доски. Первый раз моё зрение обследовали в восьмом классе, уже было минус пять. Своих одноклассников фактически не могла различить. Я очень плохо чувствовала себя в школе. Дворовые же были разновозрастные: одна

девчонка, трое мальчишек, но все разного роста, и их было немного. Они были в прямом контакте, близком, все прекрасно различались без лиц: трехлетний мальчишка, шестилетний, десятилетний и одна девчонка Тамара.

В школу первое время меня водили. У взрослых была так называемая непрерывка: на работе не было постоянного выходного, можно было любой выходной взять, какой тебе удобен. У меня в семье взрослых было много, они взяли разные выходные и водили меня каждый день. Конечно, меня готовили к тому, что я буду ходить одна.

Плохое зрение – это наследственное, мама и папа тоже очень плохо видели (у мамы было минус десять). Когда мне было шестнадцать лет, мы с папой ездили по Волге. Он взял билеты в Куйбышеве, где тогда жил, доплыл до Саратова, а в Саратове к нему присоединилась я, и мы поплыли в Астрахань. И вот стоим на палубе рядом, мимо идёт пароход, и мы пытаемся выяснить, кто из нас лучше видит. Не смогли: иногда я могла прочесть название, а он – нет, иногда наоборот.

Я начала очень рано читать, наверно, и это сказалось. Сейчас у меня нет хрусталиков, раньше заменяла хрусталик очками, теперь – лупой. Однажды я разговаривала с мужем знакомого лингвиста – известным психологом по зрению Глезером, и он предположил, что мой мозг отказался от лишней информации (жила, не видя лиц, и не надо) из-за того, что я поздно надела очки. Когда я надела очки первый раз, я даже воскликнула: оказывается, у людей разные лица! Но через минуту лиц я снова не видела. Недавно я вычитала, что ребенок начинает выделять лица с того времени, как выделит лицо матери, то есть ещё в грудном возрасте. Мне не надо было его выделять, для меня все семь окружающих в младенчестве людей были родители в равной степени. Может быть, это тоже сыграло свою роль.

Очень часто меня встречают на улице, здороваются и говорят: «Вы меня не помните? Вы меня не узнаете?» А я

никого не могу узнать, включая собственную дочь, потому что никого фактически не вижу, и если людей различаю, то только по фигуре, по походке. К сожалению, одежда меняется, а по одежде я тоже могу узнавать. В детстве меня это очень мучило. В детстве был такой привычный кошмарный сон, что я кого-то не узнаю, кого должна была узнать, и не вижу лестницы и поэтому с неё падаю. Теперь я уже с этим смирилась, привыкла и честно людям говорю, что лиц не вижу и поэтому узнать не могу. Если мне скажут, кто передо мной, тогда я могу сказать всё, что я про него помню и знаю. Люди часто забывают о том, что я не вижу и говорят: «Ну вот посмотрите!» Я отвечаю: «Это то, чего я сделать не могу». У меня в семинаре когда-то были две «звездочки», Люда Андреева и Оля Кочегарова (О.В. Мякшева<sup>17</sup> сейчас – О.М.), одна черненькая, другая беленькая, одна выше, другая меньше, таким образом я их различала.

Итак, плохое зрение – это главная причина того, почему я не любила школу. В седьмом классе у нас собрали тетради и сняли с них обложки, потому что на них был изображен Пушкин, а на перстне у Пушкина выискали свастику. Может, она там и была, потому что древняя свастика, руны, были талисманом, и во многих наших сёлах даже вырезалась над дверями. Но, может, её и не было. Я этого, при всем желании рассмотреть, увидеть не могла, а они углядели и обложки сожгли. Мы писали в тетрадях без обложек.

В этом же году отмечался пушкинский юбилей, поэтому и все учебники были с Пушкиным. В учебниках нашли где-то автора-троцкиста, где-то ещё что-то – в общем, лишились и учебников. Так как с доски я ничего не видела, до восьмого класса всё воспринимала только на слух. Мама подозревала, что я плохо вижу, и пыталась меня вывести на чистую воду. Я же, не могу объяснить почему, мучительно скрывала, что ничего не вижу. Когда мама спрашивала меня, вижу ли я с доски, я отвечала утвердительно. Мы жили напротив театра, и,

пытаясь проверить моё зрение, наши спрашивали меня, могу ли я прочесть на афишах, и я «читала», так как, когда играла в саду театра, эту афишу видела с близкого расстояния, мимо неё и в школу ходила. Интересно, что, как мне потом рассказали, сама мама, когда была маленькая, и то ли проверяли её зрение, то ли умение читать, но на картинке лото с санями и соответствующей надписью она прочла по слогам *солазки*. Читать она, конечно, умела, но просто не могла разглядеть.

Мне даже снилось, что меня уличают в том, что не вижу. Это страшно мучило: как не выдать того, что не вижу. Очень трудно было и потому, что на меня часто жаловались, что я с кем-то из знакомых не поздоровалась. А я же их не видела! Поэтому я всегда шла в страшном напряжении, пытаюсь разглядеть прохожих, очень часто здороваясь с незнакомыми людьми.

Подобное было, когда я плыла с папой на пароходе. На пароходе мы дружили с семьей судового врача. Однажды я задержалась в каюте, потом вышла на палубу, и мне показалось, что идет папа. Я решила, что он идёт под руку с женой этого врача. Я подошла с другой стороны, беру его под руку и говорю *papa*. А врач отвечает, что у него такой взрослой дочери нет. С папой происходило то же. Мы шли с ним, а впереди какие-то две женщины. Он решил, что одна из них – жена этого же врача. Папа пытается взять её под руку, а я его руку перехватываю и говорю, что это не она. Тогда он рассказал мне и такой случай. У него был очень близкий приятель, Борис Николаевич Шмидт, однокашник по мединституту. И вот идёт папа по улице, видит в очереди в газетный киоск, как ему показалось, этого приятеля, подходит к нему и снимает с него шляпу. А это оказался не он. Человек возмущается, называет это хулиганством. Папа теряется, конечно, и пытается всё объяснить. Еле-еле утихомирил. Вот такие вещи очень часто случаются с незрячими.

Мама тоже никогда ни черта не видела, но очень хорошо ориентировалась. А я абсолютно не способна ориентироваться, и в школе просто терялась в коридоре, с трудом могла найти свой класс. Иногда просила подругу, с которой сидела за одной партой и до этого ходила в детский сад, проводить меня в класс. Поэтому школа для меня была страшным местом, наказанием, от которого, кроме того, я никакого толку не видела.

Мой учитель – филолог, Серафима Георгиевна, меня в грош не ставила, то ли потому что я много пропускала, то ли потому что никогда руку не поднимала. Письменные работы она задавала скучные, я их без интереса выполняла. А если нужное слово писалось на доске, то я часто в нём делала ошибку. Когда у неё обнаружили открытый туберкулез и положили в больницу, её три месяца заменял учитель из другого класса, настоящий учитель, Яков Семенович Певзнер. Многие ученики Певзнера стали филологами. Именно он открыл мне глаза на литературу, в какой-то мере на меня саму. Певзнер стал давать интересные сочинения, над которыми надо было думать. И я у него начала получать пятерки. До этого были в основном четверки: скучные сочинения, какие-то ошибки. Кроме того, он стал меня хвалить. Певзнер учил нас читать художественный текст филологически, заводить карточки: *читайте и выписывайте всё, что характеризует и внешность персонажа, и его одежду, и его поступки, и его слова, и тогда сам собой получится образ.* До этого ничего такого не было. Он был только три месяца, но уже что-то перевернул во мне.

У меня сейчас нет хрусталиков, поэтому электронные произведения я не читаю в принципе. А вот бумажные книги читаю до сих пор. Правда, сейчас я ставлю себе жёсткий запрет на чтение художественной литературы, потому что стараюсь щадить глаза. Без беллетристики я могу обойтись. А вот не



читать диссертации, научные статьи, аспирантские работы я не могу себе позволить.

Возвращаюсь к своим воспоминаниям. Хорошо помню случай (это было уже с другой учительницей-филологом), когда на доске было написано слово *инженер*. Я не знала, как его написать, спрашивать соседа – это же выдать себя. И тогда я вспомнила, что по-английски машина – *энджин* и пишется через *и* с точкой. Значит, надо писать *инжинер*, а *инженер* через *е* – нелогично (самое интересное, что есть новое заимствование *инжиниринг*, и оно-таки пишется через *и*). Вот я и написала *инжинер*. Чуть ли не весь урок учительница меня склоняла: *безобразие, на доске было написано!* Я ж не могу сказать, что не вижу, а ей в голову это не приходит. Однажды на уроке математики дошли до квадратных уравнений, надо написать *равняется ±*. На доске это написано, но я ж не вижу, пишу плюс, а рядом минус, и снова чуть не весь урок учитель меня склоняет. Ну как я после этого могла любить школу? Конечно, я её не любила.

Хорошим учителем был учитель биологии Владимир Николаевич Волженин. Но в его особом отношении ко мне могла быть двойная причина: во-первых, он какое-то время работал в школе с моей тётёй Еленой Николаевной, во-вторых, у меня были очень неплохие знания по биологии. Работая одновременно методистом на биологическом факультете университета, он ввёл вузовскую систему занятий: задавал вопрос, давал какое-то время на обдумывание, а после этого вызывал, и надо было отвечать. Мне эта система очень нравилась. Он много рассказывал вне школьной программы, например, о том, что человек стал человеком, когда стал прямоходящим, но его предки были четвероногими, и поэтому многие человеческие органы не приспособлены к вертикальному положению. В некоторых случаях тяжелого протекания беременности врачи рекомендуют проводить её на четвереньках. Я потом узнала, что у дочери сестры Ксении

Ефимовны Павловской<sup>18</sup> был хороший врач-акушер по фамилии Калинин, и он рекомендовал ей во время беременности почаще вставать на четвереньки, так как у неё был больной позвоночник.

Много-много лет спустя, когда у меня начались страшные боли в животе, спазмы сосудов (это называется «брюшная жаба»), я вспомнила слова Владимира Николаевича, вставала на четвереньки, и это действительно помогало. Уже потом я стала свидетелем того, что врачи принимают такое состояние за острый живот, заворот кишок, взрезают человека и ничего не обнаруживают. Когда у мамы был инфаркт и я дежурила в больнице, слышала из коридора, как хороший дежурный врач винил себя за то, что не сразу распознал «брюшную жабу» и дал лекарство, которого не следовало давать.

На биологии я, конечно, блистала: всё знала, всё понимала. Знала больше, чем требовалось, ведь я собиралась идти по этой линии. И дома была обстановка, которая соответствовала получению таких знаний.

В доказательство того, что я умела соображать, приведу такой факт. Как-то я прогуляла в школе беседу врача, а дома меня стали выпытывать, что было в этой беседе. Я придумала то, с чем даже папа согласился, так это было разумно. Всегда очень раздражало, что мне очень туго завязывали на шею шарф. У меня повышенная непереносимость этого: очень трудно ходить в свитерах, особенно если они с тугой горловиной. В своё время меня пытались сюда целовать, и я умоляла ни в коем случае этого не делать. И вот дома я сказала, что говорили о том, что не надо завязывать на шее теплый шарф, надо, чтоб там всегда был продых. Папа подтвердил, что если шарф теплый и туго завязанный, то шея вспотеет, и это приведет к простуде.

В детстве вообще всё было против меня, единственным островком спасения нередко становился дневник, который был для меня и способом самовыражения, и средством

самоутверждения. Меня учили музыке, но в квартире было так холодно, что это вызывало ознобление рук, они были вечно распухшие, красные, опухали, на них появлялись язвочки, которые лопались. Попробуйте играть гаммы такими руками! Когда меня просто брали за руку – я вскрикивала от боли.

Я очень чувствительна к музыке, вероятно, у меня абсолютный слух, но при этом никакого голоса, поэтому я никогда, даже наедине, ничего не пробую петь, только про себя, но не в голос. Я не могу слышать свой голос, он не получается таким, каким он должен быть. Для меня мучительно, если человек, играя, ошибается, берёт не ту ноту. Когда-то я прочитала «Три толстяка», и там рассказывалось о том, что для каждого человека находили его слабое место и убивали таким образом: кого каким-то запахом, а кого-то звуком. Я решила, что меня очень легко убить неверным аккордом. До сих пор я поэтому боюсь ходить на концерты. Над нами жила дочь доцента математики Недорезова, которая занималась музыкой и играла часами одно и то же. На моё счастье, ошибалась она редко, но я всё время ждала того, что ошибётся. Это невероятная мука, кроме того, я ненавидела всеми силами души ноту *фа*. Я люблю восточную музыку: один мой знакомый говорит, что в ней нет ноты *фа*. Я вообще не выношу высокие голоса и некоторые высокие тембральные музыкальные характеристики. Я очень люблю «Лунную сонату» Бетховена и не могу слушать его «Аппассионату»: сердце начинает болеть, сбивается с ритма, трепыхается и начинается стенокардический приступ. Я не могу слушать Сибелиуса, большинство вещей Римского-Корсакова, но Шехерезаду – пожалуйста.

В нашем доме музыку любили: мама садилась за пианино, Арсений брал скрипку (которую я абсолютно не выношу), и они пели дуэтом, очень любили Римского-Корсакова. Если они начинали петь «Высота ль, высота ль поднебесная», я убегала в другую комнату, затыкала уши подушками и так лежала. Я

боюсь идти на концерт, потому что, если не смогу слушать, а уйти тоже не смогу, – просто погибну, для меня это физически мучительно.

Когда-то любимый человек уговаривал меня (мы встретились с ним в Кисловодске) пойти на концерт. Я отвечала, что не могу, не хочу, хотя, например, Шостаковича люблю. И вдруг в Кисловодск приезжает сын Шостаковича Максим. Поскольку исполнялись все вещи Шостаковича, мой любимый человек взял билеты на концерт, и мы пошли. После концерта он сказал, что грешным делом думал, что я просто музыку не понимаю и не люблю, но когда увидел, как я была вся в музыке, то понял, что ошибался.

Если слышу музыку по радио или по телевизору, конечно, звук уже не тот, но я всегда могу переключить. Однажды я попала в такую ситуацию: шёл фильм «Рапсодия», и я, не подумав, что там может быть музыка, пошла на него. Там была такая рапсодия, которая меня совершенно изничтожала, а я сидела в середине ряда и всех поднять и уйти не могла. Это был кошмар.

В общем, школу я не любила, не-лю-би-ла. Несмотря на это, закончила её с «золотой каёмкой». От выпускных экзаменов была освобождена, потому что часто болела.

Школу я окончила 19 июня 1941 г., был выпускной вечер. 22 июня 1941 года я была в театре на «Без вины виноватые», перед IV актом все актеры вышли на сцену и объявили, что началась война. Спектакль (дневной) продолжался, но всем было не до него. А 23 июня по цепочке собрали всех выпускников перетаскивать парты в школу за квартал, так как в нашей школе создавали госпиталь. Выпускники-отличники должны были в кинотеатрах до начала сеанса в фойе вместо привычного тогда концерта делать политинформацию. Это приучило меня к публичной речи.

## ГЛАВА III

### Об учёбе в университете, войне, ленинградцах и любви

Всю жизнь я собиралась стать либо медиком, либо биологом, и мои детские игры заключались в том, что я своим куклам без конца делала чернилами уколы, поэтому все животы у них были в фиолетовых разводах. Куклы в основном были тряпичные, с головами гипсовыми ли, фарфоровыми ли, и только одна целиком фарфоровая (мне она не очень нравилась – какая-то холодная). Целлулоидных тогда ещё и не было. Был мишка, огромный, белый, мягкий. Ещё мне подарили настоящую лабораторную посуду: чашки Петри, огар в них и небольшая такая петля, правда, не платиновая. Этой петлей я пересаживала микробов из одной чашки в другую и выращивала колониями.

Я колебалась только между тем, идти на биофак университета или в медицинский институт. У меня в классе была подруга, с которой мы всю жизнь (её уже нет на свете) сохраняли очень близкие отношения. Она писала стихи, сочинила целую поэму о нашем восьмом «Б» классе. Про нас с ней было написано: *ты известный врач-биолог, а я литератор-журналист*. Она стала юристом, а я филологом. Почему?

Никакой склонности в школе ни к урокам русского языка, ни к урокам литературы я не питала, очень много, конечно, читала и художественной литературы, и научно-популярной по биологии, географии, впрочем, по всем отраслям знаний. Меня интересовало всё. Помню, я без конца перечитывала книгу «Внутри атома». Но уроки литературы в школе терпеть не могла, и до сих пор у меня осталось неприятное ощущение от тех произведений, которые мы «проходили». Конечно, я очень люблю Пушкина, но, чтобы взять в руки томик его стихов и заставить себя их прочитать, я должна что-то в себе преодолеть, хотя знаю, что от текста получу удовольствие.

Мне надо оттолкнуть от себя то, что было в школе, особенно по отношению к «Евгению Онегину».

Я всегда любила ходить в театр, а в старших классах то ли годы сыграли свою роль, то ли спектакли, которые ставил наш театр, были очень хорошими, но случилось так, что я влюбилась в нашего актера, героя-любовника Александра Ивановича Степанова<sup>19</sup>. Он был и красивый мужчина, и прекрасный артист, и роли играл ведущие. В общем, все мои мысли были только о нем. Как-то раз я встретила его в Крытом рынке, он покупал мясо, так я специально стала ходить туда за покупками в надежде, что его встречу. Я знала, что он живет во дворе Консерватории, где жили многие актеры Драматического театра. Когда шла мимо (а ходила мимо часто), всегда в этот двор заглядывала. Однажды увидела, как он выбивал половики, и подумала: *Ах, какой прекрасный муж и семьянин!* Я ни в коем случае не пропускала спектакли с его участием, каждая такая встреча с ним была бог знает чем. Однажды он привел на спектакль свою дочь, чтобы она посмотрела на маму, которая тоже была актрисой, и я подумала: *Какой заботливый отец!*

Я стала ходить в театр на каждый спектакль, а в воскресенье дважды в день, и в конце концов решила связать с театром свою судьбу и поступать на театроведческий факультет ГИТИСа в Москве. Нужно было сдавать спец. экзамен по истории театра и подготовить рецензию на спектакль. Я начала готовиться: писала рецензии на спектакли, которые посещала, и конспектировала литературу по истории театра, воспоминания актеров. Мне помогала мама школьной подруги, которая работала в пединституте: она брала в библиотеке книги и давала их на короткий срок. В университете тогда филфака не было и, естественно, не было филологических книг. Конспектировала я с утра до ночи, до судорог в руках, потом подставляла руки под кран с холодной

водой и, когда судорога немного отпускала, снова писала. Готовилась очень серьезно.

И, конечно, писала Ему, но не объяснения в любви: он был женат, и это для меня абсолютное табу. Я очень внимательно следила за его ролями в спектаклях и указывала в письмах на то, что он делал неправильно: логическое ударение не на том слове, вообще криминал – вместо *любит она его, а не меня* произнёс *но любит-то она меня, а не его*. На третье письмо с «криминалом» он ответил оправдываясь и просил писать и дальше, так как эти письма ему помогают. Степанову тогда было 40 лет.

Приехал папа, и я повела его посмотреть Степанова, а играл в этот день не он, а Локштанов. Я, конечно, была вне себя, сразу решила повернуться и уйти, но папа был против, и мы остались. Я очень любила спектакль «Три сестры», где он замечательно сыграл Тузенбаха. Правда, в очередном письме я высказала ему целый ряд замечаний (например, военный не мог не иметь военной выправки, а он её не показал), по последующим спектаклям я понимала, что он эти замечания учитывал, но на письма, увы, больше не отвечал.

Был эпизод, который лишний раз убедил меня в том, что Степанов мои письма читает. Однажды мы опоздали на спектакль, и первый акт я смотрела не на своем обычном месте (1 ряд партера, 13 место – в кассе даже не продавали этого билета, всегда ждали меня). Взглянув в сторону моего обычного «местоположения», он посчитал, что меня нет, и больше туда не смотрел. В антракт мы сели на свои места, и в самом конце спектакля Степанов случайно увидел меня. Как сказали наши, даже в лице изменился. Так я узнала, что он меня вычислил. На меня трудно было не обратить внимания: я всегда сидела с блокнотиком, в котором отмечала все его промахи.

Поступив в университет, я стала ходить в театр нечасто. Театр как бы отошел на второе место, да и в Степанове я

разочаровалась, он перестал быть героем моей мечты. Во-первых, я узнала, что он разошелся с женой. Во-вторых, он однажды выступал по радио и был явно нетрезвым. Мне подтвердили, что он начал здорово пить. И вот однажды, когда я шла в университет, мне навстречу попался мой бывший кумир. Эту сцену я никогда не забуду. Он, взрослый человек, ведущий актер театра, любимец многих, как мальчишка, стеснялся и, краснея, спросил, почему я перестала ходить в театр. Сказать: потому что он разошелся с женой? Такого права я не имела, но сказала, может быть, значительно более обидное: «Да не до того теперь: во-первых, война, а во-вторых, я студентка и мне некогда».

Потом он снова женился и уехал из Саратова. Прошло очень много лет, и он приехал на юбилей нашего театра. Когда его показали по телевизору, я ахнула, так как увидела на экране старого крашеного человека. Степанов что-то сказал, буквально несколько слов, но мне это уже было неинтересно.

Прошло ещё много лет – я доктор, профессор. И вдруг раздаётся звонок, голос спрашивает, говорит ли мне что-нибудь имя Александра Ивановича Степанова. Конечно, я ответила утвердительно. Оказалось, что историк театра, который звонил, нашел несколько моих писем в театр. Сейчас он переписывается с бывшими актерами, дочерью главного тогда режиссера и со Степановым тоже. Этот историк дал мне адрес Степанова, и я снова написала ему письмо, написала о себе, вспомнила стальной блеск его глаз, когда он играл Ярового. В ответ получила огромное письмо, очень теплое и трогательное, в котором он писал, что очень меня ценил, рад, что я состоялась, задатки он замечал и раньше, что эти письма ему очень помогали, но что никогда не было у него стальных глаз, потому что глаза у него голубые. Написал о своих женах, о том, что не имел специального образования, что был беспризорником. Сообщил, что был невероятно расстроен, когда жена уничтожила мои письма. Я ответила, но...



получила открытку от жены о его смерти. В последнем письме ко мне он писал, что не представляет себе жизни без театра и хотел бы умереть на сцене. Почти так и получилось: они были на гастролях в Вильнюсе, Степанов шел на репетицию, упал и умер. У него в нагрудном кармане были два моих письма, получается, с ними не расставался.

Вот такие бывают в жизни вещи. Удивительным было и то, что Степанов одно время жил в Баку на одной улице с моим любимым! Мой любимый бакинец всю жизнь имел отношение к Бакинскому театру, а когда стал лингвистом, работал и в пединституте. Сколько раз я бывала в Баку! Мой бакинец, конечно, говорил о театре, но в основном о женщинах (мужчины есть мужчины!), и никогда разговора не заходило об актерах-мужчинах. Мы с ним были очень близки, любили друг друга, потом дружили просто семьями. К сожалению, в 1973-м году он умер, давно уже.

Познакомились с ним, когда я была по курсовке в Кисловодске. Со мной за столом сидели люди, которые жили в том доме, где он. Он приехал из Баку, они из Москвы, я из Саратова. Мои соседи по столику были тоже по курсовке, а он просто дикий отдыхающий, и однажды они говорят: «А вот с нами в соседней комнате живет один лингвист из Баку, хотите, мы вас с ним познакомим?». Нас познакомили, а мы полюбили друг друга. Ходили, гуляли, уже даже целовались. Когда расставались, он сказал: «В январе я к тебе приеду». Я ему задала для себя совершенно естественный вопрос, вернее не вопрос, а предложение: «Но ты напиши тогда, в чем ты будешь одет, а то как я тебя узнаю?». Он в шоке: «То есть как?» Я говорю: «Ну как, если я буду знать, какая на тебе шапка: каракулевая, черная, коричневая, я тебя узнаю». Выяснилось, что он шапок никогда в жизни не носил, в Баку они и не нужны, только в фетровых шляпах ходил. Но дело не в этом, а в том, что ему было непонятно, как можно не узнать человека, с которым ты два месяца довольно тесно общался. А для меня

совершенно ясно, что я его не узнаю, если не буду знать, как он одет.

Но всё это случилось позже, а в старших классах школы я мечтала только о театроведческом факультете. Когда же окончила школу, началась война, на почте не принимали документы в другие города. Так как у меня был аттестат с золотой каемкой и не надо было сдавать вступительные экзамены, я подала документы на филологическое отделение историко-филологического факультета университета, в этом учебном году такое отделение только что открылось. Ведь что может быть ближе к театроведческому, как не филологическое? Я надеялась перевестись на театроведческое, как только закончится война. Но кончилась война, и мое обучение в университете тоже закончилось, потому что она шла не так мало, как казалось вначале. Самое главное, что вскоре я уже не хотела быть театроведом.

Вполне возможно, что свою роль сыграло и моё разочарование в Степанове, о причинах которого я уже говорила. Я перестала так часто ходить в театр, хотя совсем его не забросила. Но главное – я увлеклась филологией.

Наш университет изначально был не рядовым. Там работали такие фигуры, как выдающийся литературовед, потом член-корр. АН СССР, заслуженный деятель науки Н.К. Пиксанов,<sup>20</sup> литературовед-зарубежник, очень крупный языковед В.М. Жирмунский,<sup>21</sup> некоторое время у нас преподавали крупнейшие лингвисты: Дурново<sup>22</sup>, Ильинский,<sup>23</sup> Калайдович,<sup>24</sup> Ушаков<sup>25</sup>. Был буквально калейдоскоп известных ученых. С другой стороны, большинство из них приезжали на такой короткий срок, что это не сыграло значительной роли в становлении филологической науки в Саратове. Почему они приезжали? Может быть, это было связано с Первой мировой войной либо с открывшейся перспективой карьерного роста. Почему быстро уезжали – сказать не могу. Дурново, Калайдович уехали за границу. Их

имена стали под запретом. Ильинский то ли уехал, то ли умер. Пиксанов, Соколов<sup>26</sup>, у которых училась Татьяна Михайловна Акимова<sup>27</sup> (крупный, известный фольклорист), конечно, какие-то традиции заложили, и это сказалось потом.

Ближе к тридцатым годам была какая-то совершеннейшая серость, абсолютно никому не известные фигуры, которые и работали очень недолго, и никакого следа, конечно, оставить не могли. Историко-филологический факультет к тридцатым годам был преобразован в педагогический факультет, а потом превращен в самостоятельный Педагогический институт. В нем появилась такая фигура, как Волк-Леванович<sup>28</sup>, у которого слушала лекции Лидия Ивановна Баранникова<sup>29</sup>. В Пединституте работал и Дульзон<sup>30</sup>, потом лауреат Государственной премии СССР, очень крупный, разносторонний ученый мировой известности. Но он был немец, и поэтому выслан, в Сибири и остался. Работал, по моему, в Иркутске. Там и премию получил за полное научное исследование языка малого народа – кетского. В Пединституте работала, у нас была только членом совета, ученица Дульзона Римма Махмутовна Бирюкович. Она преподавала английский, заведовала кафедрой иностранных языков, потом уехала в Канаду, в Израиль. Под влиянием Дульзона писала докторскую по сибирским языкам малых народов. Когда поступила я, Лукьяненко<sup>31</sup> из Пединститута целиком перешел в университет и заведовал единственной кафедрой филологии. Александр Митрофанович Лукьяненко читал нам и современный русский язык, и введение в языкознание, и старославянский язык. Когда я была на втором курсе, перешел из Пединститута и Александр Павлович Скафтымов, кафедра тогда разделилась на литературоведения и языкознания. Потом Александр Митрофанович уехал дальше от войны, в Семипалатинск, Саратов ведь был прифронтовым городом, и существовала очень большая вероятность, что он тоже будет оккупирован. Слава богу, этого не случилось. У нас на курсе

преподавал профессор Альтман<sup>32</sup>, который читал античную литературу. Видимо, он тоже эвакуировался из Москвы, из Московского института философии, истории и литературы – ИФЛИ.

У нас была и история народов СССР, и зарубежная история. Эти курсы читали, естественно, историки. Был общий для историков и филологов декан – Иван Васильевич Сеницын<sup>33</sup>, тогда ещё доцент, потом профессор, археолог. Его заместителем – историк Деренковский<sup>34</sup>, который потом тоже уехал, у нас он ничего не читал; после его отъезда зам. декана стала Татьяна Михайловна Акимова.

Занятия в университете в год моего поступления начались поздно (война!), в октябре, на первом курсе даже только 16 декабря 1941 года. Всех студентов и поступивших отправили на уборку урожая. У меня было больное сердце, и меня не посылали ни на уборку, ни потом на рытье окопов. Мы, не поехавшие на рытье окопов студенты, сердечники и прочие, дежурили в университете, ходили ночью по двору с винтовкой за плечами. Винтовка была, конечно, настоящая. Делали обход университетского двора, чтобы никого постороннего там не было.

Однажды поймали такого, так сказать, постороннего. Им оказался студент Московского мединститута. 16 октября он убежал из Москвы, на чем доехал – не знаю, но попал в Саратов. Первый вопрос его был: «Сколько километров от Москвы?» Мы сказали, что 800. Он: «Ой, так мало, нет, надо куда-то дальше пробираться». Вот такая была паника. Мы привели его в дежурку, где сидел преподаватель, и она сказала, что, поскольку он медик, нужно вести его в мединститут. Мы повели, но достучаться не смогли, достучались только до морга, который располагался тогда в университетском дворе. Открыл человек, сказал, что у него тут только мертвяки, живым быть не положено, и дверь закрыл. Студент остался перед дверью, холодно, уже середина октября, но снега ещё не

было. Мы вернулись, преподаватель сжалась и разрешила привести его в дежурку переночевать. Что с ним дальше стало, мне неизвестно.

В одну из ночей такого дежурства был звонок из обкома. В два часа ночи вызывали ректора университета Веру Александровну Артисевич<sup>35</sup>, нас послали за ней. Мы шли по совершенно темному Саратову, но страшно не было, потому что у каждого дома на крылечке сидели дежурные. Комендантского часа ещё не было, он появился позже. Мы её разбудили, она явилась в обком, и потом выяснилось, что её вызывали, потому что хотели взять помещение университета под один из эвакуированных заводов, а она сумела убедить, что этого делать не нужно. Университет это погубит, а заводу не поможет: помещения не приспособлены для завода. Кончилось тем, что университет остался, а завод был эвакуирован в чистое поле. Основные предприятия эвакуированных заводов расположились на дачных останках, таким образом, наш Ленинский район был создан фактически на пустом месте. В первый же год войны посередине этого пустого места ставили станки, потом строили вокруг стены, а завод уже начинал работать, выпускать продукцию. Потом уже шло капитальное строительство. Промышленность Саратова своим происхождением обязана годам войны, эвакуированным заводам. Когда происходила реэвакуация, возвращалась только часть заводов. Заводской район был промышленным ещё до войны.

У нас, конечно, преподавались военная медицина, военная топография и телефония. Мы разбирали-собирали винтовки, стреляли. Только меня ни в школе, ни в университете стрелять никогда не заставляли, поскольку я не видела не только мишени, но даже и мушки. А вот собрать и разобрать затвор я могла.

В письмах папе я сначала писала о том, что античная литература – хорошо, древнерусская – терпимо, а латинский,

старославянский, современный русский – это же ужас! Потом тон писем начал меняться, и мне стали больше всего нравиться как раз занятия старославянским, современным русским языком, а потом и историей языка. Это тоже отбило у меня желание переводиться.

В первые студенческие месяцы я, конечно, обо всем университете знала очень мало: студент есть студент. Мы учились в несколько смен, потому что помещений было очень мало. Истфак, который существовал раньше нас и располагался на Радищева и Ленина, переехал вместе с нами в основные корпуса университета. В здание истфака во время войны переехал Пединститут, а там, где был Пединститут, организовали госпиталь. Занятия шли по пять пар в день, часто во вторую смену, поэтому кончали мы где-то часов в десять. Пара – два часа по пятьдесят минут, потом, очень нескоро, перешли на сорокапятиминутные, с перерывом. Но раньше перерыва не было, поэтому и слово *пара* не употреблялось.

Я записывала лекции, как уже говорила, на маминых карандашных театральных рецензиях в общих тетрадях. Вообще жизнь была такая, которую трудно сейчас себе представить. На лекциях все, конечно, сидели одетые, потому что не топили, и занимались мы часто не в университетских корпусах, а в общежитии на Кутякова. Сидели на кроватях и слушали курс, очень часто писали карандашами, потому что чернила замерзали, никаких шариковых ручек тогда просто не выпускали ещё.

Не сразу, но мы стали получать иждивенческие карточки, 250 граммов хлеба, больше ничего. Позже нам начали выдавать ещё по ломтику хлеба, добавочные, на занятия. А первое время дополнительное питание было только для эвакуированных ленинградцев (о них и о ленинградском университете – чуть позже), потому что они приехали совершенно голодные, больные, дистрофичные. К ним на первом курсе был приравнен один поляк – солдат польской

армии. Он убегал от немцев, скитался по болотам, по лесам и прибился к нашим. У него ничего не было, в одной форме и дневал и ночевал. Запах от него шел жуткий, с ним никто старался рядом не садиться. Жил он, наверно, в общежитии. Я как-то не могла вот так изолироваться от него. Бывало, что мы оказывалась рядом. Он, как и ленинградцы, был дистрофиком и приписан к дополнительному питанию. В чем оно заключалось, не знаю, их кормили в столовой. Поляк не очень хорошо говорил по-русски, и получалось так, что иногда у нас общим языком оказывался латинский. Латинский язык преподавали доцент С.П. Знаменский и Андрей Алексеевич Киреев (я была в его группе). Киреев много лет оставался на факультете, стал уже доцентом, но без степени. Он потом кому-то и древнегреческий преподавал, несомненно, был хорошим преподавателем, и латинский мы знали.

Однако поляк не выжил, умер, не кончив и первого курса, слишком был измотан, истощен, несмотря на дополнительное питание. Могли ли мы ему помочь? Было очень трудно всем. Нас без конца отрывали на погрузо-разгрузочные работы (для того чтобы не встал СарГРЭС, нужно было срочно разгружать сланцы, которые приплывали по Волге). Электричества в домах не было, и во время войны мое плохое зрение ещё больше ухудшилось из-за огромной нагрузки на глаза. Читала я дома при коптилке, на лампу керосина не хватало, свечей не было. Что такое коптилка? Наливалось в плошечку полчашки керосина, окунался фитилек, и этот фитилек горел. При ней приходилось и писать, и читать.

Сланцы разгружали для того, чтобы не встали заводы. Они, естественно, работали для фронта. Рыли траншеи, чтобы провести газ к СарГРЭСу, причем все это надо было делать очень спешно. Трубы укладывались, конечно, просто в землю, и никакой водоизоляции. Потом, когда пустили газ, было очень много взрывов домов. Газ метан сам по себе не имеет никакого запаха и цвета (сейчас его специально подкрашивают

и ароматизируют, а тогда ничего этого не было), и поэтому, когда ржавые трубы давали течь, газ заходил в подвал, человек зажигал спичку, не подозревая ни о чем, – и взрыв.

Без конца мы ходили по госпиталям, правда, уже во внеучебное время, помогали таскать на носилках раненых, развлекали их, и это почти ежедневно. Была и практика по военной медицине. Кроме того, каждому из нас выдавалось, кажется еженедельно, грязное белье с раненых. Можно себе представить, в каком виде их привозили: все в крови, в гною, в земле. Выдавали нам на руки всё это вместе с кусочком мыла (который купить в то время было абсолютно невозможно), и мы должны были это дома стирать и возвращать уже чистое белье. Нашим подшефным был госпиталь челюстно-лицевой хирургии, поэтому многие из раненых не могли говорить: всё было перевязано. Мы и кормили их, и поили. Было тяжело и физически, и психологически. Своё бельё стирали золой. Собирали золу из печи, печи тогда топились дровами. Тете Любови Николаевне, которая работала на железной дороге, выдавали уголь, и эту золу тоже собирали, и ею тоже стирали.

В начале войны у нас никаких запасов не было, купить нечего, денег нет, поэтому ели, конечно, очень плохо. Все мои работающие взрослые, четыре человека, были донорами, сдавали кровь для раненых, а им полагалось в день сдачи крови килограмм хлеба, несколько ложек сахара, полстакана максимум. Этот сахар шел, конечно, ребенку, то есть мне, хотя я была уже студенткой. Лишний хлеб меняли на рынке на какой-нибудь продукт: муку, крупу, на что-нибудь ещё. А потом начались огороды.

Начиная с весны 1942 года все получили земельные наделы на Зеленом острове. У Елены Николаевны ещё на Соколовой горе наверху, у Галины Николаевны в так называемом Займище, после Затона, которого теперь просто нет, оно под водой, там была самая урожайная земля. У Любови Николаевны, кроме своего индивидуального огорода,



было ещё железнодорожное подсобное хозяйство, тоже на Зеленом острове. Там люди работали и потом получали, так сказать, плоды растениеводства. У мамы один год, по-моему, был ещё участок от её института в Сабуровке. Туда институт организовывал коллективные поездки на машине, и мы сажали картошку, просо выращивали, потом пшено получали и сорго – сахарный тростник, из которого варили сахар. Сажали сахарную свеклу, вялили её и ели как сладкое, фасоль сажали, в общем, всё, что только можно было, всё сажали. Огороды на Зеленом острове сохранялись и после войны довольно долго.

Помню, в начале 1942 года я шла в театр (а жили мы в то время напротив Липок, Драматический театр был там, где стоит сейчас), и вдруг вижу: продается калач, не черный хлеб, а саратовский калач, но не такой небольшой, как сейчас, а огромный. Я взяла с собой, когда пошла в театр, наши карточки (жесткого закрепления карточек за определенным магазином ещё не было), и по всем карточкам этот калач купила, за несколько дней вырезали талоны. Он у меня никуда не влез, такой был большой, пришлось нести под мышкой. Зима, сильный мороз, у меня жутко замерзли руки, я не могу их никуда засунуть, потому что этот калач несущу и не могу им пожертвовать. Забежала в Крытый рынок погреться, а там меня как все обступили: продаешь, продаешь, я скорее бежать.

Чем мы ещё питались? Маму прикрепили к столовой Дома ученых (одноэтажное здание), которая была там, где сейчас музыкальный фонтан, на углу Кирова и Радищева. Эта столовая обслуживала не только ученых, но всяких ИТР тоже. Первые два месяца войны прикрепляли ещё и семейных, правда, не всех, и мы брали этот обед домой. Обед на четверых делили на шестерых, разбавляли водой, хотя там уже была почти одна вода. Потом оставили только одного человека, и, конечно, этот талон отдали мне. Я туда ходила и обедала, там ещё артисты цирка обедали. Помню, с лилипутами сидела за одним столом. Но так как я ни черта не видела, получилась

такая глупейшая история. При входе в столовую однажды встретила мамину сослуживицу, которая сказала, что сегодня роскошный обед, мне послышалось, что с осетриной. Я удивилась и ожидаю получить осетрину. Дали, как я потом поняла, по куску свиного сала. Он белый, и я приняла его за осетрину. Смотрю: лилипуты режут ножом и едят, и думаю: *какие некультурные, рыбу ножом режут*. Попробовала – без ножа никак. Пришлось тоже резать ножом, а когда в рот-то взяла, поняла, что не осетрина, а свинина, одно сало, без прожилок мяса. Съела за милую душу этот роскошный обед. Обычно давали суп из огурцов, на второе – те же огурцы, жареные, порезанные. На дрожжевом заводе продавались дрожжи, которые можно было купить свободно, мы их жарили и говорили, что это как грибы. Вот такая была кормежка.

Под октябрьские, 7 ноября 1942 года, маме выдали паёк, потом уже это было регулярно. В пайке бутылка вина, азербайджанский портвейн «Акстафа», и грамм 400 сырого мяса. Вино мы оставили на День Победы – и дождались. Выпили его 9 мая 1945 года. Оно было такое вкусное, я потом много пила этого азербайджанского портвейна, он действительно хороший, но такого никогда больше не пробовала. Почему оно было такое вкусное? Потому что оно было выдержанное, четыре года простояло, или потому что это был День Победы?

И мы учились! Настолько были ответственны за то, что учимся, когда люди воюют. Мы старались как можно больше взять, у нас ведь был очень ограниченный срок: сначала три года, потом добавили четвертый. Двоечников фактически не было.

ГИТИС эвакуировался в Саратов весной 1942 года, его приютила Консерватория. Однокурсники уговаривали меня переходить туда, и перейти было можно, но какое счастье, что я не перешла! Считаю, мне крупно повезло, что я осталась в

университете уже потому, что в ГИТИСе были такие преследования по всяким поводам!

Университет же смог устоять перед этими испытаниями. Примеров тому много, приведу несколько. В 1949 году во всех вузах проходили очень жесткие разбирательства, связанные с гонениями на евреев под предлогом сионизма. У нас работала Раиса Азарьевна Резник<sup>36</sup>, она страшно нервничала перед таким собранием, и действительно, на нем её осуждали за статьи, в которых она кого-то цитировала, кого-то защищала. На собрании выступала зав. кафедрой Резник Мария Нестеровна Боброва<sup>37</sup>, которая, упрекая, её выгораживала. И всё обошлось. Та же Мария Нестеровна как-то раз сказала мне про одну коллегу: «Я казачка, поэтому на дух евреев не переношу». Я напомнила ей о том, как она защищала Раису Азарьевну. На что она мне ответила: «Но я же порядочный человек». Да, в университете работали порядочные люди, и отношение к преподавателям зависело не от национальности, а от их профессиональных и нравственных качеств.

Однако в университете первое время я чувствовала себя вовсе не уютно. Я много пропускала, потому что болела. В университете я много чего делала, конечно, на всяких работах, но ни на сельхозработы, ни на рытьё окопов меня не отправляли, и поэтому чувствовала себя неполноценной. Очки надела – и это не добавило уверенности.

Но потом увлеклась языком. Из Москвы приехала в наш университет Е. М. Галкина-Федорук<sup>38</sup>, которая до войны была доцентом МГУ, а у нас стала вести практические занятия по современному русскому языку и интересно рассказывала о писателях и лингвистах. В своей молодости она работала домработницей ли, нянькой ли у Ушакова и ещё у кого-то из лингвистов. Они и убедили её поступать в университет и стать филологом. Она была женой ректора МГУ, поэтому преподавала у нас только первый курс и вскоре уехала к нему в Алма-Ату, куда был эвакуирован Московский университет.

Древнерусскую литературу и фольклор нам читала Татьяна Михайловна Акимова – потом очень известный в России ученый.

В университете продолжали формироваться мой характер и «бойцовские» качества. Но сначала было так. Специалист по античной литературе М. С. Альтман перед экзаменом сказал: «Кто уверен, что знает на пять, сейчас уже может получить «хорошо», не сдавая экзамена». Некоторые подняли руки и получили четверки, я не подняла, но не потому, что хотела получить «отлично», а потому, что в своих знаниях не была уверена. Я удивилась, как это другие могли решиться. Сдала и получила, конечно, пять, так как много читала про античный театр. Но эта неуверенность меня очень подвела на первой же сессии.

Первая сессия зимой – только три дня и три экзамена, без перерывов: введение в языкознание, всеобщая история первая часть и фольклор. Я без конца болела, но введение в языкознание знала хорошо – Лукьяненко ставит пятерку. Всеобщую историю мы готовили по школьному учебнику. Я не знала, была ли в курсе лекций история Византии. Спросить не у кого, так как война, нас часто снимали с занятий: на разгрузку сланцев, на прокладку труб – и пропусков у всех было много. Я решила, что она не входит. В билете у меня три войны (Пелопонесская, II Пуническая и Столетняя), отвечаю, всё прекрасно. И тут преподаватель задает вопрос: *Что такое великий юстинианий и в какой стране и когда это было?* Я предположила, что этот вопрос по истории Византии (императором там был Юстиниан), и призналась, что этого раздела не читала. Преподаватель возмутился, начал задавать другие вопросы. Ответы на них я прекрасно знала, но отвечала, что не знаю. В итоге получила тройку. После того как ушла, экзаменатор схватился за голову, сокрушаясь, что поставил за такой ответ тройку, потом встретил меня и извинялся, советовал пересдать. Пересдать мне сразу не разрешили.

Следующий экзамен – фольклор, который мне не доставлял удовольствия. На лекциях по историческим песням я не была по болезни, учебник нам читать не советовали. Достаются исторические песни XIX века. Я научена вчерашним опытом и веду себя уже по-другому. Прекрасно отвечаю по первому вопросу, а на экзамене сидит ещё и Лукьяненко. Татьяна Михайловна спрашивает: «Назовите, какие вы знаете сказочные былины». Я их не читала, но названия знаю – называю. По второму вопросу меня только спрашивают, о чем исторические песни. Ясно же, что о войне 1812 года. «Кто главный герой?» Я размышляю: «Барклай де Толли не может быть», осторожно говорю: «Кутузов». Экзаменатор: «Отчасти. А в основном?» Память у меня хорошая, в детстве я читала книжку с историческими рассказами, и я вспоминаю генерала Платова. «А как он изображался? Как генерал?» Я начинаю: «В солдатской шинели...». Всё. Больше ничего не спрашивает и ставит «отлично».

Мне очень стыдно, тем более что позже в стенной газете под названием «Творческий ответ» она меня расхваливает. Когда потом я попыталась признаться во всем Татьяне Михайловне, то она сказала: «Бросьте, не выдумывайте, я до сих пор помню ваш прекрасный ответ». Что ответ был творческим – это да.

Летом 1942 года немцы подходили к Сталинграду, была угроза и Саратову. Студенты в это время трудились на сельхозработах, а меня мучила мысль, что я ничего не делаю для страны. В это время появились случаи холеры. К работе по борьбе с нею был подключен мамин институт, тетя, Любовь Николаевна, и, конечно, «Микроб». Мама предложила мне работать на сборе проб воды, и я согласилась. Работа нелегкая: брать пробы воды из 6 разных точек: колонки, промводопровод, канализационная станция и Волга. Точки далеко друг от друга, а транспорт ходил плохо. Груз тяжелый,

каждая проба – литр плюс банка. У меня был специальный пропуск на режимные объекты. Однажды, когда уже начались занятия и я торопилась на них успеть, прихожу к канализационной станции, а вахтера нет на месте, вместо него огромная черная собака, очень агрессивно настроенная. Ждать вахтёра – опоздаю на занятия, и я начала её уговаривать: «Собака, собака, я не шпион и не диверсант, ты должна меня пропустить, я возьму пробы воды, у меня и пропуск есть. Достала этот пропуск (это была картонка типа старого железнодорожного билета) и – вот тут меня обуял ужас – она взяла его в рот! Думаю: съест, и чем докажу, что его съела собака, а не я отдала какому-то диверсанту: война же! Но собака мне пропуск вернула, на нем остался след от её зуба – «прокомпостировала» и пропустила. Я взяла пробы, возвращаюсь, в воротах уже вахтёр. Он мне: «Как вы прошли, тут же собака была!» Отвечаю: «Я ей пропуск показала». – «Вы с ума сошли. Это сторожевая собака, она молча кидается и перегрызает горло! Только сегодня одного чуть не загрызла! Никогда больше такого не делайте!» На следующее утро прихожу – вахтера снова нет, а собака стоит. Уже знаю, что она может перегрызть горло, но достаю пропуск. Она его только нюхает и пропускает. Вот такая история.

Ещё один случай произошел в экспедиции. Мы со студенткой Клавой ходили километра за три от села на хутор к какой-то старушке, а когда возвращались, уже темнело, кругом ни поселений, ни людей. Дорога была мимо высокой стены овчарни, или овечьего загона. Видимо, уже спустили собак для их охраны, и на нас с трех сторон мчатся разъяренные кавказские овчарки. Мы остановились, и я говорю Клаве, чтоб она не бежала и не кричала. Сама же начала с ними разговаривать: «Мы ваших овец не тронем, они нам не нужны» И что-то ещё в этом роде. Они как вкопанные остановились в полуметре от нас, сели и смотрят. Ту, что в центре, прямо

против меня, я даже погладила по голове. Через несколько мгновений собаки повернулись и ушли.

Я собак не боюсь, кроме цепных: цепная, если сорвется, – невменяемая. В одном из сел у хозяев, где мы ночевали, была злющая цепная собака. Утром и он, и его жена куда-то уехали, мы ушли записывать речь, дома остались одни дети. Собака с цепи сорвалась, и соседи нас предупредили домой до хозяев не возвращаться. Как нарочно, у меня кончилась бумага, и я решила идти за новым блокнотом. Клава (и на этот раз мы были с ней) не пошла, боится. Я же пошла, собака меня спокойно пропустила, я взяла блокнот, еды для Клавы и вернулась. Наверное, собака уже немного пришла в себя: после того как она сорвалась, прошло часов пять-шесть.

Однажды на нашего пуделя напал бультерьер. Этот кобель поднимался по лестнице, а Кунак (так звали пуделя) выходил гулять. Бультерьер вцепился Кунаку в нос, тот завизжал. Я сзади этого «волкодава» схватила и оттаскиваю, а он и скользкий, и тяжелый, но Кунака отпустил. Вы бы видели изумленный взгляд этой собаки: *как я посмела!* Тут и хозяйка подошла, так что все кончилось благополучно.

Второй курс я весь пролежала, сначала в больнице (меня с пороком сердца и прочими сердечными прелестями демонстрировали студентам), потом дома. Профессор Л.А. Варшамов (известный в Саратове медик) сказал, что будет только хуже: *нового сердца я вставить не могу* (тогда ведь ни о каких операциях на сердце и думать не думали). С тем меня и выписали. Только в мае я стала передвигаться, в основном по комнате. Я не слушала ни одной лекции, зимнюю сессию пропустила и, чтобы меня не отчислили, должна была сдать сначала за зимнюю сессию. Мама сказала, что я должна сдавать. Жили мы в то время на Челюскинцев, между Коммунарной (теперь Соборной) и Некрасова, транспорт не ходил, то есть ехать было не на чем. И я пошла. Шла от крылечка до крылечка.

Отвечала Скафтымову. Я, конечно, готовилась, переписала лекции у Светланы Александровны Бах<sup>39</sup> и получила «отлично». На следующий экзамен я шла уже увереннее. Сдала всеобщую историю, произведя впечатление на преподавателя историческим мышлением.

Весенняя сессия прошла без такого сильного и морального, и физического напряжения. На консультации по основам марксизма-ленинизма В. Я. Розен<sup>40</sup> заявил, что Сиротинина больше тройки не получит, так как на лекции не ходила, практические не посещала. Перед экзаменом он сначала поругал меня за короткие конспекты Фейербаха – я попыталась объяснить, что для меня этого достаточно. Спрашивал он меня полтора часа. Кончилось всё признанием Розена в том, что ничего не может поделать и вынужден поставить «отлично».

На третьем курсе, после того как я сдала вторую часть истории, мне разрешили пересдать первую часть. Доцент С.М. Пумпянский дал вопросы и ушёл. Все достали учебники и начали списывать, я не стала этого делать, хотя вопросы билета не готовила. Должна была отвечать по культуре Древнего Рима, начала ответ с того, что мне достались плохие вопросы, потому что культура Древнего Рима – это совсем не то, что культура Древней Греции. Пумпянский: «А что такого было в Древней Греции?» Я: «Ну как? А Софокл, а Еврипид?». Он говорит: «А Сенека?». Я ему возражаю: «Почему Сенека, а не Сенека?». И весь ответ прошел в таком споре. И.П. Глотова<sup>41</sup>, которая училась на этом курсе, рассказывала, что студенты, сидящие на экзамене, удивлялись моей наглости. А я воочию убедилась в том, что такое *волосы встали дыбом*. Волосы на руках у меня совершенно незаметные, они не черные, но, когда я увидела вопросы, они встали дыбом и я стала мохнатая.

Та первая тройка научила меня сдавать экзамены. После этого случая на экзамен я шла как на бой. Знала я или не знала,



я доставала из глубин своей памяти всё, что помнила, и отвечала. И сейчас я учу своих студентов, что перед экзаменом не надо пить успокаивающие, они угнетают работу мозга, надо выспаться, чтобы всё в голове улеглось. Как теперь думаю, поскольку у меня обычно низкое давление, на экзамене оно повышалось и мозг работал лучше.

Всё время на курсе менялся контингент: кто-то приезжал из западных земель, а по мере того как шло наше наступление – возвращался домой. Многие уезжали вслед за родителями в глубь страны, в эвакуацию. Были у нас неожиданные люди, иногда намного старше нас, совершенно взрослые.

Приехала к нам дочь генерала Кирпоноса<sup>42</sup>, который потом был расстрелян. Тогда про его судьбу не было ничего известно. А потом она исчезла, мы не знаем куда. Была одна, жена какого-то крупного деятеля, по-моему, она была Таубин. От нас всех она отличалась тем, что очень много бывала за границей (никто тогда не ездил), приезжала и нам рассказывала о всяких парижских модах. Потрясала нас рассказами о том, что в Париже красят губы помадой в цвет одежды, поэтому могут быть зеленые, голубые губы. Мы этого ничегошеньки не знали. Были всякие экзотические фигуры.

Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Это и про меня. Война стала причиной того, что я не уехала в ГИТИС, и того, что к нам приехал Ленинградский университет. Он работал параллельно с нами, ректор был общий, Александр Александрович Вознесенский<sup>43</sup>, преподаватели разные, но ленинградские работали и у нас. Мара Борисовна Борисова<sup>44</sup> была студенткой Ленинградского университета. На четвертом курсе она уехала вместе с университетом в Ленинград, а потом вернулась.

Приезд ленинградских преподавателей заложил в нас основы настоящего подхода к науке, настоящего филологического образования. Немаловажно и то, что они приехали вместе со своими диссертационными советами,

поэтому многие наши преподаватели именно в годы войны защитили свои кандидатские диссертации: и Татьяна Михайловна Акимова, и Валерий Петрович Воробьёв<sup>45</sup>, и чуть позже – Лидия Алексеевна Лавровская<sup>46</sup>.

Мы могли слушать лекции наших и ленинградских ученых. Поскольку ленинградские студенты занимались в одном с нами помещении, мы бегали слушать об одном и том же периоде, об одном и том же писателе Александра Павловича Скафтымова и Григория Александровича Гуковского<sup>47</sup>, Евгеньева-Максимова<sup>48</sup> и Бялого<sup>49</sup>, слушали Эйхенбаума<sup>50</sup>. Например, Жуковский был абсолютно не похож на себя у каждого из них. Где истина, мы не знали, но поняли, что одно и то же может быть воспринято по-разному. В своих лекциях и Александр Павлович Скафтымов, и Григорий Александрович Гуковский, который много занимался с нами, много нам читал, доказывали, что свойством художественной литературы является возможность разных интерпретаций. Гуковский даже рассказал нам, как, будучи студентом, из хулиганства, выступая на студенческой научной конференции, цитатами доказал, что сказки Пушкина своими истоками имеют африканский фольклор. Этим он продемонстрировал, что цитаты не могут ничего доказать, или по-другому: цитатами можно доказать всё, что угодно. Александр Павлович учил нас тому, что сказанное писателем в произведении далеко не всегда совпадает с тем, что он хотел сказать, а написанное им в записных книжках, письмах или в дневнике может не совпасть с тем, что мы обнаруживаем при анализе самого произведения. И поэтому при литературоведческом анализе исследователь должен руководствоваться только логикой самого художественного произведения, анализом роли в произведении всех её персонажей.

На четвертом и даже на третьем курсе занятия по зарубежной литературе вёл Ахилл Григорьевич Левинтон<sup>51</sup>,

тогда молодой доцент, на втором курсе – Михаил Павлович Алексеев<sup>52</sup> (я у него прослушала только несколько лекций, потому что вышла-то только к весне).

Ахилл Григорьевич Левинтон организовал ещё семинарские занятия, и мы делали на них доклады по зарубежной литературе. У меня был доклад о Мильтоне. На третьем курсе у него был кружок по зарубежной литературе, вместе с ленинградскими студентами. Я ходила и на этот кружок. Вернее, я сделала доклад на семинарском занятии о войнах в хрониках Шекспира (о законных и незаконных войнах с точки зрения Шекспира), ему доклад понравился, и он пригласил меня на этот кружок.

Мы жаловались Александру Павловичу, что по учебным планам не должно быть семинарских занятий по зарубежной литературе, это лишняя нагрузка, и вот тогда он нам сказал фразу о лишних знаниях, которых не бывает. Он сказал, что мы должны быть только благодарны Ахиллу Григорьевичу. Потом мы, я во всяком случае, конечно, оценили это.

Мы дошли до спецсеминаров – война шла к концу. Я работала в двух спецсеминарах: лингвистическом, у Лидии Ивановны Баранниковой (нас там было всего два человека: я и Светлана Александровна Бах, поэтому мы занимались вне расписания), и литературоведческом, у Александра Павловича Скафтымова, по Чехову.

На спецсеминаре у Скафтымова я выступила с докладом по повести «Три года». Доклад был построен на сравнении двух редакций: журнальной и для собрания сочинений, которые принципиально различались. Мой доклад ему очень понравился, но, тем не менее, он от него камня на камне не оставил, сказав, что я многого не учла. Я тогда была с ним абсолютно согласна. От Татьяны Михайловны Акимовой потом узнала, что он был восхищен моим докладом. Александр Павлович уговаривал меня писать дипломную по литературе, и, хотя я преклонялась перед ним, как перед Богом, и мне было

очень трудно ему отказать, я твердо сказала, что буду писать по языку.

Одна его очень бойкая и умная спецсеминаристка делала доклад по «Скучной истории» Чехова. Александр Павлович задал ей вопрос, почему в докладе совершенно не прозвучала фигура доцента, на что она ответила, что доцент для её концепции не был нужен. Что с ним было! Он, олицетворение доброжелательности и спокойствия, был так разъярен: *Чехову он был нужен, а для вашей концепции не нужен!* Александр Павлович, конечно, не произнес ни одного обидного слова, хотя голос не сильно, но повысил.

Изначально мы были привиты, вакцинированы от того единомыслия, которое в те годы требовалось, у нас этого единомыслия не было – никогда и изначально.

Нашему курсу, к сожалению, читали только ленинградцы-литературоведы, хотя приехали и несколько лингвистов. Это, например, Рифтин<sup>53</sup>, Мария Александровна Соколова<sup>54</sup>, они преподавали на следующих за нами курсах. Мария Александровна потом передавала мне приветы, через Мару Борисовну например, считая, что я её ученица. Бывают же такие анекдотические вещи!

Но это не важно: преподавали нам литературоведение или лингвистику, важен принцип преподавания. Наши ученики, уже никаких ленинградцев не слушавшие, хорошо усвоили этот принцип – не должно быть единомыслия. Например, Татьяна Васильевна Кочеткова,<sup>55</sup> когда она вышла замуж и уехала в Самару, то работала там на кафедре и однажды слышала разговор, от которого пришла в шок. Преподаватель, заменявший заболевшего, звонил ему по телефону и спрашивал, на каком слове тот остановился. На кафедре лежали конспекты текстов лекций по каждому курсу, и они их слово в слово повторяли. Для нас это было абсолютно немыслимо. У нас принято, если кто-то заболевает, читать свой курс, а потом отдавать эти часы выздоровевшему.

У меня уже в студенческие годы был довольно широкий филологический кругозор. Всю войну работал, потом постепенно, когда ленинградцы уехали, но не сразу, сошел на нет лекторий. Он был платный, билет стоил два рубля. Лекторий работал в третьем корпусе в Горьковской аудитории (теперь она называется Большая физическая). Очень большая аудитория, по-моему, на триста мест. Но мест там абсолютно не хватало, люди стояли во всех проходах, на всех лестницах, на антресолях наверху. А когда читал лекции Гуковский, то стояли ещё и сзади него. Он, входя в аудиторию, немножко отодвигал людей локтями, потому что, как говорил, привык жестикулировать и ему нужно свободное место. Эта аудитория набивалась как сельди в бочке. Позже испугались того, что антресоли не выдержат такого количества людей и рухнут, и поэтому, чтобы как-то ограничить наплыв людей именно в эту аудиторию, провели радиотрансляцию в коридор, и люди стояли уже в коридоре. На эти лекции приходили заранее, чтобы успеть занять место. Приходили не только со всего университета, но и со всего города.

Лекторов было очень много: Бялый, Евгеньев-Максимов, Скафтымов, но больше всего котировался, конечно, Гуковский. Лектором и чтецом он был прекрасным, читал очень много наизусть стихов. Цикл его лекций был посвящен, как он сам назвал, поэтической «обойме» русской литературы. В этой «обойме» у него было семь авторов: создатель «Слова о полку Игореве», безусловно, Пушкин (об этом даже говорить нечего), Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Блок и Маяковский. Народ предлагал Есенина, а Гуковский не соглашался, считая, что он недотягивает. Об Ахматовой, Цветаевой, Гумилёве, тем более Мандельштаме тогда вообще речи не было. Они были под таким запретом!

Когда я как-то спросила дядю, нашего Николая, кто его любимый поэт, он ответил, что я его не знаю. Я удивилась: «Ну как это я не знаю? Я же филолог!» Дядя сказал, что и не могу

знать, потому что его расстреляли сразу после революции. Это был Гумилев. Конечно, я его тогда не знала, это было табу, людей вычеркивали в буквальном смысле: замазывали тушью в библиотеке.

Каждому из этих семи поэтов была посвящена лекция. Читал наизусть он изумительно, никто из официальных чтецов с ним сравниться не может. А он прямо говорил, что совершенно не выносит, как читает стихи Качалов: *Мне всегда хочется томиком Пушкина запустить в него, это не стихи.*

Читал нам лекции и выдающийся советский историк Тарле<sup>56</sup>. На лекцию академика Тарле о Талейране был такой ажиотаж, что её перенесли из университета в погранучилище напротив, где был огромный зал на 1200 мест. Билетов все равно не хватило. Мы со Светланой Александровной тоже не смогли их приобрести, но все-таки пошли: а вдруг кто-нибудь продаст? Но никто не продавал, все только спрашивали. До начала никого не пускали: закрытая территория, не пройдешь, а когда очень незадолго открыли, то вся толпа ринулась, была страшная давка, вахтеров смяли, и нас этой толпой туда внесло. Нам бы в голову не пришло рваться без билета. И эту лекцию мы слышали. Тарле, конечно, читал прекрасно, о чем говорить.

Уже в последний год войны был организован городской лекторий, и лекции читались уже в филармонии. Филармония тогда располагалась не там, где она была и где её сейчас опять нет (в то время сгорела – *О.М.*), а на Радищева, но не на самом углу Кирова, на самом углу был гастроном, а рядом с ним – в помещении, где раньше была кирка. Кирка как церковь, конечно, не работала. Из католического костела (а кирка, наверно, протестантская) был сделан кинотеатр «Пионер». В филармонии читал лекции, например, Андроников<sup>57</sup>, когда приезжал к нам.

Однажды в городском лектории у нас совпали лекции Скафтымова и Гуковского. У Скафтымова мы отпросились, и

он перенёс свою лекцию, сказав, что такого случая упускать нельзя. Гуковский и Скафтымов относились друг к другу с очень большим уважением.

В те времена в вузе требовалось иметь заранее написанный текст лекций, который обсуждается, иными словами, удостоверяется его пригодность. У нас в университете этого никогда не было. Александр Митрофанович Лукьяненко, индоевропеист до мозга костей, рассказывал нам о Марре, поскольку тогда это требовалось. Но он без конца всовывал студентам индоевропеистику и читал нам курс сравнительной грамматики славянских языков. Конечно, мы знали и про праязык. А когда стали аспирантами, он тайком давал нам книги, которые были изъяты из библиотек, по тому же праязыку, по сравнительной грамматике индоевропейских языков, поэтому мы получились гораздо более образованными, чем выпускники других вузов.

В мае 1945 года, когда уже была близка победа, буквально накануне, 7 мая, нас со Светланой Александровной Бах приняли кандидатами в члены партии. В это время шли разговоры о том, что война кончается, и скоро должны объявить о её конце. Ещё раньше нам вернули радиоприёмники, которые в начале войны мы сдали на хранение (чтоб не могли чьи-то наставления, сигналы ловить). У меня был серый большой приёмник, который назывался СИ и какой-то номер. Мы думали, что с концами их сдали. Я сдавала его сломавшимся, он не работал. Самое интересное, что получила его работающим. То есть они не просто хранились на складе, а их использовали в каких-то целях. Радио тогда не выключалось, потому что объявлялись тревоги и днём и ночью, сирены были. Однажды среди ночи, когда взяли Орел, был первый салют в Москве. Объявили об этом в два часа ночи. Я услышала, проснулась и включила радио на полную мощность. Мы, конечно, радовались, и каждый салют, взятие какого-то города, отмечали. Когда начали ходить

разговоры, что об окончании войны объявят вот-вот, я даже и не засыпала. Приёмник уже был включён, не радио, не тарелочка, а приёмник. Я всё слушала, и действительно среди ночи объявили об окончании войны. Я его моментально на самую максимальную громкость включила, чтобы все слышали. Что творилось в городе! В Москве (моя двоюродная сестра рассказывала) они с сестрой пошли на Красную площадь, и там была такая давка, что они потеряли друг друга, еле-еле потом нашлись.

На курсе у нас в основном учились девчонки, были только два юноши. Один очень умный, он много раз пытался закончить университет, так и не смог: был шизофреником. А второй считался полуслепым, он ходил в очках. И вдруг 9 мая 1945 года пришел ко мне домой отмечать победу, и – без очков. То ли на радостях, то ли потому что выпил, признался, что он врачей обманывал. Для меня этот человек перестал существовать.

Курсом младше учился Соля Адливанкин<sup>58</sup>, он воевал, был ранен и поэтому ходил с палочкой. Про него тот мой «полуслепой» однокурсник в тот день, 9 мая, сказал, что и он теперь может без палочки ходить. Соля же действительно воевал, инвалидность получил не такую, не блатную, а реальную. Много раз ему пришлось лежать в больнице, у него не прекращался остеомиелит в ноге (был ранен в кость, а тогда медицина-то была явно не такая, как сейчас, хотя она и сейчас-то не очень с этим справляется). Он был блестящим студентом и красавцем, но ловелас невозможный. На нашем курсе училась его жена, и она ждала ребенка, он всячески её опекал, о ней заботился, но при этом... ударял за кем угодно, и так всю жизнь.

После окончания университета Солю распределили в Балашовский пединститут, там он вынужден был читать лингвистические курсы, хотя специализировался по литературе. Ко мне он часто обращался за помощью, а так как



был очень умным, то его вопросы иногда ставили в тупик. У его сына была астма, и это нас тоже сближало. Мы с ним дружили, хотя я не уважала его за отношение к жене. В это время в моей жизни появился бакинец (о котором я немного уже рассказывала). Соля занялся наукой, и, когда он на год приехал в Саратов, я фактически стала руководить его диссертацией. Однако много времени у нас уходило на то, что я изливалась в любви к своему бакинцу, а он – к своей очередной пассии. Он помог мне понять логику мужского характера. Я тогда с удивлением убедилась в том, что любовь не картошка, не выбросишь в окошко. Я видела все недостатки своего бакинца, не была ослеплена, некоторых вещей ему так и не простила, но, тем не менее, продолжала любить, несмотря ни на что. Со Степановым было не так – стоило ему разойтись, он для меня перестал существовать, значит, думаю, это не было настоящим чувством.

Потом Соля всё же разошелся с женой. Когда они пришли разводиться, он сказал, что лучшей жены быть не может, она ответила тем же. Они и вошли, и вышли под ручку. Их развели за две минуты. В наших с ним долгих беседах он говорил, что для него не важен секс, ему необходимо нечто другое. Он влюблялся явно не в красавиц, с моей точки зрения, – в замухрышек. Я насчитывала более ста его привязанностей, о которых знала, и это далеко не всё. Но сказать, что он был плохой человек, я не могу, хотя поведения его не одобряю. У него был принцип: все можно, но чтоб жена не знала. Совершенно ясно, что Соля с женой были разные люди, его тянуло к другим женщинам, она была совсем не его типа. Получается, её это устраивало. Соля был очень умный, обаятельный человек, талантливый лингвист. Он работал деканом в Перми, его все там помнят, о нем вышла книга воспоминаний. Бывают и такие люди.

В июне 1945 мы сдавали госэкзамены и защищали дипломные работы. Госэкзамен тогда был тот, по которому и

дипломная. То есть я сдавала язык, но не литературу. Меня вместе со Светланой Александровной Бах и несколькими литературоведами-студентами рекомендовали для аспирантуры.

В аспирантуре мы сдавали 15 кандидатских экзаменов. Но без комиссий, просто Лукьяненко, однако всерьез и по-настоящему. Изучали два языка, я продолжала английский и ещё французский, и три славянских языка – украинский, польский, который был и в студенческие годы, и сербский. Но зато у нас не было ни педагогик, ни экономик, философия, конечно, была.

Когда я кончила аспирантуру, то мне сразу дали поручение читать историю русского языка, что я с удовольствием делала, и современный русский язык, который я не любила. Алексей Федорович Ефремов<sup>59</sup> читал современный русский язык следующему курсу, а нашему – Александр Митрофанович, который закончил в свое время Киевский университет. До революции и, наверно, долго после неё курса «Современный русский язык» в вузовском обучении просто не было, была «История языка». Первый очерк современного русского языка, синтаксис, написал Шахматов уже в годы советской власти, в двадцатые годы, и поэтому, наверно, Александр Митрофанович читал его неглубоко. К тому же у нас был очень сокращенный курс: весь современный русский язык прочитывался на первом курсе и по часам никак не больше старославянского. Я его глубоко не знала и поэтому, наверно, не любила. Мне вовсе не хотелось его читать. Но поручили – надо готовиться. Я, конечно, готовилась, а писать лекции мне было некогда, времени на это не хватало. Я, скажем, читала местоимения по тому же самому конспекту, который составила для пробной лекции в аспирантуре. А это один, а не два часа.

Ту пробную лекцию в аспирантуре я ухитрилась отбарабанить за полчаса, руки прятала за спину, потому что

они у меня так тряслись от страха, что было неудобно их на виду-то держать. Алексей Федорович Ефремов меня тоже слушал, и потому я посмотрела растерянно на него. Он встал и начал продолжать читать курс, а уже на разборе рассказал вот о чем (может быть, это и анекдот). Когда-то в гимназии молоденькая учительница давала пробный урок, а на нем сидел проверяющим священник, школьный преподаватель закона божьего. Она всё в двадцать минут отбарабанила и обращается к нему: что делать? Священник говорит: «Повтори, дочь моя, повторение – мать учения». Она снова то же самое, и опять много времени осталось. И так несколько раз. Этим рассказом он меня успокоил.

По этому же написанному конспекту я читала местоимения уже как молодой преподаватель, но мне не хватило и трех часов. Позже на местоимения у меня уходило шесть часов, но конспект был тот же, нового написать я никак не успевала. У меня так и не сформировалась привычка писать конспекты. И сейчас я всегда готовлюсь к лекции, но текст написать целиком не могу, в лучшем случае пишу развернутый план, записываю примеры, которые нужно будет прочитать.

Когда началась эпопея со сталинским учением о языке, а я читала в это время и курс «Истории русского языка», то я сказала на лекции, что мы не можем строить историю русского языка в точном соответствии с концепцией Сталина («развитие языка идет от родовых языков к племенным, потом язык народностей, а потом язык нации»). И привела в доказательство то, что до нас дошли только памятники от языка народностей, а от родовых, племенных языков памятников письменности у нас нет, и мы их восстановить не можем. И добавила: построение курса в соответствии с его концепцией для нас остается только идеалом. Эту лекцию записывали стенографистки, а потом мне предъявили, что я обвиняю Сталина в идеализме. Что началось!

Спас меня, конечно, Евграф Иванович Покусаев<sup>60</sup>, который тогда был деканом. Но сначала он попросил меня показать конспект лекции, а у меня, кроме цитаты Сталина, ничего нет. И тогда я впервые на собственной шкуре узнала, что стенограмму полагается править, а мне в голову не пришло её посмотреть. Ну сказала и сказала, тем более что ничего плохого в этом не видела, никакого обвинения в идеализме в этом *идеале* не было. Разбирательств было бесконечное множество, а мне надо было ещё читать курс «Сталинское учение о языке». Покусаев сказал, что доверяет мне, и сомнений быть не может в том, что я буду этот курс читать. Читать же его стоило невероятных трудов, но пришлось, и не только в университете, но и у мамы в институте, и в каких-то школах и самое жуткое – в Доме политического просвещения (который был тогда на Коммунарной и Первомайской, там, где теперь филиал Радищевского музея).

Лекции по этому курсу читал обкомовский работник, а слушателями были секретари райкомов, ведущие работники области, а может, даже нескольких областей, в общем – 400 человек. Дальше их делили на 4 группы, и занятия должны были вести 4 человека: этот самый обкомовец, наш секретарь парткома Колесов, Покусаев и я. Но на деле получилось так, что этот обкомовский куда-то был послан, наш Колесов тоже куда-то уехал, и остались только мы с Покусаевым.

У меня разыгрался совершенно жуткий приступ бронхиальной астмы: не могу дышать и непрерывно кашляю. Я позвонила, чтобы отказаться, но мне сказали: «Нет, как хотите, а приходите, мы не можем срывать занятия». Я прекрасно понимаю, что такое мероприятие срывать не может – и пошла. Я помнила мамины слова *человек сам хозяин своей судьбы*.

Я ведь не закончила рассказ о своей эпопее преодоления нездоровья. Когда, напутствуемая словами мамы, я сдала все экзамены и более или менее свободно ходила, мама отправила

меня на огород. И все лето я ездила на огород на Зеленый остров и осенью уже таскала по полмешка картошки через плечо – запас на зиму. И так, я знала, что человек может многое преодолеть, если он захочет, и пошла.

Как я провела эти полтора часа – не понимаю, но потом очень ругала себя за то, что после занятия не попросила вызвать скорую. Хотя я жила рядом, один-два квартала (на Челюскинцев), скоро поняла, что до дома не дойду. И тогда решила пойти на факультет (это было ближе) в надежде, что там мне помогут. Когда туда пришла, начались какие-то деловые вопросы, и опять вроде ничего. До дома еле-еле дошла и рухнула.

Перед уходом на работу, утром, мама, видя, что я задыхаюсь, посоветовалась в институте со своими врачами и предложила мне делать ингаляции: накрыться одеялом и дышать над горячей картошкой. Вечером я это сделала, а мне все хуже и хуже. Брат моего папы, дядя Петя, как я уже говорила, был астматик, и я стала догадываться, что это у меня приступ астмы. Но дали мне эту картошку свежесваренную, накрыли одеялом – стала дышать. И у меня создалось впечатление, что в сердце что-то оборвалось: кислорода нет, пар от картошки, в груди заклокотало.

Телефона у нас дома тогда не было, рядом никакой телефонной будки. В нашем доме над нами жила кардиолог, доцент кардиологической клиники Шварца, часов в шесть утра пошли к ней. Она уже не спала, но сказала, что готовится к лекции и ей некогда. Побежали в соседний дом, где жил врач-терапевт, который работал в железнодорожной поликлинике (там моя тетя была зав. бакотделением). Он ещё спал, но быстро оделся и пришел. В дверях нашей квартиры сказал, что это отек легких, который он уже отсюда слышит. Меня выслушал, пообещал прислать сестру из поликлиники, до которой ему ещё надо дойти, она введет камфару, тогда станет немножко легче.

Я спросила врача, сколько времени мне ждать сестру. Для меня это очень существенно, и я нередко ставила врачей в тупик: они думают, что человеку вообще конец, а я спрашиваю, сколько это состояние будет продолжаться, когда наступит облегчение, выздоровление.

В 1979 году я лежала с полным параличом в Геленджикской больнице, и консультант из Краснодара на мой вопрос о том, сколько времени продлится мое состояние, ответил: «Прежде всего надо выздороветь». «Само собой, – говорю я, – но сколько уйдет на это времени: дни, месяцы, годы?». С удивлением он произнёс: «Месяцы». Это для меня очень важно, я себя уже и настраивала на то, что надо выдержать месяцы.

Врач посмотрел на часы и сказал, что сейчас он пойдёт в поликлинику, в 9 часов придет сестра, то есть ждать надо до пол-одиннадцатого. Я лежу и смотрю на часы, половина одиннадцатого, а сестры нет. Тетушка Елена Николаевна ушла в кухню. На столе справочник, еле-еле до него дотянулась, нашла *отёк легких*, читаю и понимаю, что дело действительно безнадежно. Во-первых, при отёке почти всегда летальный исход, а во-вторых, важна быстрота помощи: чем больше времени прошло, тем хуже. А прошло уже больше суток, значит – никакой надежды. Мне это, конечно, не нравится.

Моё счастье в том, что у меня никогда не бывает паники. И в данный момент собираю всю свою волю и начинаю дышать. Отёк, конечно, остался, но приступ бронхиальной астмы снялся каким-то моим усилием воли. Входит Елена Николаевна: «Ты дышишь?» Отвечаю: «Да». – «А что помогло?» Я глазами показываю на справочник, она читает: «Это что же, от противного?» – «Наверно». Вскоре приходит медсестра, вводит камфару, становится ещё легче, сердце начинает более или менее нормально работать. Вечером приходит врач и на мою жалобу о том, что болит рука, смотрит и обнаруживает, что это склерозировался артериальный

сосуд, то есть у меня ещё и воспаление артерии. Врач считает мой пульс и говорит, что у меня он, как овечий хвост, дрожит, невозможно сосчитать. Прописал хинин, чтобы замедлить, но хинин не помогает, пульс не замедляется. Тогда предлагает нажать на сонную артерию или на глазные веки, чтобы сердце остановить: *тогда, может быть, оно снова забьётся как нужно* (дефибриляторов ещё не было).

Мне это абсолютно не понравилось. Когда я была ребёнком, один из дальних родственников папы, хирург Колмановский (а его позвали к нам, потому что я очень сильно картавила), посмотрел и сказал, что у меня короткая уздечка, которая соединяет язык с подъязыковой полостью, и её надо будет подрезать. Он пообещал вечером прийти с инструментами. Перспектива, что мне будут подрезать эту уздечку, показалась мне неприемлемой, и я весь день только и делала, что всякие упражнения: во-первых, рычала, во-вторых, говорила слова с *эр*. И когда врач пришел – уже не картавила, и подрезать мне ничего не понадобилось. Без всяких логопедов ещё до школы я научила себя произносить *попугай*, до этого говорила *погубай*.

И сейчас я стала себя спасать. Я вспомнила, что в детстве (когда мы жили на Рабочей, а это значит до 4 класса) я читала роман Жюль Ромэна «Люди доброй воли», в котором рассказывается о том, что на прием к врачу пришел пациент. Уже много лет он не может заснуть, его мучает бессонница. Врач начал считать его пульс, на что пациент сказал, что это бессмысленно, так как он может изменить его как угодно, и продемонстрировал это. Чем дело кончилось, я и не знала, и до сих пор не знаю, потому что Андре Жид (а может быть, и Жюль Ромэн), приехал в Советский Союз, а потом, вернувшись домой, чего-то очень плохого наговорил про нас, и поэтому продолжения романа Жюль Ромэна напечатано не было. Но я запомнила, что пульс менять можно, и целый день считала пульс и навязывала нужный ритм. И я его навязала!

Врач пришел и убедился, что пульс нормализовался. Когда я уже выздоровела, он сказал моей тете: «Вы думаете, мы её спасли? Она сама себя спасла, она у вас йог». Тогда впервые я услышала это слово – *йог*. Я и не знала, что это такое. Теперь я знаю, что учат регулировать пульс космонавтов, это вошло в космическую медицину. Если у Татьяны случается приступ тахикардии, она с ним справляется. Этому я её научила. Я не могла справиться с пульсом (у меня он был выше трехсот) и не минуты, не часы, не дни, а месяц, когда лежала в параличе, так как не могла его нащупать, руки-то не работали, и блуждающий нерв (это он замедляет пульс) был парализован. В то же время я не спала, не могла заснуть, потому что у меня были адские боли. Я выдерживала только 15 минут, чтоб поспала Татьяна, а дальше надо было, чтоб меня повернули. Я не спала, но не паниковала, я уже знала, что можно не спать. Ещё лет в шестнадцать я прочла, что человека мучает не бессонница, а страх перед ней. На самом деле достаточно нескольких минут отключения, переключения, забвения, иногда даже секунд.

Я убедилась в этом, когда у мамы был инфаркт, и я дежурила около неё ночами и в больнице, и дома. Я спала по пять минут, в общей сложности полтора часа за ночь, и это длилось восемь лет. В это время писала докторскую, защищала её, читала лекции – я нормально работала, потому что уже знала: неверно, что человек не может не спать. Я нажимала на кислородную подушку маме и немножко отключалась, потом снова нажимала, и этого мне было достаточно. Поэтому, когда такое получилось в Геленджике в 1979 году, я мучилась только оттого, что не даю спать Татьяне, но меня не волновало, что сама так долго не сплю. Геленджикские врачи сначала пытались давать мне успокоительные, расслабляющие, снотворные, но мой организм их не принимает, эффект обратный. В результате мне сказали, что если можете терпеть – терпите. В нашей палате было пять человек, у меня были (по



мнению лечащих врачей) самые сильные боли, но всем вводили болеутоляющие, снотворные – мне единственной не вводили. Позднее я сделала вывод, что именно поэтому я не только осталась жива, но и ходячая и руками шевелящая. Вообще-то после такого паралича так не бывает. В соседней палате лежал мальчик с таким же диагнозом, но в более лёгкой форме, и ему, конечно, вводили болеутоляющие. Ходить он так и не смог.

После занятий в Доме политпросвещения с приступом астмы я пролежала неделю, две недели максимум, но у меня стало очень низким давление: 50 на 30, и я не могла даже ходить. Чтоб поднять давление, мне начали вводить алоэ, но без новокаина, потому что от него мне очень плохо. Врач и сестра, когда делали в первый раз укол без новокаина, сказали, что я буду сейчас орать, кричать, но ничего такого не было, больно, конечно, было, но вполне терпимо. После алоэ давление поднялось до нормы – сто двадцать, но это не моя норма, поэтому появился звон в ушах, головокружение. Пришлось его отменять, с низким давлением я продолжала жить и работать.

После этого приступа у меня было долгое время ощущение, что голос стал глухой, вероятно, последствия отёка легких. Стало казаться, что в задних рядах меня не слышно, и я решила, что должна уйти: не могу читать лекции.

Это случилось в 50-е годы. Пришла к Евграфу Ивановичу и об этом сказала. Он назвал мои аргументы глупостями и велел продолжать работать. Постепенно такое ощущение исчезло. В конце следующего года я свалилась с бронхиальной астмой, выдержала, в феврале, после педагогической практики, у меня началось крупозное воспаление легких. После того как я начала принимать норсульфазол, полились слезы из глаз, все тело покрылось багровыми волдырями, дальше началась неукротимая рвота. Я заподозрила, что это корь, поскольку была на педпрактике, общалась с детьми, а

корью не болела. Врачи это предположение отвергли, потому что при кори не бывает сыпи на подошвах ног и на ладонях. А у меня были. Это оказалась идиосинкрозия на норсульфазол. Даже все слизистые были покрыты волдырями, и врачи при мне сказали маме, что до утра я не доживу. Мама уговорила выписать пенициллин (тогда его отпускали строго по рецептам), опять, конечно, без новокаина. Врачи были уверены, что бесполезно, но выписали. В одиннадцать часов вечера побежали за знакомой сестрой (она где-то около Волги жила), она пришла, начала меня колоть – и мне стало лучше, температура упала. Утром пришли участковый врач и зав. отделением и спрашивают: «Ну что, умерла?» – «Нет, температура упала, ей лучше».

Конечно, состояние моё оставалось ещё очень тяжелым: вся доля легкого полностью воспалена, сердце не выдерживает, и я вижу во сне (такие вещи описываются у Моуди: клиническая смерть): скачут черти и показывают мне могильный холмик, весь усыпанный цветами (надо мной все домашние потом издевались: какая ты самоуверенная – все усыпано цветами). Чертенята скачут, прыгают и говорят: «Какой дорогой ни пойдешь, все равно к нам попадешь». Я отвечаю: «Нет». Они – опять, я снова: «Нет». Чертенята пропадают, но тогда надо мной оказывается не потолок, а небо, и с неба ко мне тянется миллион рук, сплошь руки. Вот ухватись – и тебе станет легче. Я говорю: «Нет». Но вместе с тем чувствую, что мне ухватиться хочется. Настолько плохо, что хочется, чтоб стало лучше. Тянет меня ухватиться, и я ищу какие-то якоря, которые меня на земле задержат. Вот думаю: *диалектология* – не помогает, не удерживает. При этом я вся книжная, вся в литературе, я вспоминаю «Хождение по мукам», где сестра спасла свою сестру, не пустив её уходить, когда она умирала.

Рядом со мной сидит мама, чаще со мной сидели тетушки, но, когда совсем плохо, сидела мама. Говорю ей: «Мама, держи

меня за руку». Она взяла мою руку и удержала. Я свою руку не протянула навстречу небу. Мне надо было, чтоб мне помогли удержаться, и мама удержала.

Потом у нас ночевала медсестра. И вот однажды, когда снова сидела рядом мама, я почувствовала, что сердце не работает. Мне было уже очень трудно говорить, я только произнесла: «Сердце». Мама пощупала пульс, но, чтоб меня не пугать, наверное, сказала, что пульс нормальный. От этого я пришла в ужас: у меня уже сил нет добиваться чего-то, я понимаю, что плохо сердцу, а помочь нечем. Тётушка, которая тут же лежала, подскочила, пощупала пульс, разбудила медсестру. Они меня уговаривают ввести камфару, а я сама прошу об этом. После укола сразу стало легче.

У меня и с Татьяной были такие ситуации, когда надо было принимать, вопреки мнениям врачей, опасные, но единственно верные решения. У неё сильная ангина, ей 8 лет, только-только в школу пошла. Ей колют пенициллин, а температура не падает, а растёт. Она начинает кашлять, её ведут на рентген, рентген показывает, что у неё экссудативный плеврит дошел уже до пятого ребра. Это очень страшно. В коммунальной квартире, где мы живем, есть человек с открытым туберкулезом, у Татьяны, конечно, реакции Пирке и Манту положительные, и поэтому совершенно естественный вывод врачей, что это туберкулезный экссудативный плеврит. Они, во-первых, считают необходимым продолжить вводить пенициллин, добавить стрептомицин и, во-вторых, положить в туберкулезную больницу. А я против, говорю, что, если на фоне пенициллина стало только хуже, значит, пенициллин по крайней мере не помогает. По поводу стрептомицина, я уже знала, был приказ Минздрава, что можно назначать его только по жизненным показаниям с распиской больного о предупреждении о последствиях: полная глухота. Я не верю в туберкулез, они начинают меня убеждать и пугать. Я даю расписку и отказываюсь от уколов. Но чего мне это стоило!

Как только отменяется пенициллин, температура с 40 снижается до 37 и 3, а на следующий день – до нормальной, кашель прекращается, экссудативного плеврита нет и следа. Но врачи говорят, что теперь все время необходимо ходить в теплом лифчике и прочее, и прочее. Никакого теплого лифчика потом она не носила, на лыжах ходила, на коньках каталась, и в горы ходила, и плавала. Через две недели после этого в «Медицинской газете», которую выписывала мама, появилась большая статья, где все это было описано и сказано, что это аллергический отек плевры как реакция на пенициллин. Когда я пришла к зав. туберкулезным отделением, фтизиатру по специальности, и сказала об этом, она спокойно ответила: «Да, конечно, наверно». Но статья вышла через две недели после нашей ситуации, а если бы я не отказалась? Подобное было у дочери сестры Ксении Ефимовны. Ксения Ефимовна тогда позвонила мне, и я ей сказала об этой статье в «Медицинской газете». Она проинформировала врачей, пенициллин отменили, и девочка была спасена.

Врачи не боги, они, к сожалению, даже из самых лучших побуждений и самые лучшие, но все равно ошибаются. За мою жизнь ни один врач не поставил сразу правильный диагноз. Человеческий организм – загадка, он не стандартен, у каждого он свой. А врачей учат стандартам.

А вообще мне в жизни везло. Повезло, что попала в университет, где были и хорошие специалисты, да плюс ещё ленинградцы, и просто хорошие, порядочные люди. В самом начале моего обучения, будь на месте Татьяны Михайловны кто-то другой, меня бы из-за болезни отчислили совершенно спокойно уже после первой сессии, но нет, сохранили, я сдала все экзамены. Покусаев, дорожа собой, мог меня не защищать в ситуации с моим «обвинением» Сталина в идеализме, – нет, он защищал. И прочее, и прочее, и прочее. И поэтому я считаю, что мне очень повезло в жизни.

Я встречала немало людей, которые сочетают в себе качества хорошего профессионала и хорошего человека, но, к сожалению, это далеко не всегда бывает так. Бывает плохой профессионал, но хороший человек. Бывает прекрасный профессионал, но плохой человек. Увы, но одно с другим совмещается. Я, набравшись жизненного опыта (а начала его набирать ещё с дошкольного возраста), помнила слова мамы о том, что у каждого своя правда. Это мне помогало и помогает. Но есть у меня ещё одно жизненное кредо: не ставить людей на пьедестал. Я несколько раз попадалась на том, что ставила людей на пьедестал, а они с него слетали.

Первый раз это случилось с моей школьной подругой, которую я очень любила и уважала. Я прямо преклонялась перед ней и считала, что она и гораздо умнее меня, и знает гораздо больше. Мы могли с ней расходиться во взглядах на что-то, у нас не было подражания, ни в коем случае. Например, и я, и она представляли художественное произведение в каком-то цвете, но в отношении «Анны Карениной» цвет у нас расходился: у неё он был багровый, а у меня зеленый. Раздумывая над этим теперь, я начинаю понимать почему: для неё «Анна Каренина» заключалась именно в Анне, которая погибла под поездом, а для меня была очень значима трагедия Каренина, который хотел чего-то хорошего и старался что-то сделать хорошо, а получалось все очень плохо. Каренин был очень бюрократический, и зеленый цвет у меня связывался с официальным покрытием у столов.

Мы могли оставаться каждая при своем мнении, но это не разрушало нашу очень большую дружбу. Она кончила школу на год раньше (я же год пропустила из-за болезни) и уехала в Москву. Она мечтала стать литератором и журналистом, но в МИФЛИ её не приняли, поступила в юридический институт. На первой же сессии, которую сдавала зимой и в Москве, она, по её словам мне, получила одну тройку.

Мы кончали вуз одновременно, потому что она успела поступить до войны и, вернувшись в Саратов, пошла сразу на второй курс юридического, а я поступила во время войны и училась по сокращенной программе. От её подруги я совершенно случайно узнала, что у неё две (!) тройки, и, чтоб получить диплом с отличием, ей нужно их обе пересдать. Получается, она меня обманула! Для меня это была трагедия. Так я и написала в своем дневнике. Я всегда давала ей читать свой дневник, дала и на этот раз. Она прочла и сказала мне: «Нечего ставить людей на пьедестал, тогда они и не будут с него слетать». Мы остались дружны с ней до самой её смерти.

Второе крушение сверху, с пьедестала, – это Степанов, когда он разошелся с женой. Для меня он был идеал мужа и отца – и вдруг разошелся. Третье самое ужасное: когда умер Сталин, и на XX съезде выяснилось, какой он был. Причем я очень многое понимала просто путем наблюдений, видела, что творится в стране. Знала, например, и о завещании Ленина (об этом мне сказала одна школьная подруга, у которой отец был военный). Само завещание на меня не произвело никакого впечатления: Ленин мог и ошибаться. Между прочим, недавно я слышала передачу о Троцком (уже не знаю, каким историкам и документам верить), где было сказано, что это завещание поддельное, оно было подделано Троцким, с которым дружила Крупская.

Теперь мне это все равно, но, когда нас собрали и зачитывали материалы XX съезда, – это было ужасно. Пережить было очень трудно. После этого больше никогда никого на пьедестал я не ставила. И всем говорю: студентам, аспирантам, что никаких безоговорочных авторитетов у вас быть не должно. И я не исключение.

В моё шестидесятилетие большого юбилея не было, так как умер Павел Андреевич Бугаенко<sup>61</sup> (ему было бы тогда 70 лет), на моё семидесятилетие организовали торжественное заседание, и пришел Василий Семенович Юрченко<sup>62</sup>. С

Юрченко мы, когда он был студентом, а потом аспирантом, часами спорили, каждый доказывал своё, буквально часами. Я очень ценила и уважала его, но просила остерегаться высказывать некоторые мысли. Говорила: «Подождите, сначала защитите, а потом это высказывайте». У него всё было на грани допустимого. Меня он в чем-то слушал, а в чем-то нет. Из-за того, что не слушал, были всякие неприятности. Но свою точку зрения он всегда отстаивал твердо.

Я знала, что он на меня обижен. Когда кончали аспирантуру одновременно он и Кирсанова<sup>63</sup> (он звезда, а она серая мышка), Пединституту требовался работник (деканом в Пединституте была Лидия Ивановна), и выбрали Юрченко, а Кирсанова осталась у нас. Он обиделся, что не его оставили в университете. Я ему объясняла тогда, что это для него лучше, потому что там он сразу пойдет наверх, а у нас быстрого пути наверх нет. Все здесь равные ему, во всяком случае, не намного ниже, уже доценты. Они своим местом-то не поступятся, и он долго будет на ассистентской должности.

В Пединституте он, конечно, быстро пробился. Всё получилось, как я говорила. Но о своей обиде однажды он сказал прямо. На семидесятилетии Василий Семенович произнес, что мое главное качество заключается в том, что я допускаю чужие точки зрения. Мне это было очень приятно и радостно. Мы с ним спорили бесконечно, и он это оценил.

Я действительно, в отличие от многих, допускаю иные точки зрения. Студентам всегда говорю: «Пожалуйста, спорьте со мной ради бога, вы вовсе не обязаны принимать мою точку зрения, только доказывайте свою». Всему этому меня научили, во-первых, ленинградцы, а во-вторых – эти трагические слеты с пьедестала. Они меня убедили в том, что людей без единой «ущербинки» не бывает, и вместе с тем научили тому, что эти все недостатки людей надо знать, надо их учитывать. Человек может быть хорошим профессионалом и мерзавцем одновременно. И надо стараться использовать у

него всё профессионально хорошее и как-то нейтрализовать всё плохое. Этим наш университет, наш факультет, и ещё в большей степени наша кафедра отличается от других. Мы умеем это делать. Говорят, что на кафедре это вырастила я, но меня вырастили Лидия Ивановна, Александр Митрофанович, Александр Павлович и, конечно, мама. Я не на пустом месте такая выросла.

На нашей кафедре вовсе не все пушистые и розовые. Но мы умеем использовать всё, что есть хорошего в человеке, и противостоять всему негативному, нейтрализуем его, не даем разрастись. Однако мне очень многие говорят: не будет меня, и эта атмосфера тоже уйдет.

В 1945 году, когда кончилась война и мне предложили вступить кандидатом в члены партии, я была польщена, конечно, вроде и не заслуживаю. Но партия была для меня тоже очень большая и хорошая школа. Ей я многим обязана.

Вообще мое нравственное, патриотическое что ли воспитание началось даже раньше. Я закончила школу, и буквально двадцать второго же июня ко мне пришла одноклассница и сказала, что всех нас на завтра вызывают в школу, так как она должна быть освобождена под военный госпиталь. На следующий же день мы перетаскивали из школы парты за квартал от неё и считали себя обязанными так поступать.

По комсомольской линии в кинотеатрах до начала сеанса мы, лучшие ученики, устраивали политинформации. Сообщали собравшимся последние новости, которые слышали по радио, прочитали в газетах, то есть занимали и просвещали людей, ждавших начала сеанса. Потом тех, кто опоздал, провожали в зал. Свою роль в моей жизни сыграла и эта работа: я научилась говорить с незнакомыми людьми, публично выступать и научилась тому, что, оказывается, в темноте что-то можно видеть. Обычно как: приходишь в кино, занимаешь свое место, гаснет свет, и ты ничего не видишь.



Оказывается, можно ориентироваться и в темноте. Теперь, когда и при свете я ничего не вижу, это меня выручает. Знакомую дорогу я уже осиливаю без особых затруднений.

Как я уже рассказывала, студентами во время войны мы тоже выступали перед ранеными: сообщали им новости, читали чеховские рассказы. Когда стала членом партии, меня сделали внештатным лектором райкома. Без конца нужно было ходить по заводам, фабрикам, делать доклады, о чем-то рассказывать к 8-му марта, к 7-му ноября. Это очень хорошая школа публичного выступления. Эта работа воспринималась нами не как возможность подняться выше, а как обязанность, что очень ясно ощущалось всеми.

Уже во время перестройки один наш студент-выпускник вступал в партию, и ему задали вопрос: «Почему вы сейчас, когда многие выходят из партии, поступаете, что вами движет?». Он ответил: «Лучшие люди на факультете – члены партии, я смотрю на них и хочу быть таким же, как они». И это было совершенно так. Наша верхушка: декан, секретарь партбюро (я тоже долгое время была секретарем партбюро) – никогда не давили на людей, не участвовали в гонениях, а наоборот – старались их защитить.

Расскажу о том, что происходило у меня на глазах. Издавался наш общий факультетский сборник по языку и литературе, труды, редактором был декан Покусаев. Очень большая ответственность лежала на секретаре партбюро – профессоре Марии Нестеровне Бобровой. Я ответственный секретарь. Обсуждалась статья Юлиана Григорьевича Оксмана<sup>64</sup>. Оксман, после того как много отсидел, был выслан в Саратов. В Москве ему жить и работать не разрешалось, и он, доктор и профессор, был у нас на должности ассистента, принять его на должность профессора мы не имели права. Он, конечно, играл ведущую роль на факультете, но его статью не пропускали в сборник, прямым текстом говорили Евграфу Ивановичу и Марии Нестеровне: «Положите на стол

партбилеты, если опубликуете». Труды вышли с его статьей. Подобного было очень много, и не только на нашем факультете, но и во всем университете.

Я не хочу сказать, что все были идеальные, таких не бывает. Но я научилась ценить хорошее, а из плохого не делать трагедии. Человек у меня не падает с пьедестала – он на нём не был. По отношению ко всем без исключения я не жду никогда только хорошего, прекрасного, я всегда во всем предусматриваю возможность плохого. Я к этому плохому подготовлена и поэтому – защищена.

Расскажу о таком случае. Уже и пьедестала не было, поэтому не было и трагедии. Конечно, боль осталась. Мы очень дружили с Галиной Георгиевной.<sup>65</sup> Галина Георгиевна – хороший человек и делала людям очень много добра. Так вот, она знала о моей любви к бакинцу, но в один прекрасный день (не знаю, что этому способствовало) они с мужем решили меня разыграть: позвонили по телефону и сказали, что сейчас с вами будет разговаривать Баку, ждите у телефона. Но сынсценировали, как будто это говорит телефонист. Они просто не знали некоторых вещей: начальница моей тети Галины Николаевны в это время была в Баку в командировке, а у моего бакинца дома телефона не было, поэтому позвонить он мне не мог. Я решила, что это звонят тёте, и посадила её у телефона. Галина Николаевна сидит, а звонка нет. Наконец я звоню на телефонную станцию и узнаю, что никаких звонков из Баку не было. Мы успокоились, и вдруг звонит Галина Георгиевна и спрашивает: «Всё у телефона сидишь?» Я поняла, что это был розыгрыш и сказала прямым текстом, что я по этому поводу думаю. Ведь получилось, что они не меня разыграли, а Галину Николаевну. Я посчитала, что это очень плохой поступок – неуважение к чужому чувству. Для неё же это была безобидная шутка.

Этого я уже никогда не забывала, мы оставались друзьями, я много для неё делала, но уже не могла так, как

раньше, полностью на неё рассчитывать. Поэтому и говорю: на сто процентов не доверяйте никому. Хотя сама я уверена, что так не могла бы поступить.

Очень долгое время совестью факультета был Скафтымов. Он был, безусловно, прекрасный ученый, прекрасный преподаватель, хороший человек, но не всё в его жизни было так уж безоблачно. Его законную жену в 30-е годы арестовали, сослали, сын Павлуша умер ещё в молодости. В то время, когда жена была в ссылке, у Скафтымова появилась пассия – студентка, однокурсница Лидии Ивановны, тип немецкой красавицы (была замужем, муж на фронте). Они полюбили друг друга, стали жить вместе, родилась дочь. Законная жена потом вернулась, сначала жила в Энгельсе. Александр Павлович с ней не разводился и, когда она переехала в Саратов, к ней вернулся. Молодая жена уехала, потом вышла замуж ещё раз. Я считаю недопустимым поступок, который совершил Скафтымов по отношению к своей жене.

По-настоящему хороший человек не может проявить себя с плохой стороны, но может совершить плохой поступок неосознанно. Осознанно сделать что-то плохое – такого права за хорошим человеком я не признаю. Слабости я не прощаю. Человек может ошибаться, он может думать, что делает хорошо, а делать плохо и потом всю жизнь внутренне раскаиваться в том, что сделал.

## ГЛАВА IV

### Об учебной деятельности, диалектологических экспедициях и пути в лингвистику

Уже на первом курсе мне стало ясно, что буду лингвистом. Начинала я как диалектолог, и моя кандидатская была по диалектологии, но читать пришлось разные курсы: и историю русского языка, и современный русский язык. Постепенно я стала, конечно, больше современником. Потом ещё читала общее языкознание, и мы вместе с Лидией Ивановной разрабатывали программу этого курса (утвержденной тогда ещё не было). О ней мы докладывали на разных конференциях, отстаивали, её опубликовали в одном из сборников по материалам конференции в Уфе в 1965 году. Читала массу самых разных спецкурсов: и по фонетике, и по разговорной речи, и по синтаксису, по порядку слов, по тексту. Потом, когда начали готовить журналистов, – о языке СМИ. Ввели курсы основ стилистики и культуры речи, риторики – разрабатывала и начинала читать их я. Всё время осваивала новые курсы, часть освоенного отдавала, естественно, коллегам по кафедре.

Когда-то современный русский язык читался весь целиком, одним человеком, потом на кафедре было принято решение делить его на части и читать разным преподавателям. Моим стал синтаксис, но если кто-то болел, ложился на операцию, то приходилось заново осваивать и фонетику, и словообразование, и морфологию, причем в очень трудных условиях, когда у меня, например, была сломана правая рука. За свою жизнь я очень много имела переломов: слепая, лестниц не вижу, когда иду вниз, и очень легкая, вешу только 35 килограммов, и никакого торможения на льду у меня нет, поэтому очень скольжу.

Я никогда не читала только один лингвистический курс – истории русского литературного языка, который читала Мара

Борисовна. В общем, все курсы прошли через меня, кроме методики, а педпрактику уже вела.

Считаю, что мне помогает в работе то, что я знаю всю систему наших учебных курсов. Когда читаю синтаксис, могу опираться и на морфологию, и на лексикологию. Мой опыт говорит о том, что лучше всего знаешь то, что передаешь другим. Читать для себя – это ещё не то. Когда ты читаешь, чтобы передать знание другим, тогда это входит в тебя более глубоко.

Всю жизнь меня выручало то, что я усвоила ещё до школы. Из научно-популярной литературы по разным отраслям жизни знаю, что существует кратковременная и долговременная память и все зависит от той установки, которую сам человек себе даст. Одно дело, если он что-то учит, чтоб завтра сдать, а послезавтра забыть, а другое – если он это учит навсегда. Я очень много знаю из разных наук. Может быть, это не всегда современные знания, и в той же медицине, и в той же физике, и в той же математике, химии, потому что с современными я уже не знакомлюсь, нет на это времени. А вот то, что почерпнула ещё в раннем возрасте, в юности, мне помогает.

Александр Павлович Скафтымов говорил, что лишних знаний не бывает. В этом я всю жизнь убеждаюсь, и потому меня очень пугает современная реформа школы, которая направлена на сужение знаний школьников. Мне кажется это неправильным по двум причинам. Во-первых, школьник ещё не может по-настоящему понять, кем он хочет быть (я ведь хотела быть медиком-биологом и, наверно, была бы неплохим, но стала филологом и опять-таки явно неплохим). Выбор своей дороги должен быть осознанным. Плохо, когда говорят, что кому-то можно не изучать математику, а кому-то – гуманитарные предметы. Основы знаний должны быть очень широкими, нужен очень широкий фундамент. А во-вторых, потому что лишних знаний в принципе не бывает.

Единственное, что из почерпнутого в школе мне никак не служит, это тригонометрия, а всё остальное оказывается нужным либо в жизни, либо в русском языке, которым я занимаюсь.

В свое время я организовала у нас на факультете специальное преподавание математики (сейчас на кафедре теории, истории языка и прикладной лингвистики читается дисциплина «Математические основы гуманитарных знаний»). Тогда это был факультативный курс, для всех желающих. Я быстро убедилась, что мои школьные знания мне очень помогают осваивать высшую математику, которую читали на этом факультативном курсе. Считаю, что это было очень полезно. Но не все этим воспользовались. Во-первых, не все ходили. Во-вторых, из тех, кто ходил, некоторые прослушали и забыли. Но один мой ученик, ныне доктор наук, профессор Александр Павлович Журавлев<sup>66</sup>, положил знания математики в основу своей докторской диссертации. Сначала он применил их в кандидатской диссертации по сложному предложению: весь материал математически обсчитал. Потом абсолютно самостоятельно на основе статистических исследований реакций на разные звуки разных людей пришёл к фоносемантике. В это время уже появились компьютеры, и он стал совершеннейшим адептом в компьютерной технике, обработал данные сотен тысяч информантов.

Очень интересными у него были наблюдения из истории русского языка. Скажем, почему изначально более распространенное в древнерусском языке слово *секира* оказалось вытесненным словом *топор*? Оказывается, слово *топор* лучше по своей фоносемантике соответствует впечатлению от этого предмета, чем *секира*. У него было очень много таких примеров. Вспомнила ещё один: мы всегда возражаем против обращения *женщина*, а против обращения *девушка* таких возражений уже нет. Фоносемантика это объясняет так: значение составляющих слово *женщина*

звуков связано с представлением о чём-то тёмном, нехорошем, а в *девушке* этого нет. Сначала я очень негативно отреагировала на эти идеи фоносемантики, но он меня смог убедить, что они есть, не сдался, – и сдалась я. Неоднократно сама убеждалась, что они, эти значения, действительно есть.

Когда я месяц была в Москве, работала с редактором (о нём расскажу позже) и жила у двоюродной сестры, она лежала после инфаркта. Лежала, конечно, одна целый день, я приходила только ночевать. Настроение было у неё плохое: вообще больной человек, а плюс ещё инфаркт – чего ж тут хорошего. Пришла однажды я от редактора усталая, измученная (с девяти до девяти работали), а она просит меня её развлечь. Я спрашиваю, какого цвета звук *А*? Представьте, она говорит *чёрный*, и тут же добавляет: «А ты хотела, чтоб я сказала *красный*? Он, конечно, *красный*, но до того мне сейчас погано, что я сказала *чёрный*». И получилось, что характеристики звуков, которые статистически вычислил Журавлёв, подтвердились этим развлекательным экспериментом.

Я много раз со студентами проводила этот эксперимент – всё подтверждалось. Отступления, конечно, бывают, ведь и музыкальный слух есть не у всех людей. Есть люди, которым чужд своеобразный психический механизм восприятия звука. Я заметила, что лишены такого слуха люди сухие, очень холодные, такие абсолютные технари. У людей, которые признают эмоции, этот механизм развит. Журавлёв проводил эксперименты на материале стихов великих поэтов и доказал, что они, может быть, интуитивно или, некоторые, сознательно, пользуются фоносемантикой. Для них букво-звук играет большую роль. Блок когда-то говорил, что *лес* без *ятя* для него не имеет того аромата, который имеет натуральный лес. Ещё в Калининграде Журавлев разработал компьютерную программу, которая автоматически, с введением зависимости от места и других характеристик

звуко-букв, оценивала текст. Пришел к нему однажды какой-то местный поэт, скорее – рифмоплёт, и дал для анализа очень торжественное стихотворение о величии наших планов, о свершениях, такое ура-патриотическое стихотворение. Компьютер выдал своё восприятие содержания текста: *маленький, незаметный, гнусный*. Поэт обиделся, сказал, что ничего у вас не работает, и ушёл. На самом-то деле сработало и показало, что это никакая не поэзия, а рифмоплётство.

Журавлев разрабатывал, но так и не сумел издать словарь фонозначений русских слов. Я сожалею о том, что потом он уехал в Америку, и, как до меня доходят слухи, бросил лингвистику и занялся только коммерческими компьютерными делами, сказав, что, пока лингвистика не дает того заработка, который дает компьютер, он будет заниматься компьютером. Я этого не принимаю: не в деньгах счастье, но понять его, конечно, можно. Всё же занятия математикой сыграли роль для его научной работы, очень большой деятельности, и в жизни это ему пригодилось. Журавлев – один из специалистов по фонетическому значению. Вслед за ним пошли очень многие.

Знания математики были использованы и в моей докторской. Но главное, что дает мне настоящая математика, пусть без тонкостей, школьная математика, – упорядоченность, логичность мышления. Это очень важно для любой отрасли, а литература развивает другую сторону творчества – образную, что тоже очень важно для любой науки.

Невладение русским языком, вообще языком, не дает возможности закрепить даже для самого себя полученные знания и дальше кому-то их передать. Очень много недоразумений в науке связано с тем, что что-то оказалось просто плохо понятым, человек не смог донести свою мысль, потому что плохо владел языком. В этом плане меня больше



устраивает американская система (не Болонская), которая дает бакалавров не по какой-то специальности, а общекультурных, полученных в результате общекультурной подготовки, а уже дальше специализация.

У нас принята система бакалавров специальности: филологии, истории, математики и так далее. Это ограниченные знания по одной специальности без общей культуры, а общая культура нужна обязательно. Школа её дает очень мало, система общего образования у нас очень плохая.

В высшем образовании Америки три года идет обучение без разделения на факультеты, общекультурная подготовка. Конечно, это очень затратно. Когда-то давно, при Трубецкове<sup>67</sup>, в первый год его ректорства, Родионов, проректор по учебной работе, организовывал подобный проект, и мы с Гольдиным<sup>68</sup> писали свою часть (это даже издано), в которой говорили о том, что обучение в университете должно начинаться с года общекультурной подготовки. Общекультурная подготовка для первого курса на всех факультетах должна быть одинаковая, с основами разных знаний, а потом человек осознанно выбирает свой факультет.

Хороший учитель в школе может дать общекультурную подготовку, но таких учителей очень мало. И получается так, что школа, с одной стороны, перегружена, и у неё нет времени на эту общекультурную подготовку, а с другой – вся школа построена не на потреблении знаний, а на отчетности их усвоения.

Я не любила уроки литературы, потому что с меня требовали отчёт, хотя очень любила читать художественные книги. Я гораздо больше получала из чтения художественной литературы, чем из урока по этой художественной литературе, по этому же произведению, потому что там важно было только что-то запомнить, что-то сказать так, как положено. Учитель в школе тоже зажат в рамки, от него требуют, чтобы у учеников были определенные знания. А теперь, когда введён ЕГЭ, это

всё ещё более усугубляется. Учитель натренировывает, но не учит думать.

Надо учить думать, а дальше человек должен сам научиться понимать, откуда он может получать знания. У нас в образовании всё рассчитано только на быстродействующую память: на завтра надо выучить, а послезавтра можно забыть. Моя установка с детства была направлена на то, что нужно потреблять знания и помнить их всю жизнь, эта установка меня выручала не только на тех экзаменах, которые я сдавала, но выручает до сих пор – и во всех лекционных курсах, и в научной работе, и где угодно. Мне сказали номер телефона, чтобы позвонить по нему, но он мне вообще-то не нужен – я по нему звоню и тут же забываю. Но если, например, Елена Генриховна<sup>69</sup> позвонила и сказала, что у них изменился номер телефона – всё, мне его и записывать не надо, я его всё время буду помнить. До сих пор это действует, это работает.

Вернусь к разговору о моем пути в науку лингвистику. В аспирантуре мне и Светлане Александровне назначили научным руководителем Александра Митрофановича Лукьяненко. Но Александр Митрофанович был в то время, во-первых, уже далеко не молод, а во-вторых, как я уже потом поняла, остановился в своей научной работе.

Когда он кончал Киевский университет, то получил за свою выпускную работу (мы теперь скажем дипломную) золотую медаль, и к ней прилагалась годичная командировка – полевая практика (как угодно назовите) по славянским странам, поскольку он был славистом. У него были работы, которые трудно назвать собственно лингвистическими. Хотя были и собственно лингвистические, например, по штокавскому наречию сербского языка. Литературоведческими работами можно считать «Жития» или о деятельности какого-то Франца Франкопана. Эти работы известны, они вошли в энциклопедии. Были ещё работы то ли исторические, то ли общекультурные.

По призванию он был индоевропеистом, но дальше произошли два события. Во-первых, началась Первая мировая война, и ехать в славянские страны было абсолютно невозможно. Его оставили работать в Киевском университете, и он там преподавал, но индоевропеистика тогда была под запретом. Второе – он женился на своей студентке, молодой, красивой. А ещё она считала, что умеет петь. Она-таки пела, но я её пения просто не выносила, и потому что это были очень высокие ноты, и потому что она явно фальшивила.

Александр Митрофанович договаривался со Светланой Александровной, которая кончила музыкальную школу, аккомпанировать. Жена Лукьяненко давала концерты в Доме ученых, но на эти концерты я, конечно, не ходила. Претензий у неё, видимо, было много: она должна была красиво одеваться и прочее, а денег мало, и Александр Митрофанович бросился зарабатывать: преподавал старославянский (тогда, безусловно, церковнославянский) язык в семинарии. У него есть труды методического порядка, как нужно преподавать в семинарии.

В 1920-м году, по его словам, он был послан на укрепление созданного Крымского университета в Симферополе. Лидия Ивановна в своё время сомневалась в этом, поскольку это 20-й год: кто его мог послать или он пытался уйти от советской власти? Правда осталась неизвестной, его уже не спросишь, давно нет на свете. В этом университете Лукьяненко преподавал долго. Там были крымские татары, и он освоил татарский язык, учил ему и написал целый ряд методических работ по татарскому языку. В тридцать четвертом примерно году обменялся, не знаю, каким путем, с профессором Волк-Левановичем из Пединститута, у которого училась Лидия Ивановна и которого она очень ценила. Тот переехал в Крым, а Лукьяненко вернулся в Саратов.

Крымский университет вскоре закрыли. Лукьяненко остался в Саратове, преподавал в Пединституте, а когда

открыли филологическое отделение в университете, перешел туда, был, я уже говорила, заведующим филологической кафедрой, после разделения заведовал кафедрой славяно-русского языкознания, потом она стала называться кафедрой русского языка.

Лукьяненко-индоевропеист вынужден был пропагандировать марровское учение о языке, у него даже есть несколько весьма проходных работ о значении марровского учения. Никаким марристом он, конечно, не был, хотя потом его обвиняли в марризме. Кроме того, у него были неприятности из-за того, что, будучи верующим человеком, он ходил в церковь. Оправдываясь, объяснял свои посещения церкви тем, что ему надо наблюдать церковнославянский язык, чтобы не забывать его. Написал в это время весьма проходные сообщения, например, по Радищеву «Путешествие из Петербурга в Москву», никаких серьезных работ не было. Фактически все его настоящие работы кончаются 1913-м годом, годом женитьбы.

Понимая всё это, Григорий Александрович Гуковский, который был тогда проректором по учебной работе, и мне, и Светлане Александровне пробил двойное руководство. У меня на автореферате было написано два руководителя: Александр Митрофанович Лукьяненко и Лидия Ивановна Баранникова. Настоящим руководителем была, конечно, Лидия Ивановна. Александр Митрофанович прочел мою кандидатскую, когда я её уже написала, и сделал одно замечание, которое я запомнила на всю жизнь и следую его правке (хотя сейчас эта правка уже явно устарела, потому что нормой стало именно то, как я написала). В тексте я поставила точку и с большой буквы начала писать *причем*, то есть употребила присоединительное предложение. Он сказал, что часть с *причем* не может быть самостоятельной, а должна употребляться только после запятой. (До сих пор режет мне глаз вариант *притом* со слитным написанием, наряду с *при том*. Я не могу так писать

и правлю своим подопечным, зная, что теперь это уже не ошибка: печатают слитно и книги, и газеты.)

Лидия Ивановна, конечно, гораздо больше вникала в мою работу. Но однажды случилось такое. У нас существовало «Филологическое общество», которое объединяло и университет, и Пединститут, собиралось оно раз в месяц, и на нем делались литературоведческие и лингвистические доклады. На втором году аспирантуры докладывать должна была я. Тема доклада по говорам Духовницкого района. Перед выступлением я всё хотела посоветоваться с Лидией Ивановной, а она от меня буквально увиливала, могла разговаривать со мной на какие угодно темы, но только не на тему моего доклада, не говоря уж о том, чтобы прочитать этот доклад заранее. После того как я сделала доклад, она его критиковала и сказала, что специально категорически отказалась смотреть работу, чтобы проверить, что все-таки я могу самостоятельно.

Конечно, до этого я уже выступала на научной студенческой конференции ещё в 1945 году и даже получила вторую премию. Первую премию получил математик Бурмистров<sup>70</sup>. Тогда была единая шкала для всех специальностей. Тем не менее, она решила меня вот так проверить. Больше такого никогда не было, и по докторской, конечно, я без конца с ней советовалась, и она мне очень много помогала. Хотя моя докторская была совсем не по её проблематике, и сама она тогда ещё не была доктором (я защищала в 1966-м, а она – в 1969-м году). Она не называлась моим консультантом потому, что тогда вообще не было ни консультантов, ни докторантуры. Тогда был перевод в старшие научные сотрудники на два года.

Я должна была уже кончать докторскую диссертацию, а Александр Митрофанович стал уже совсем старым. Студенты жаловались, что он приходит на лекцию и либо читает то, что уже прочитал, либо вообще не знает, какому он курсу читает:

первому или пятому. Павел Андреевич Бугаенко, который в это время был проректором по учебной работе, вызвал меня и сказал, что заведующим его больше оставлять нельзя, и предложил мне его заменить. Я отказалась, объясняя тем, что мне надо закончить докторскую. Он попросил посоветовать, кого назначить. Я назвала Лидию Ивановну и сказала, что это лучший вариант и по сути, и по тому, что у неё непререкаемый авторитет у всех, поэтому никто не будет ни обижаться, ни завидовать. Однако поставила одно условие, что если она придет к нам заведовать, то, когда я защищу, её не будут заменять мной, она заведующей останется. Павел Андреевич меня понял и на это согласился. Так оно и вышло: я защитила, а Лидия Ивановна продолжала заведовать.

Лидия Ивановна в это время работала в Пединституте, а кафедрой заведовал Сердобинцев<sup>71</sup>, и это ей было, конечно, обидно, ведь они несоизмеримые величины (наверно, Сердобинцев был ещё и проректором по учебной работе). В это время в Пединституте работал и доктор наук Алексей Федорович Ефремов. Лидия Ивановна много лет была деканом и деканом хорошим. Кроме того, она отвечала за выборные кампании, у неё было много партийно-административной работы, но никак не научной, и это её тяготило. Ей хотелось заниматься именно наукой.

Когда Павел Андреевич предложил Лидии Ивановне заведование в университете, она, конечно, согласилась. Однако он боялся, что её не отпустят. Ректором Пединститута в то время был Николай Михайлович Андреев, молодой, но очень хороший ректор. На просьбу Бугаенко он ответил: «Пожалуйста, берите». И Павел Андреевич испугался (так легко отдают декана!) и снова вызвал меня. Я сказала, что это просто ход, чтобы не брали хорошего декана, чтобы она осталась в Пединституте. Павел Андреевич опять-таки мне поверил, меня послушал, и Лидия Ивановна стала у нас заведовать. Это было во всех отношениях очень хорошо: она

перешла к нам в университет полностью, стала читать наши курсы.

Лидия Ивановна, безусловно, была прекрасным завом. Когда я выходила на защиту, хлопотала, чтобы защита состоялась, уговаривала одного из моих потенциальных московских оппонентов, Василенко<sup>72</sup>, с которым была знакома, а я ещё нет, согласиться оппонировать.

Евграф Иванович, председатель Совета (у нас был общий с Пединститутом совет), сказал, что один из оппонентов должен был быть членом нашего совета. Это Алексей Федорович Ефремов, никакой другой кандидатуры не было, он единственный доктор-лингвист. Остальные должны быть москвичи, и он назвал трех человек (Василенко, Ломтев<sup>73</sup> и Шведова<sup>74</sup>), которых знал как настоящих, хороших лингвистов. С двумя первыми он даже был лично знаком по работе комиссии по Государственным премиям.

Защиту назначили на 14 июня. В начале 1966 года поехала в Москву, повезла диссертацию. Прежде всего, обратилась к Шведовой. Я уже знала, что до меня защищал докторскую Распопов<sup>75</sup>. Мы с Распоповым познакомились на одной из конференций, он занимался актуальным членением предложения, поэтому с порядком слов пересекался. Поскольку у нас были близкие доклады, тогда на конференции мы с ним и подружились. Он жил в Уфе.

Шведова была у него оппонентом. Заказали банкет (тогда ещё банкеты полагались, когда я защищалась, уже не полагались, но у меня он-таки был, не в университете, а в квартире над нами, потому что у нас было негде: мама лежала совершенно больная после инфаркта). Стали голосовать распоповскую диссертацию, и он не прошел. Как заявила Шведова, так проголосовали из уважения к ней. Распопов с Шведовой спорил, а она совершенно не принимала эту критику. Распопов не признавал детерминанты, учение о которых она выдвинула. Он, конечно, защитил, но через год.

Всё это я тоже знала. Но никуда не денешься, даю ей свою монографию, а в монографии у меня детерминантов тоже нет, потому что я сдала монографию в печать в 1963 году, а статья о детерминантах вышла в 1964. В диссертации же у меня уже было написано о них.

В 1964 году диссертация лежала переплетенная, и вдруг вышло постановление, что монография должна быть за полгода до защиты. Монография вышла только в 1965 году. Но когда она вышла и я подала диссертацию на защиту, – второе постановление о том, что за месяц до защиты нужно рассылать автореферат. До этого никаких авторефератов не было, я первая в университете, кто защищал с авторефератом. Само печатанье автореферата шло три месяца (тогда ведь всё печатное проходило цензуру, и для этого тоже требовалось много времени), а ещё за месяц надо разослать. В результате в сентябре 1964 года у меня всё было абсолютно готово для защиты, а защищала я только в июне 1966 года.

В автореферате у меня уже было написано, что, когда работа была готова, появилась статья о детерминантах. Но дело в том, что в диссертации я сама дошла до того же самого, у меня не было термина *детерминант*, но я писала, что есть такие *косвенные дополнения и обстоятельства времени и места*, которые отличаются от *присловных косвенных дополнений* и занимают инициальную позицию. Шведова вообще не принимала термина *второстепенные члены предложения*, таких для неё нет. Есть *присловные зависимые компоненты словосочетаний*, есть *предикативная основа* и есть *детерминанты*. Термина *ситуант* у неё тоже не было, его ввели чехи.

Термины *дополнение, определение, косвенное дополнение, обстоятельство* у меня были уже в оглавлении монографии. Шведова открыла, увидела оглавление и сказала, что не будет оппонировать, раз есть термин *члены предложения*, который



она не принимает. Я пыталась её убедить, но без толку. Что сделаешь? – Нет. Не буду – значит не буду.

Потом она, видимо, монографию прочла и, так сказать, уважением преисполнилась, потому что когда в 1970-м году вышла под её редакцией первая Академическая грамматика, то приглашала меня на обсуждение, потом оппонентом к тем, кто под её руководством защищал докторскую по порядку слов. И у Крыловой<sup>76</sup>, и у Ковтуновой<sup>77</sup> я была оппонентом, то есть потом она уже признала меня. Но это было потом.

После первой неудачи с оппонентом я пошла к Т.П. Ломтеву, и тут мне повезло. В МГУ тогда была такая организация, что спецсеминары шли сразу и для дневного, и для вечернего отделений. Единые спецсеминары и спецкурсы ставились в расписании между дневниками и вечерниками, в промежутке, с пяти часов.

Приехала на факультет к окончанию лекции Ломтева и жду под дверью. Я его в лицо-то все-таки знала (то есть не в лицо, которого не вижу, а по фигуре) по конференциям, на которых он выступал, может, и я уже выступала. Он меня, конечно, не знал: подумаешь, какая-то мелюзга из Саратова. Лекция кончилась, дверь открывается, и первым оттуда выскакивает мой бывший студент Онуфрий Винцелер<sup>78</sup>.

В Саратовском университете раньше учились студенты-иностранцы: поляки, венгры, чехи, китайцы. Кончили у нас только венгры, всех остальных перевели в МГУ, кого – со второго курса, кого – с третьего, кого – с четвертого. Саратов закрыли. На втором курсе ко мне в просеминар пришел венгр, который жил в Румынии. Он был такой огромный-огромный и широкоплечий, прямо великан. (Потом он стал очень крупным ученым Румынии, в его честь даже книжки издавались. Он меня помнил и написал обо мне большую статью в своих воспоминаниях: какую роль я сыграла в том, что он стал филологом. Как-то пригласил в сборник в его честь, и в этом сборнике опубликована моя статья о дискурсивных словах.)

Так вот, он первым выскочил из аудитории. Я и представления не имела, конечно, что он там может быть, ведь он давно кончил Московский университет. Оказывается, Онуфрий в аспирантуре у Ломтева и сейчас слушает его спецкурс. Увидел меня, кинулся с объятиями.

Он был у меня только в просеминаре, причем заявлял, что не хочет заниматься языком и вообще не хочет быть филологом. Он, потомственный железнодорожник, хотел идти в институт, связанный с железной дорогой. Тогда была жесткая система образования, и его распределили быть филологом. Я убеждала, что он должен хорошо кончить филологический факультет, чтобы доказать свою законопослушность, а потом заниматься тем, к чему душа лежит. Оказывается, я его не только убедила, но заразила любовью к языку, о чем и не подозревала. В просеминаре он сделал вполне хороший доклад. Но подумай – просеминар!

Онуфрий кидается ко мне: «О! Ольга Борисовна, дорогая, как я рад Вас видеть!». А следом выходит Ломтев. Винцелер обращается к нему и говорит: «Это мой учитель, благодаря ему я стал лингвистом». В общем, дифирамбы. Когда я обращаюсь к Ломтеву, то для него уже не нечто абсолютно неизвестное (подумай, из Саратова кто-то приехал), мой бывший студент меня представил, и Ломтев уже ко мне относится по-другому. Конечно, говорит: «Мне некогда читать, у вас, небось, большая диссертация» (Он был очень занятой человек: член или даже секретарь парткома МГУ, масса другой работы, но активно занимался наукой.) Я отвечаю: «Да нет, маленькая». А у меня была действительно маленькая: 320 страниц текста, до 400 не доходило вместе со списком использованной литературы (тогда диссертации писали по две тысячи с лишним страниц). Он снова: «Маленькая, небось, больше тысячи». «Нет, – говорю, – триста с небольшим». Ломтев согласился.

Но потом выяснилось, что он её так и не читал, оппонировал по монографии, и поэтому его упрек был в том,

что я не вычисляла статистическую погрешность. В монографии я не вычисляла, а в диссертации-то вычисляла. Так и ответила. А он сказал: «А я диссертацию не видал. Монографию прочел, она вполне достойна, и этим удовлетворился». Причем диссертацию он мне не вернул, хотя я вручала ему её лично.

В общем, всё хорошо, но его условие, что он будет читать диссертацию только перед самой защитой. А тогда полагалось давать предварительный отзыв. А куда мне деваться? – согласилась.

Это была только первая бяка на моем пути. Василенко, Ефремов дали положительные предварительные отзывы, но за двадцать дней до защиты Ефремов умер и настоящего отзыва оставить не успел, даже никаких набросков, ничего. Что делать? Надо заменять кем-то. Кем? А двадцать дней до защиты.

В это время присылает очень развернутый отзыв на автореферат и монографию некий Никитин из Рязани. Я предложила председателю Совета его взамен Ефремова: диссертацию ему отвезу, он с работой уже знаком, значит, сможет быстро её прочесть. Покусаев согласился, и я поехала в Рязань, конечно, после того как выяснила, что Никитин согласен. Отвезла, всё снова вроде хорошо.

На следующий день я, как обычно, пошла на иголки, а когда спускалась с лестницы, не увидела последнюю ступеньку, грохнулась и сломала ногу. Защищала диссертацию хромоногая, но просила не накладывать гипс, потому что тогда не смогу никакую обувь надеть.

Вот о чём ещё забыла рассказать. Защищалась я не четырнадцатого, защиту перенесли на тринадцатое июня, на день вперед, так как четырнадцатого была назначена литературоведческая Поволжская научная конференция. Я послала Ломтеву телеграмму об этом. Он при первой встрече ставил условие, что согласен оппонировать, но после

двенадцатого июня, потому что двенадцатого июня были выборы, в которых задействован. Но я же не знала, как он задействован, и потом тринадцатое ведь после двенадцатого. Получаю от него ответное письмо, в котором пишет, что я поставила его в очень трудное положение. Оказалось, что он член не участковой, а окружной избирательной комиссии и поэтому всю ночь с двенадцатого на тринадцатое должен быть на выборах, так как участковые сообщают данные в окружные комиссии только после выборов. Но он вылетит первым же самолетом тринадцатого. Первый самолет прилетает из Москвы за полчаса до защиты, предварительного отзыва нет, а основной будет у него.

Тринадцатое июня. Нога у меня сломана, мы с Галиной Георгиевной Полищук едем встречать Ломтева на машине её приятеля. Галина Георгиевна видит лицо Ломтева, а я-то ничего не вижу. Она говорит: «Улыбается, значит, отзыв хороший». Ломтев вручает мне отзыв, но он рукописный, и его надо будет ещё напечатать. Галина Георгиевна везёт его в гостиницу, а потом на совет, а я мчусь скорей читать. Прочитала, вроде всё нормально. После защиты всю ночь сидела за машинкой, печатала отзыв, потому что на следующий день Ломтев уезжал, и надо было, чтоб он успел его подписать.

Защита состоялась тринадцатого июня, все три отзыва и протокол на тринадцати страницах, на защите присутствовало тринадцать членов Совета. Четырнадцатого члена совета, пединститутского, Манделя, не было. Когда я ему звонила о переносе защиты, он был в Москве, о чем я, конечно, не знала. Сосед по квартире в его отсутствие самовольно подключался к его телефону. Когда я позвонила, чтоб предупредить о переносе, мне показалось, что голос не тот, но я хорошо-то голос Манделя и не знала. Я спрашиваю: «Это вы?». Голос отвечает: «Да». Я сообщаю дату защиты. Голос: «Хорошо, буду». Я спокойна, а Мандель приезжает четырнадцатого.

Сначала был в претензии, почему я не предупредила, потом сказал, что сосед так не раз его уже подводил. Заявлял в милицию, его штрафовали, а он опять подсоединяется.

О третьем оппоненте, Василенко. Я его совершенно не знала, и когда в первый раз пришла к нему, то он сказал, что приедет из уважения к Евграфу Ивановичу, но только с женой, без жены не поедет. С женой так с женой, о чем речь?

Перед защитой Лидия Ивановна была в Москве и сама предупредила Василенко о переносе. Он снова сомневался: ехать не ехать. Она уговаривала ехать. После защиты Василенко мне говорил: «Это надо! Она-то ведь не доктор, а за вас так хлопотала! Я был потрясен». А я совершенно не была потрясена, потому что в моём сознании это в порядке вещей, я ничего другого и предположить-то не могла. На вопрос Лидии Ивановны о подарке мне на защиту я попросила набор ножей и вилок, у меня их было очень мало, я ведь не рассчитывала на банкет. Самарские, когда Лидия Ивановна была у них, удивлялись: «Господи, да как же так! Что вы делаете? Мало того, что она защищает раньше вас, Вы ей ещё ножи и вилки дарите! Это плохая примета, она же вас съест!» Лидия Ивановна засмеялась на это и ответила, что не съест. Она даже не знала об условии, которое я поставила, когда предложила её кандидатуру на пост заведующей. И только потом, уже много лет спустя, в 1973 году, когда она сама защитила и стала меня уговаривать разделить кафедру и взять одну из них, я ей в этом призналась. Я не хотела быть заведующей, но она мотивировала тем, что литераторов больше, и ей одной очень трудно им противостоять, когда что-то решается. А если будет два заведующих, то легче. И тут я уже не могла протестовать, и кафедру разделили. Я лишилась курса общего языкознания, который мы с ней читали по очереди и (что делать?) стала заведовать: у меня кафедра русского языка, у неё – общего языкознания.

Поскольку у меня так и не сложилось привычки писать полный текст лекции, никогда, ни разу в жизни я их не писала, то каждый год я фактически делаю курс заново. Готового курса, который я могла бы кому-то передать, у меня нет. Даже сама воспользоваться текстом лекций не могу, потому что их нет. Перед лекцией я, конечно, очень волнуюсь, но особенно перед первой лекцией тому курсу, к которому иду в первый раз. Готовлюсь к любой лекции всегда, в отличие от выступлений. Сколько выступала на ученых советах, на юбилеях! Продумываю свою речь только по ходу. Благодаря тому, что никогда ничего не видела, очень хорошо всё воспринимаю на слух. Правда, в последнее время начала замечать, что слышать тоже стала хуже. Раньше у меня был очень тонкий, острый слух.

Хотя однажды ещё в школе была такая ситуация. Я училась, может быть, в первом или во втором классе, и нас отвели на профилактическую процедуру проверки здоровья. Передавали от одного врача к другому, и когда дело дошло до ухо-горло-носа, то врач вдруг ни с того ни с сего говорит: «Два». Ну *два* и *два*, а он диктует что-то сестре, она записывает – я молчу. Тогда она говорит: «Четыре». Я начинаю соображать, что, видимо, это проверка слуха и надо повторять. Я повторяю, но то, что было услышано мною сначала: *два*. Она уже говорит: «Десять», а я говорю: «Четыре». В результате, когда за мной приходит тетя, она с недоумением узнает, что я тугоухая, я плохо слышу! Говорит врачам: «Да вы что! Мы от неё ничего не можем тайком сказать, потому что она через три комнаты всё слышит». «Нет», – отвечают врачи. Так и записали.

Тогда у нас работали всякие педологи, снимали с урока по два-три человека, и все тряслись от страха, потому что плохой результат грозил переводом в школу для недоразвитых. Я почему-то абсолютно никогда не боялась, но меня мучает любопытство: как они ломали голову над таким ребусом со

мной. Я решала задачи, легко отвечала на вопросы о том, кто мой любимый герой и почему. Мне не составляло никаких трудов пересказать текст. Но дальше показывали картинку, и надо было её описать, а видеть-то я не видела. Как они этот полный ноль оценивали, я не знаю. Но вопрос о моем переводе никогда не вставал. Потом их разогнали. Ни один учитель не догадывался о том, что я не вижу, пока не пришла англичанка, сама очень близорукая, которая поняла моментально.

В аспирантуре я уже начала преподавать, вела практические занятия после лекций Лидии Ивановны по диалектологии, старославянскому языку. Это было сразу после войны. К нам пришло очень много студентов, уже повоевавших, людей взрослых, с капитанскими и майорскими погонами. И я, какая-то мелюзга, слушала вместе с ними лекции по диалектологии, потому что, когда я была студенткой, у нас лекций по диалектологии не было, не было такого курса. Занималась диалектологией в спецсеминаре, чуть-чуть о ней говорили в курсе истории русского языка.

Помню, рядом со мной сидит отставной капитан, очень пренебрежительно слушает, ничего не записывает и, обращаясь ко мне (не знает же, что буду у него в группе вести занятия, думает, что студентка), говорит: «Ох, господи, ну и ерунда же это всё!». Я вся вспыхиваю, говорю, что никак не могу с этим согласиться. Проходит неделя, и я прихожу на занятие в его группу. Тут между нами начался поединок: кто победит. Он сначала попытался остаться на тех же позициях, но я каким-то образом сумела показать, что он рассуждает так от непонимания. Группа встала на мою сторону, победила я. Потом мы с ним были в хороших отношениях, он кончил университет, работал директором нашего Драматического театра, а его жена – у нас в издательстве редактором. Звали его Виктор Токарев, он давно умер.

Лидия Ивановна руководила диалектологическим кружком, и я в него ходила на правах помощника. Летом мы

ездили в диалектологические экспедиции. Однажды мы поехали вместе с Галиной Георгиевной. Потом она любила рассказывать про меня, уже когда мы были друзьями, как она, студентка, трепетавшая предо мной, себя в этой экспедиции ощущала.

А был такой эпизод. Мы ночевали в Пугачёве у двоюродной сестры Лидии Ивановны. Группа Лидии Ивановны и наша съехались туда, чтобы на следующий день вместе уехать поездом. Лидия Ивановна разбудила нас среди ночи, сказав, что надо идти занимать очередь за билетами, и ушла. Я попыталась разбудить Галю, она: «Ой, спать хочется!». Я разрешила поспать ещё пять минут, а самой сомнительно, что надо уже идти, потому что тьма абсолютная, никакого рассвета. На часы посмотреть не могу, потому что никакого света. Тут просыпается двоюродная сестра Лидии Ивановны, зажигает свет, и я смотрю на часы: три часа ночи, конечно, можно ещё спать. Я опять бужу Галю и говорю: «Галя, можете спать». Она потом всё издевалась надо мной: «Это ведь надо, разбудить, чтобы сказать, что можете спать!». А для меня это очень существенно, я всю жизнь и живу, и сплю именно так, даже не по часам, а по минутам. Пять минут для меня – это очень много. Я могу именно спать пять минут, а через пять минут проснуться и встать, и всё будет хорошо. Для меня очень важно знать, сколько я ещё могу спать, поэтому сейчас для меня мучительно то, что без лупы не вижу, сколько на часах времени, и это очень ограничивает мои возможности.

Тогда-то я видела при свете, мы встали нормально, пошли, заняли очередь, а Лидия Ивановна пришла к нам часов в девять, если не в десять. Я ей, естественно, говорю: «Лидия Ивановна, это что же, нас разбудили вон когда!» А она и не помнит, что нас будила, говорит, думала, что во сне видела. Самое пикантное заключалось в том, что поезд не пошел, поэтому мы зря вставали, шли за билетами. Ехать нам пришлось в Саратов ночью на какой-то попутной грузовой



машине и с козой. Галина Георгиевна всё прижималась к этой козе, чтоб она её грела своей шерстью, потому что ночью было очень холодно, а машина открытая. Хозяйка козы боялась, что она эту козу слишком прижмет к борту и задавит. Вот такие были у нас в экспедициях приключения.

Первая моя экспедиция была в 1945-м году, в июле. Я и Светлана Бах к этому времени – уже кандидаты в члены партии, нас вызвали и отправили в разные села Хвалынского района, меня – в Самодуровку. Это называлось тогда в помощь парторганизации колхоза. На самом деле всё было очень неопределенно. Конечно, с нами проводили инструктаж, причем такого плана: *«С Японией мы воевать не будем»*. А война очень скоро началась. Чаще всего мы не знали, что делать, и были каждый сам по себе, ни у кого не спросить, ни с кем не посоветоваться. В итоге мы везде сделали одно и то же: выпустили стенную газету. До нас её выпускали ещё до войны. Эта стенгазета, мне говорили, так и висела много лет в единственном числе. В Самодуровку потом у нас было много экспедиций, потому что это село оказалось интересным. Один наш студент, Коля Лобков, был из этого села, потом он работал в «Саратовских вестях». Теперь село называется Белогорское, тогда оно было Хвалынского района, теперь – Вольского.

В этой Самодуровке свирепствовал бруцеллез, им заражаются от коров через молоко. Я ужасно боялась заразиться, потому что мне выписывали от колхоза молоко. У них был молочный пункт, на который привозили молоко и из других сел, и я всегда просила налить из села Герасимовка, а не из Самодуровки. Потом уже я узнала, что в Герасимовке был сплошной сифилис, и страшно нервничала: вдруг заразилась. Успокоилась, только когда сделали анализ крови. В Самодуровке старалась ничего не есть, кроме хлеба и меда, который мне тоже выписывали из колхоза. Директор школы, уже больной бруцеллезом, говорил мне: «Всё равно заболете, все равно не уберетесь, потому что все заражаются»

повально». Жила я тогда как под дамокловым мечом, но ничего, Бог миловал: не заразилась ни тем, ни другим.

Я ходила с политинформациями на ток, разговаривала с людьми и главным образом их записывала. Мой первый языковой материал был по Самодуровке, и я отдала его в общий котел нашей кафедры, где он и хранится. Там была очень красивая дорога с сосновым лесом через гору Богданиху. Но ехать было довольно страшно, ехала туда первый раз, конечно, на попутной грузовой машине, в ней были огромные емкости с горючим. Когда машина поднималась вверх в гору, то емкости скатывались, и меня прижимало к заднему борту. Я боялась, что они меня вообще раздавят. Но, слава богу, не раздавили.

В послевоенные годы был страшный голод. В одном из таких сел, где шаром покати, мы были в экспедиции. Трудоспособное население всё уехало кто в Москву, кто куда, остались только старики и малые дети, работать некому. Это село официально называлось Спасское, а неофициально – Сукино. Продукты у нас кончились. В экспедицию мы получали хлеб по карточкам, сушили его, мешок с сухарями складывали в рюкзак за плечами, они там перетирались в крошки. Потом мы эти крошки высыпали в тарелки, покупали молоко и с молоком это всё ели. А тут наши сухари кончились, молока нет, и мы голодные.

Правда, очень многое зависело от председателя колхоза, от того, как он умел организовать работу. Из этого села мы пошли пешком через гору за тридцать километров в село того же района (может быть, теперь Черкасский район, они перекроены сейчас, на правом берегу к северу от Саратова), которое называлось Колояр. Сразу поразил вид села: в Сукино разваливающиеся на глазах голые избы, ни одного деревца, а здесь всё утопает в приусадебных садочках, дома бревенчатые, крепкие. Нас сразу поместили в какую-то избу, мы спросили, можно ли купить что-нибудь из еды, а они говорят, что у них

есть ресторан, магазин, мы там можем купить всё, что угодно. Конечно, это был не ресторан, а элементарная забегаловка, но там можно было купить консервы и хлеб. Председатель – мальчишка двадцати лет, но он современный менеджер.

Мы обычно ездили с рекомендательным письмом от обкома партии или облисполкома, шли в сельсовет, к председателю колхоза, и нам всегда помогали: где-то выписывали продукты из колхоза, где-то – транспорт. Тогда о машинах речи не было, на лошади, на телеге переезжали в другое село. Мы повидали разных председателей, где с нас брали деньги за продукты, но чаще не брали.

Мы приехали в это село, и нам предложили *пожалуйста* выписать масло, мед, молоко, мясо, хлеб. Но все за плату. Переехать в другой район – тоже *пожалуйста*, называйте день, час, но опять за плату. Председателя вызвали в район, когда нам надо было уезжать. Мы думали, что никакой лошади не будет, но ровно в одиннадцать в окне появилась лошадиная морда. Мы даже ходили на колхозное собрание посмотреть и послушать, как он его ведет. Прямо современный менеджер.

Сколько мы тогда повидали! В селе Курской области вообще был кошмар. Мы приехали туда на следующий день после ареста Берии, а радио, конечно, не слушали и ничего не знали. Нас там спрашивают, кто такой Берия, мы отвечаем. А председатель колхоза, председатель сельсовета и секретарь партийной организации – вся троица вдрызг пьяные. Мы суём им рекомендации, а они их прочитать не могут, на ногах не стоят. Они фактически нас арестовали: позвонили в район и сказали, что у них шпионы. Слава богу, когда из района приехали и всё увидели, нас, конечно, реабилитировали, и велено было о нас заботиться. Троица в это время стояла в сторонке, чтобы от них не так несло. Мы были в этом селе три дня, а они так и не протрезвели. Когда надо было уезжать и ставить печать, они доверили нам её поставить, потому что не

могли этого сделать. Если разруха была и в других селах, то пьяницы встретились только один раз.

В нашей Саратовской области таких вещей никогда в жизни не было: ни начальство, ни те старушки и старики, к которым мы приходили, никогда в нас никого не подозревали, ни шпионов, ни лазутчиков, и очень много жаловались на местные власти. Разговаривали с нами очень доброжелательно и спокойно, принимали радушно. Когда у них что-то было, то всегда угощали. Я помню, мы были в экспедиции в Алгайском районе, после того как там всё съела саранча. Еды не было, молоко горькое, потому что коровы питались только полынью. Вода горько-соленая, сейчас там все-таки есть орошение, пустили воду, а тогда была пустыня. Я даже видела своими глазами мираж. Правда, мы там были осенью уже после саранчи, и в это время поспели дыни. Куда бы мы ни приходили, обязательно взрезали дыню и давали нам съесть. Настолько этих дынь наелись, что уже видеть их не могли. В одном месте нас угостили пирожками из ржаной муки с поздником – это было такое лакомство!

Нас везде очень радушно принимали. Только один раз случилось другое. Мы с Галиной Георгиевной были в экспедиции, ей не захотелось спать в душной комнате, и она уговорила меня лечь на соломенной крыше. Она спала всю ночь, а я не спала. Во-первых, потому что боялась скатиться, а во-вторых, с рассветом проснулись куры и ходили по нам. Я боялась, что они нам глаза выключают.

Самое ужасное случилось тогда, когда мы спустились в комнату (хорошо, что это был последний день экспедиции). Оказалось, что наши сухари из рюкзака почти полностью исчезли, остались только крошки. Конечно, их взяла хозяйка. Понять можно, она была голодной. Но такой неприятный случай был только один. Как правило, на наши сухари никто никогда не покушался. Иногда мы спали на сеновале, но сухари оставались целы, иногда целый день ходили по селу, и

можно было это проделать, но такого никогда не было, только один раз случилось, только один раз.

Тогда же я обратила внимание на то, что при нас в селе не ругаются матом. Я сказала об этом студентам. Девочки подтвердили: «Нет, никогда». А вот мальчики покраснели и сказали: «А при нас говорили». И это было очень характерно: при мальчиках говорили, а при девочках ни в коем случае, при женщинах табу, нельзя, и это строго выдерживалось. И в городе, конечно, не слышно было мата, за это штрафовали.

Я первый раз услышала такие слова, только когда, возвращаясь из экспедиции осенью 1946 года, уже в первых числах октября, мы ехали на пароходе четвертым, конечно, классом (иначе не ездили, а тогда четвертый класс был не то, что сейчас, это не только не каюты, это не только не лавки, скамьи, а просто сидишь в трюме на полу, в лучшем случае на своих вещах, и как сельди в бочке). С нами возвращался демобилизованный вчистую, но с погонами, или только на побывку ехавший вдрызг пьяный капитан. Он сидел и непрерывно ругался матом, ни к кому не обращаясь, ни по отношению к чему-либо, просто сплошной поток мата. Одна пожилая женщина сказала ему: «Сынок, ну что ж ты так, тут женщины, дети». Он – ноль внимания, другая сказала – ноль внимания. Тогда четверо мужчин подошли к нему, взяли его за руки, за ноги и сказали: «Вынесем на палубу, прохладится и протрезвеет». И вынесли, а было уже холодно. Утром он, действительно протрезвевший, умытый, причесанный, спустился в трюм и всенародно попросил прощения. Сейчас можете представить себе такую ситуацию? Девушки в университете всё что угодно говорят.

На мой взгляд, это произошло потому, что в годы перестройки под флагом борьбы с советской казенщиной, с советским новоязом, канцеляритом выпустили как противоядие на экраны телевизора, кинотеатров, на сцены театров, в литературу, в газеты – куда угодно не только

диалектные слова, жаргонизмы, просторечие, но и чистый мат. Табу было снято, из непечатной лексика стала печатной. И загнать этого джина обратно в бутылку не удаётся никак. А тут ещё многие лингвисты взяли мат под защиту, стали говорить, что это исконно русское, что это свобода выражения. Издатели быстренько подсуетились: в те годы не издавался ни один нормативный словарь: ни толковые, ни орфоэпические, ни орфографические, а вот словари лагерной фени, словари жаргонизмов, прямые словари мата – огромными тиражами. В 1998 году в Германии мне показали словари русского мата, изданные там. В университете у них они были в наличии. Я с удивлением спросила: «А зачем издают-то?». Мне ответили: «Прочтите предисловие». И вот что я прочла: *без знания этих слов в Россию ехать нельзя*. Поэтому их в Германии и издавали, поэтому они там продавались, и поэтому русский язык стал за границей увядать. Многие родители за рубежом протестовали против того, чтобы их детей учили таким словам.

До сих пор в России никак не удаётся справиться с этой ситуацией, хотя уже есть законодательство, запрещающее употребление мата в общественных местах, а мат всё равно звучит. Молодежь им играет, использует как простые заполнители пауз, и студенты в том числе. Они могут и говорить на нём. Однажды я была потрясена, когда, проходя по улице, наблюдала такую сцену: из магазина выскочили, наверно, молодожены, вполне культурные, и в восторге от того, что они зашли в этот магазин и там купили именно то, что им нужно, делились впечатлениями – и это был сплошной мат.

Для преодоления этой проблемы, я считаю, сделан первый шаг – издан закон о запрете мата в общественных местах. Но нет второго шага, нет действия. Из газет я узнала, что только три города: Белгород, Курск и Барнаул – объявлены городами без мата. За мат в них штрафуют, в Белгороде, например, на сотни тысяч в год. По всей России мат исключен из радио и

телевидения, он забивается свистом. Из газет он тоже исключен, но в литературе по-прежнему печатается, а ведь раньше было только три точки. В законе указано, что возможно его употребление, если это оправдано эстетическими целями. Я считаю, что не должно быть ничем оправдано.

В Воронеже всюду, и в школах в том числе, очень активно насаждается культура речи. Иосиф Абрамович Стернин<sup>79</sup> вёл там передачу «Служба языка». В передаче он объяснял, что есть слова, которые вы можете сказать только в кругу близких друзей, есть слова, которые вы можете сказать только в узком дружеском мужском кругу, а вот матерные слова можно сказать только так, чтобы никто не слышал, никто – ни друг, ни мужчина.

Всё дело в том, что исчезло ощущение границы. В хрущевские времена мужа Ксении Ефимовны Павловской, доцента политеха, послали в деревню Кологривовку, сначала главным инженером МТС, потом её директором. И Ксения Ефимовна на субботу и воскресенье приезжала к нему туда, привозила домашнюю еду, чистое белье и так далее. Он не всегда мог её встретить на станции, потому что был очень занят, и присылал возницу. Когда она садилась в телегу, возница говорил: «Ефимовна, заткни уши, а то лошадь не пойдёт». Он употреблял это, а то *лошадь не пойдёт*, но говорил: *заткни уши*. Вот это и была граница.

Мне рассказывали мои старшие, что когда они были детьми, то где-то услышали такие слова и употребили их дома, на что отец сказал: «Вы когда-нибудь слышали, чтобы мы так говорили? Нет? Ну так вот, чтобы никогда вы не употребляли тех слов, которые дома не слышали!» Дети поняли, что есть такая граница. А сейчас весь ужас в том, что и дети так говорят.

Конечно, мат был всегда, и тот же Алексей Федорович Ефремов рассказывал (мы ехали с ним на пароходе оппонировать в Самару, он первым, а я вторым оппонентом), что когда был гимназистом, то они (мужская же гимназия, и

мат там процветал) сами решили бороться с ним. Договорились, что будут уплачивать штраф, несколько копеек, за каждое такое слово, а потом на эти деньги что-то купят, попируют. Два дня попробовали и отказались, потому что никаких карманных денег не хватило: так сильна была эта привычка. Но это была мужская гимназия, и они знали, что за пределами компании гимназистов – нельзя.

Между прочим, моя аспирантка Лудильщикова собирала материал для диссертации по речи молодежи. Записывала всё, что могла сама слышать и на уроках, и во время перемены, и на внеклассных занятиях. Давала детям, чтобы они записывали друг друга без неё. И была очень большая разница речи с ней, без неё, и речи на уроке. На уроке не было никакого мата никогда, но не на уроке, при ней, мат был как заполнитель паузы, правда, не договариваемый до конца. А без неё – сплошной. То есть всё-таки какие-то границы дети усвоили, но, к сожалению, эти границы смещены. Не при ней, не на уроке, между собой, с девушками, и девушки – сколько угодно.

Поскольку все-таки чувство границы существует, надо только вести просветительскую деятельность и говорить, какими должны быть границы. У нас же нет таких просветительских передач, в лучшем случае говорят о том, как правильно что-то произносить и откуда какое слово произошло. Очень многие считают, что и не надо вести такую деятельность, что и так хорошо. У мата очень много защитников, в том числе и лингвистов.

В 2007 году я была на конференции по культуре речи. Это первая международная конференция по этой проблеме, она проходила в Подмосковье, в Звенигороде, в академическом пансионате. В качестве докладчиков выступали разные люди, из разных университетов, и в том числе те, которые продолжают диалектологические экспедиции. Они говорили, что есть такие деревни, где до сих пор существуют очень строгие табу. И при этом любопытно (это я и раньше знала, но



они ещё раз подтвердили), что границы этого табу не везде одинаковы. Не в смысле самих территориальных границ, а в смысле лексики, попадающей под табу. Они, например, столкнулись с тем, что в одном и том же районе в одной деревне гриб-поганка называется каким-то словом, я его не помню сейчас и повторять не буду, которое у них считается названием этого гриба, и нет никаких ограничений на его употребление. В другом селе того же района они попытались назвать этот гриб, а им в ответ: «Как ты можешь употреблять это слово поганое! Гриб-то у нас, конечно, растет, но мы ж так его не можем назвать».

В диалектологические экспедиции я ездила очень много, десять лет как руководитель отправляла группы с другими руководителями. Уже и без Лидии Ивановны руководила всей диалектологической экспедицией.

Институт русского языка тогда пробил по всему Союзу, что диалектологическая экспедиция освобождает от сельхозработ, она засчитывалась как важная, общественно полезная практика.

В последний раз была в экспедиции в пятьдесят шестом году в Баландинском районе. Теперь это не Баланда, а Калининск. Баланда, как выяснилось у старожилов, стоит на болоте. Там был туберкулезный санаторий, и я всё поражалась, как же можно было сделать санаторий на болоте, в таком месте. Я настолько пропадала от бронхиальной астмы, что была вынуждена бросить студентов и уехать.

До этого как-то раз был и такой случай. Мы по дороге от хутора к селу встретили старушку, которая шла, на мой взгляд, с букетом цветов, а она говорила – с веником. Когда я начала записывать её речь, то села с ней рядом, «букет» она держала на коленях. У меня из носа полило в обе ноздри сплошной струёй, как из крана, и я уже писать не могла, наконец. Наконец не выдержала и взмолилась отнести этот веник подальше.

Когда вернулась, старушка на меня удивленно посмотрела и сказала, что думала, что я так простужена.

Я никогда не могла предугадать, где я на что наткнусь, где смогу дышать, а где нет. Уже пережила отёк легких и знала, что это такое. Наконец решила больше в экспедиции не ездить.

## ГЛАВА V

### О логике движения в лингвистическую науку за пределы Саратова

После защиты кандидатской в 1949 году я продолжала любить диалектную речь и поэтому заниматься ею: ездила в диалектологические экспедиции, писала диалектологические статьи. Но тогда было очень сложно с публикациями, невероятно сложно. Современный человек даже и представить себе не может, как это было сложно. Наше издательство только образовывалось, и попасть в него было фактически невозможно. Мы подготовили несколько кафедральных сборников, которые туда сдали. А поскольку у издательства типографии не было, то сборники должны были печататься где-то в энгельсской типографии, там три года пролежали и так и не были опубликованы. Моих работ поэтому от этого времени не так много, а на российскую арену я тогда ещё не вышла, и никто из нас не вышел. Первая диалектологическая конференция состоялась в Саратове в сорок седьмом году, когда я была ещё аспиранткой, а потом они стали ежегодно проходить уже в Москве в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Я принимала в них участие, но публикаций и там тоже не было. Уже знала диалектологов, и они понемножку узнавали меня.

Тут произошла такая вещь, которая, к сожалению, в науке не редкость, в любой стране. Сошлись разные концепции диалектологической работы. В Москве это был Рубен Иванович Аванесов<sup>80</sup>, тогда ещё не академик, который считал, что исследовать надо только речь стариков и совершенно не интересоваться молодыми, у которых диалектологическая сторона не такая чистая. Лидия Ивановна выросла как диалектолог на Ленинградской школе, которую возглавлял тогда, по-моему, уже академик, Федот Петрович Филин<sup>81</sup>. Филин в то время был всемогущ, он официально считался

сторонником марровского учения о языке, хотя в своих конкретных работах никакого отношения к марризму не имел. В Ленинграде все академические исследования возглавлял академик Мещанинов<sup>82</sup>, ученик Марра. И хотя его работы были по-настоящему тоже вовсе не марровские, они и сейчас не потеряли своего значения, но он был признанным проводником марровского учения.

Московская и Ленинградская школы по всем наукам конкуренты и почти всегда антагонисты. Я это знаю и по медицине, и по биологии, и по чему угодно. Это вечная, бесконечная история. И так как Лидия Ивановна выросла в Ленинградской диалектологической школе, то мы исследовали не только речь стариков, но и речь молодежи, которая тогда у нас называлась *передовым слоем*. Мы изучали архаичный слой говора и передовой слой говора. Скажем, моя дипломная работа называлась так: «Социальная дифференциация в одном из говоров» и была посвящена различиям архаичного и передового слоя. В экспедициях мы сохраняли эту тенденцию – исследовать речь не только стариков, но и молодежи.

Аванесов принимал это в штыки. Лидия Ивановна поступила в докторантуру в Ленинград, но не к Мещанинову и Филину, а к Ларину<sup>83</sup>. Однако Ларин очень быстро был назначен (или избран? – я тогда в это не вникала) президентом Латвийской Академии Наук и уехал в Ригу. Лидию Ивановну передали другому руководителю – Анастасии Павловне Гриньковой. Гринькова работала в русле марризма, но ученым была никаким. Поэтому Лидия Ивановна её не уважала как ученого, и руководителем она была только номинальным. Лидия Ивановна работала самостоятельно. Когда ей оставался год до защиты, вышла сталинская работа о языке. Были приняты административные меры, и без разговоров с ней, без вызова её куда бы то ни было, без того, чтобы поинтересоваться, что ею сделано, Лидии Ивановне вручили официальную бумагу, что её отчислили из докторантуры.

Мотивировка такая: за год она не сможет изменить марровскую концепцию. Лидия Ивановна в своей докторской диссертации занималась диалектной фонетикой и, конечно, к марровскому учению о языке не имела абсолютно никакого отношения. Безусловно, для неё это было тяжелым ударом.

Она вернулась в Саратов, в свой Пединститут и продолжала заниматься диалектологией. Лидия Ивановна оставалась нашим духовным лидером, и экспедиции у нас были совместные. Окончание экспедиций мы праздновали вместе, обычно выезжая куда-нибудь на Волгу.

Году в сорок девятом, ещё до сталинских работ, под её руководством мы подготовили диалектологический сборник. Он очень долго лежал и вышел только в пятьдесят четвертом году. В предисловии было написано, что сборник подготовлен ещё до выхода сталинских работ, но ничего противоречащего этим работам там нет. В этом сборнике, кроме Лидии Ивановны, была одна молодежь: моя ещё аспирантская статья, студенческая статья Галины Георгиевны и целый ряд других ещё студенческих работ.

Я была совершенно неопытным в науке человеком, а уж в редакторской практике и подавно. Лидия Ивановна, очевидно, тоже хорошим редактором просто не была или, может быть, не считала нужным редактировать, но в студенческих статьях этого сборника были явные ляпы. Например, говорилось об особой роли флексии, а приводились примеры с наречиями, у которых флексий нет. То есть просто путались понятия *финаль* и *флексия*. Но сборник вышел, и мы, конечно, послали его в Москву диалектологам.

Приезжаем с Лидией Ивановной на конференцию, а нас встречает правая рука Рубена Ивановича Варвара Георгиевна Орлова<sup>84</sup>. Она предупреждает нас, что на этой конференции состоится разбор сборника и что будет для нас много неприятного: сборник, вышедший в пятьдесят четвертом году, пропагандирует марровское учение. Оказывается, была у

Гриньковой работа (мы о ней ничего не знали) об особой роли окончаний слов. О флексиях ли она писала, или о финалях, я не знаю, но связывала как-то с марровским учением. Они к этому прицепились и назвали наш сборник пропагандой Гриньковской идеи.

Это был кошмар, причем кошмар в разных, так сказать, отношениях. Один кошмар был в том, что на нас вылился ушат псевдонаучной, негативной грязи, а второй – в том, что мы были настолько к этому не готовы, что у нас с собой не было даже сборника, чтобы как-то защищаться.

Больше всего нас поразило отношение людей. Мы знали, что нам противостоит Рубен Иванович. Но мы были в очень хороших отношениях и с Орловой, и с её мужем Иосифом Антоновичем Оссоветским<sup>85</sup>. На конференцию приехали из разных городов, и мы с ними со всеми тоже были в очень хороших отношениях. И вдруг все ринулись на нас, мы были как зачумленные, рядом с нами никто не хотел садиться. Единственным, кто не поддался эффекту толпы, оказался муж Орловой. Он всячески старался нам помочь.

Оссоветский был ещё совсем молодой. Орлова, будучи уже профессором, вышла замуж за своего студента. Он был моложе её, она некрасивая – он красавец. Но всю жизнь прожили вместе и кончили «земное пребывание» в доме престарелых. Детей у них не было. Они удочерили какую-то двадцатилетнюю, но что-то там было неудачно.

Так вот, он пытался нам помочь, принес этот сборник, чтоб мы хоть освежили в памяти, что там было. Главный упор критиков был на то, что мы не должны были допустить выхода сборника в 1954 году, раз он был написан до сталинского учения. А какое отношение он имел к сталинскому учению?

Второй человек, который нас поддержал, это тот самый Соля Адливанкин. Он философски отнесся к нашей ситуации и, поскольку в этот день получил диплом кандидата в ВАКе, сказал: «Идемте, отпразднуем мой диплом». Повел нас в

ресторан «Прага», и там мы пытались отпраздновать его диплом и немного прийти в себя.

Когда я вернулась в дом дяди, у которого обычно останавливалась в Москве, то с удивлением увидела, что ремешок от босоножек (а босоножки раньше были мне совершенно свободные) пальца на два врезался в тело – так отекли ноги. Это от нервного стресса. Легла на раскладушку и ощущаю, что все вокруг кружится. Я даже немножко испугалась, но никому ничего не сказала. В общем, все обошлось.

Дома, в Саратове, уже не Лидию Ивановну, а меня ждало новое испытание. В журнале «Вопросы языкознания», который начал выходить с 1953 года, появилась хроника этой конференции, где было написано, как нас громили и что мы признали свою вину. Мария Нестеровна Боброва, секретарь нашего партийного бюро, на партийном собрании требовала от меня отчета, почему я признала вину. Я говорю, что не признавала, они, наверно, так хотели нам помочь, а она верила только написанному.

Но уже тогда я считала себя, во-первых, взрослой, во-вторых, отвечающей за то, что делаю. В отличие от Светланы Александровны, которая и при первом разбирательстве насчет Сталина-идеалиста и при втором – насчет марровского учения, выступая на партийном собрании, занимала такую позицию: я ещё молодая, ничего не понимаю, но буду учиться. Я так не могла. Правда, между нами была та разница, что я уже защитила, а она то замуж выходила, то тяжело болела. Из аспирантуры ушла, диссертацию не закончила (Защищала она много позже, после годичной аспирантуры в МГУ. Там она попала к Николаю Семеновичу Поспелову,<sup>86</sup> и благополучно защитилась, но не по диалектологии, а по синтаксису Лермонтова. Потом много лет занималась Лермонтовым).

У меня всегда было это чувство, что я взрослая и отвечаю за себя, и не только за себя: за кафедру, за университет,

поскольку его член и представитель. Я всегда защищалась, сражалась, никогда не умаляя, не унижая себя. В общем-то разбирательство кончилось благополучно, потому что у нас на факультете был соответствующий коллектив.

И я, и Лидия Ивановна по мере сил продолжали заниматься диалектологией. Я думала тогда даже, что буду писать диалектологическую докторскую. Я готовила её, у меня была целая кипа цветных диаграмм по разным переходным типам яканья.

Есть разные типы яканья: ассимилятивное, диссимилятивное, умеренное. В нашей области были представлены разные типы, и меня очень интересовали три диалектологические проблемы. Первая и основная – насколько устойчивы эти типы яканья и что влияет на появление разных переходных случаев между ними. Мы с этим сталкивались в экспедиции, и я проводила своеобразные эксперименты. Например, работаем в том населенном пункте, где у стариков явное чистое диссимилятивное яканье, а у молодежи, у школьников оно уже не чистое. Меня интересует, есть ли механизм диссимиляции, так сказать, в мозгу молодежи.

В Алгайском районе, в котором на весь район три дерева (населенный пункт с этими деревьями назывался Ветёлки, один человек их посадил, и они выросли), я спрашиваю школьницу (она, по-моему, в восьмом или в девятом классе училась): «Ты знаешь, что такое клён?». Она отвечает: «Нет, не знаю» (хотя ботанику учила, конечно, в школе). Снова спрашиваю: «И никогда не видела?» – «Нет, конечно, не видела». – «Что деревья есть, ты знаешь?» – «Да, знаю». – «Представляешь себе дерево?» – «Представляю». – «Это дерево называется клён. На него села птица. На чем она сидит?» – «На ветке». – «Да, конечно, но ты мне скажи вот от *клён* – на чем она сидит?».

В программе диалектологических экспедиций у нас был вопросник, на который нужно обязательно дать ответы. Там



надо было, в частности, выяснить: *на клёне* или *на клену*, *у* или *е* в окончании. В данном случае меня интересует, как будет произнесен безударный гласный в корне. То, что ударный будет *у*, я нисколько не сомневаюсь. Она начала пробовать (как я говорю, «на язык» пробовать): «*На клян*у, *на клен*у. Нет, все-таки *на клян*у». Она в школе училась и поэтому якать не должна, слова *клён* не знает, не употребляет его, ведь деревьев вокруг нет, но произносит *на клян*у, то есть, делаю вывод, механизм диссимиляции работает и на незнакомое слово.

Я чертила диаграммы на пропорциональное соотношение: сколько элементов диссимиляции сохраняется на разные типы яканья у стариков и сколько у молодежи. Брала красный и зеленый цвета, и всё сразу наглядно было видно. Думала, это будет потом моей докторской диссертацией.

Меня интересовало и соотношение диалектной и общерусской национальных систем, в основном в фонетике. В «Известиях Саратовского университета» даже была опубликована моя маленькая статейка о проявлении общерусского системного фактора в разных диалектных системах, и я считала, что общерусская система проявляется в разных вариантах и в диалектных системах, общность русской системы сохраняется и там.

Третье, что меня тогда интересовало (в кандидатской диссертации этому было посвящено довольно много страниц): в диалектах есть особые конструкции с плеонастическим, то есть лишним местоимением. Я обратила внимание, что есть определенная закономерность в том, когда оно употребляется, а когда нет. Очень много смотрела по разным источникам, по другим языкам, читала Вандриеса<sup>87</sup> о французском языке, Андрейчина<sup>88</sup> о болгарском языке, где тоже отмечалась такая конструкция с вроде бы лишним, плеонастическим местоимением. Но они не обращали на него большого внимания, а я думала этим заняться.

Первая мысль о причине употребления такого местоимения была грамматическая, она была навязана мне, наверно, Вандриесом и Андрейчиным. Тогда казалось, что в формах, где есть подлежащее, а после него второе уже ненужное местоименное в третьем лице, предикат не глагольный, сказуемое выражено либо существительным, либо прилагательным, вроде *чай он полезный*. Я стала все эти формы специально выписывать и обнаружила, что уже в диалектах по моим записям это не проходит, потому что рядом, скажем, с *чай он полезный* идёт *кизы они долго горят, а солома она вспыхнет, и нет её*. Тогда я решила заняться этим более целенаправленно и стала читать и выписывать все такие формы на карточки.

Читать я продолжала очень много, у меня ведь с детства без специального обучения выработалась привычка к быстрочтению. Ещё тетушка Елена Николаевна, которая учительница, всё пыталась меня поймать и говорила, что я книги не читаю, а глотаю. Пыталась всё меня проверить, что я чего-то не уловила при таком чтении. Но я всё улавливала, и она всегда убеждалась, что я хоть и глотаю, но все усваиваю. Зрение у меня было, конечно, не такое, как сейчас. Я плохо видела, но вдаль, а не вблизи. Целой страницы я никогда не могла охватить взглядом, не могла так увидеть, потому что читала носом, но полстраницы я моментально ухватывала. Никогда в жизни не читала ни по предложениям, ни по словам, ни тем более по слогам. Это теперь в поле зрения моей лупы целое слово не вмещается, и я одно предложение вынуждена перечитывать по многу раз, чтоб наконец понять его смысл. Сейчас я очень медленно читаю.

Способность к быстрочтению была подкреплена во время войны, когда в университете в нашей научной библиотеке книг не было вообще, все отдали в свое время в Пединститут, в продаже тоже ничего не было. Ахилл Григорьевич Левинтон, который заставлял нас очень много читать и на семинарских

занятиях делать доклады, брал на себя в областной библиотеке, скажем, Робинзона Крузо или Гулливера (конечно не детские, сокращенные издания), «Историю Тома Джонса – найденыша», которого мало кто читал, и я в том числе (у нас дома его не было), и давал нам, но каждому книга доставалась только на одну ночь. Такие толстые книги я обрабатывала за одну ночь. То ли выработалось, то ли подкрепилось то, что я сова, у меня мозг лучше всего работает именно в ночное время и хуже всего с утра.

Помню, в каникулы я решила для души перечитать «Тихий Дон» Шолохова и ловила себя на том, что все время смотрю, сколько страниц я уже прочитала и сколько мне осталось. Сама себя останавливаю: мне же некуда торопиться, я могу спокойно читать, но я уже не в состоянии была справиться с этой привычкой. Пока не пришлось пользоваться лупой, уже во взрослом полном возрасте, и пожилом, и даже старческом, у меня был такой закон: начала книгу – должна её закончить за одни сутки, какая бы она ни была. Я никогда не растягивала чтение книги на несколько дней, могла читать до трех-четырёх часов ночи, до пяти, даже до шести утра, но в один присест всю книгу обязательно. Я и для удовольствия читала книгу за один присест.

Итак, читала я, конечно, очень много и выписывала все такие формы с плеонастическим местоимением. Набралось множество карточек. В девятнадцатом веке это были единичные формы, в первой половине двадцатого ещё тоже единичные, причем только в речи персонажей как показатель их низкой речевой культуры. Скажем, у Льва Толстого Каратаев говорит *Москва она всем городам мать*. И всё, больше ни одного случая. У Шолохова уже больше, но опять-таки у солдат, у того же Григория. А во второй половине двадцатого века я с удивлением нахожу сначала у персонажей, но уже в речи людей высокой культуры, а потом у Дмитрия

Сергеевича Лихачева: *доброта она всем нужна*. Не в устных выступлениях, а в опубликованной статье.

К этому времени я выработала такую концепцию: употребление этого местоимения связано с семантикой, которую человек хочет передать. Тот же Адливанкин написал мне в письме (в ответ на моё к нему с приветом от маленькой Тани): *дети они всегда правду чувствуют*. Иными словами, если нужно выразить постоянное свойство человека или предмета, постоянно присущее ему качество, то употребляется это местоимение. Если этого нет, если это качество или действие (не важно что) присуще ему только в данный момент, такое местоимение никогда употреблено не будет. У меня масса примеров, которые это подтверждают. *Дети они правду чувствуют* – большинство скажут именно так, но, если говорят *дети кричат под окном, ничего не слышно*, никто и никогда этого местоимения не употребит.

В шестьдесят девятом году я невольно провела такой эксперимент. У нас была конференция по разговорной речи, приехали Панов,<sup>89</sup> Земская,<sup>90</sup> Лаптева,<sup>91</sup> Ширяев,<sup>92</sup> много людей было. В один из вечеров я пригласила домой всю эту Пановско-Земскую группу из Института русского языка. Мы сидели за столом, и мне хотелось, конечно, их угостить, чем-то удивить. Я решила, во-первых, познакомить их с армудами. Предложила: «Будете пить чай из армудов или из чашек?». Они сказали: «Из чашек». Я дала чашечки, налила чай. А Галя Барина (была у них такая, потом уехала к мужу в Австрию, вместо неё стала работать Нина Николаевна Розанова<sup>93</sup>) попросила попробовать из армуда. Я ей налила в армуд. Она выпила из чашки, потом из армуда. Чай один и тот же, из одного чайника, а она говорит, что из армуда вкусней. Тогда все захотели попробовать и пришли к выводу, что из него вкусней. Я-то была в этом уверена, я давно это знаю. Даже не столько вкуснее, сколько приятнее пить благодаря его форме: чай не остывает, а губы не обжигает, очень удобно.

К сожалению, армудов у меня осталось очень мало: бьются. Это азербайджанский и иранский сосуд для чая, и сколько мне ни искали такие теперь уже в московских магазинах, нигде не нашли. Продавцы подсовывают турецкие, но они совершенно не то, они пиалки, только в подстаканниках.

И второе, чем я хотела их удивить. У моего дяди Николая была мечта, которую он почти осуществил. Он придумал вводить кислород в желудок, чтоб, скажем, язва зарубцовывалась и весь организм оздоравливался, это полезно не только для желудочных больных, но и сердечникам, и кому угодно. Его мечтой было поставить автоматы с кислородным коктейлем, вместо газированной воды, которая, кроме вреда, ничего не приносит. Он разработал этот коктейль на базе кваса. Ходил к министру торговли на Украине, убедил его, и в Киеве на Крещатике было поставлено два автомата, которые этот коктейль продавали. Единственным неудобством стало то, что надо брать обязательно два стакана, потому что себестоимость одного – две с половиной копейки. Я говорила, почему нельзя продавать по три копейки один стакан. Нет, нельзя. Вот такие бюрократические тонкости. Этот коктейль вошел в медицину, он даже носит имя дяди, правда, искаженное. Маргарита Анатольевна<sup>94</sup>, Мара Борисовна, Прозоров<sup>95</sup> постоянно отдыхали в санатории «Светлана» под Вольском, и там им предлагали кислородный коктейль Сиротина. Они-то знают, что это кислородный коктейль Сиротинина, говорили об этом, но так и осталось.

Дядя изобретал разные способы оздоровления организма. Одним из более ранних был на любой жидкости, на любом сиропе, но с добавлением яичного белка. Белок способствует пенообразованию, когда вводится кислород. Раньше были такие машинки из стеклянной колбочки, на ней крышка и ручка. Крутишь, а лопасти для взбивания крема вращаются. Он присоединял к ней шланг от кислородной подушки, туда шел

кислород и взбивалась масса в виде кислородного коктейля. Потом усовершенствовал и стал использовать пемзу: через эти камни пропускать кислород, и получалась пена. Это устройство с пемзой у меня было. Он для мамы его присылал.

Мне хотелось дать попробовать этот кислородный коктейль моим гостям, я и кислородную подушку припасла, и этот приборчик с пемзой и трубочкой. Но не получилось, техника подвела, хотя до этого делала много раз. И вот тут Елена Андреевна глубокомысленно сказала: «Техника она всегда подводит». Я только это услышала, моментально ухватила и спрашиваю: «Елена Андреевна, а почему вы так сказали?». И повторяю фразу. Она удивленно: «Я так сказала?» Шесть её сотрудников подтверждают: «Да, Елена Андреевна, Вы сказали именно так». Тогда она начинает, как та девочка с клёном, с этой *техникой* пробовать «на язык»: «*Техника всегда подводит*, нет, все-таки: *техника она всегда подводит*, никак иначе не скажешь».

Это ещё один штрих, который меня абсолютно убедил в том, что я права. Есть действительно лишнее местоимение, когда говорят *Пушкин он родился в тысяча семьсот девяносто девятом году*, но это не качественная конструкция. Такое местоимение – заполнитель паузы, когда человек думает над формулировкой. Это сорняк, а качественная конструкция входит в систему, передаёт подчеркнутую качественность. Статью об этом я предложила в сборник «Синтаксис и норма», в который меня пригласили. Её опубликовали. В «Лекциях по синтаксису» я уже об этом специально писала и назвала качественными конструкциями русского языка. Я не знаю, есть ли это в других языках, таких далеких выводов не делала, возможно, и там это работает. Качественная конструкция в современном русском языке получила «полное гражданство» и употребляется не только в устной речи, но и в письменной, не только при стилизации речи персонажа, но и в авторской речи, в газетных статьях – где угодно и сколько угодно. Учебник

выдержал уже четыре издания. Во всех работах по культуре речи я обязательно об этом говорю.

И вот стою я на распутье в науке, какой дорогой идти дальше. Впервые я многое видела в диалектной речи, потом убеждалась, что не только там. Скажем, на порядок слов впервые обратила внимание в диалектной речи. А может быть, ещё раньше, в годы войны.

Когда-то к нам в Саратов приезжал Константин Симонов, которого я очень любила и сейчас люблю как писателя, поэта, гражданина и человека. И вот творческий вечер, встреча с ним. Тогда он был в опале, подверглась разгрому его повесть «Дым отечества». Его командировали в Алма-Ату, корреспондентом «Литературной газеты», но фактически это была ссылка. Встреча состоялась в Доме политпросвещения, очень много народу, и ему задают вопрос: «Как Вы воспринимаете критику «Дыма отечества»? Времена были очень тяжелые, скажем прямо, гнетущие, но он сказал: «Я остаюсь при своем мнении, ничего там менять не собираюсь».

Он либо единственным, либо первым очень много писал правды о войне. Может быть, не всегда первым, но очень часто единственным. Он делал документальные фильмы о войне, которые сейчас почему-то не идут, показывал не генералов, а солдат, солдатский труд. Делал упор на том, что на войне главное не подвиг (о подвигах он совершенно не писал), а повседневный, изнуряющий труд, без которого победа абсолютно невозможна. Об артиллеристах, которые на себе тащили эти пушки по грязи, по болотам. У него был изумительный фильм «Если дорог тебе твой дом» (кстати, и стихотворение такое есть) об обороне Москвы. И сейчас спокойно о нём говорить не могу. Больше таких фильмов не было и нет. Сколько сейчас новых фильмов о войне, но такой силы – не знаю.

Москва пустая. Красная площадь пустая. И Симонов говорит: «Представьте себе, по этой Красной площади

маршируют немецкие колонны». Я не знаю, как это было снято: гробовая тишина, ни одного слова больше не говорится, а мимо Мавзолея по Красной площади идут колонны немцев. Страшно. Эти несколько секунд заставляют прочувствовать, как сражались за Москву и чего стоило её отстоять.

Симонов потому и умер, что всё бесследно не проходит. Сначала он был малоизвестным, уже и пьесы писал, и стихи хорошие, прославил подвиг нашей армии у Халхин-гола. Потом началась война, он стал корреспондентом и писал статьи, которые очень отличались от других. Они, во-первых, всегда были человеческими, никогда не были урапатриотичными, а во-вторых, он написал стихотворение «Жди меня, и я вернусь». У этого стихотворения был колоссальный успех. Мама выписывала толстые журналы и газеты, и всюду стали печататься его стихи. Муж сотрудницы моей тётки Любовь Николаевна, медико-биолог, лежал в больнице. У него было серьёзное заболевание и очень плохое настроение. А что хотите: и война, и он такой. Я переписала и дала ему читать (через тётку и его жену) стихи Симонова. Для него это было открытием, он Симонова совершенно не знал. Потом он говорил, что стихи его подняли с постели. Но их запретили, потому что Сталин сказал: «Пусть он их пишет своей жене, но причём здесь народ, это его интимная лирика, и ей вовсе не место на страницах печати». Симонова перестали публиковать и в те годы борьбы с космополитизмом заставили, обязали написать пьесу. Он её написал, назвал «Чужая тень» и потом говорил, что ему за неё стыдно и что он не хочет её больше переиздавать.

На самом деле пьеса была хорошая. Симонов и приезжал в Саратов для бесед с сотрудниками нашего института «Микроб», чтобы как-то войти в мир науки. Героями этой пьесы был семейный дуэт: Ключева и Роскин. Они вроде создали лекарство от рака, которое помогало, но было паллиативным. Скандал ситуации заключался в том, что эти



учёные каким-то образом передали средство приехавшему к ним в институт иностранному специалисту, и это на весь мир прогремело. Наши осудили: как это они посмели отдать средство. В этом и заключалась борьба с космополитизмом. Я считаю, что напрасно Симонову за пьесу стыдно, потому что он совершенно по-другому подошел к этой проблеме.

Фабула в его пьесе та же: люди что-то изобрели, какое-то средство от чего-то и передали за рубеж. Но на самом деле, и в медицине в том числе, никогда ничего не делается одним человеком, это всегда коллективный труд. И публикации у них коллективные, и даже такой закон, что в любую работу включается фамилия заведующего кафедрой. Кафедры у них очень маленькие, в отличие от нас, и на кафедре все занимаются одной темой, у них нельзя заниматься чем-то самому, это исключено. Совершенно другие условия работы.

Когда-то брат спрашивал меня: я защитила, теперь буду заведовать кафедрой? В его понимании только тогда я стану самостоятельной. Я отвечаю, что и так занимаюсь, чем захочу. У них заведующий отвечает за всю работу своих кафедралов. Но Симонов переворачивает проблему на человеческий уровень. На кафедре, где работает этот семейный дуэт, как и положено, есть препарат, который готовит к экспериментам. И в пьесе он говорит: «А вы меня спросили, я ведь тоже в этой работе участвовал?» То есть проблема не в том, что на Западе там все проклятые, и ничего нельзя отдавать – железный занавес, а в человеческом подходе к проблеме. У Симонова всегда и во всём был человеческий подход, за что я его очень уважаю. У него, конечно, есть, что называется, грехи за душой. Когда он редактировал «Литературную газету» и «Новый мир», очень много делал хорошего, за что попадал в опалу, но, когда был наверху, в Союзе писателей, вынужден был участвовать и в травле Зощенко, и в травле Ахматовой.

Я заговорила о Симонове потому, что впервые обратила внимание на порядок слов в то время, когда сначала прочитала

его пьесу военных лет и о войне «Русские люди», а потом увидела её на сцене. Читать пьесу оказалось трудно – такой необычный порядок слов, если разговаривают персонажи. А когда шел спектакль (уже уехал мой любимый Степанов, не он играл), я поняла, что всё звучит-то естественно, и подумала, что, наверно, не случайно Симонов так и написал с таким порядком слов.

На ту же странность в расположении слов я обратила внимание в диалектной речи, когда стала ездить в экспедиции. Люди говорят, располагая слова не так, как в письменной речи, не так, как положено и привычно мне. Потом я обнаружила, что, когда готовлюсь к лекциям и стараюсь написать план-конспект, всегда пишу, конечно, *т.к.*, а говорю *потому что*, и слова-то у меня по-другому располагаются, когда говорю лекцию, не так, как у меня было написано.

В Саратове проходила очередная Поволжская научная конференция, и я решила, что поскольку про яканье очень трудно докладывать, я же не могу точно воспроизвести всё, и на слух это трудно воспринимается, поэтому сделать доклад по порядку слов в диалектной речи. На том уровне осознания материала ещё уверенная, что это будет разговор именно о диалектной речи. Но в моей памяти уже были и «Русские люди», и мои собственные лекции. И я думала, что надо все-таки посмотреть, есть ли что-то общее между порядком слов в диалектной речи и в литературной, но устной, разговорной. Я начала записывать разговорную речь и наблюдать, как говорят персонажи: так же, как автор, или иначе. Наконец я убедилась в том, что не столько важно то, что это литературная или нелитературная речь, сколько то, устная она или письменная. В то время о порядке слов ничего не было, или очень мало было. А если и писали, Петерсон<sup>96</sup>, скажем, или Пешковский<sup>97</sup>, то утверждали, что в русском языке порядок слов абсолютно свободный. Пешковский даже написал, что во фразе из четырех слов по законам математической свободной

перестановки может быть сто двадцать вариантов. Петерсон высчитывал процент одного, другого порядка слов и говорил, что никаких законов нет. Но я обратила внимание на то, что он считал всё вместе: прозу, поэзию, авторскую речь, речь персонажей. Поэтому у него так и получалось. Больше всего было об этом в учебнике по синтаксису Гвоздева<sup>98</sup>.

Стала на этой конференции свой доклад о порядке слов читать и ужасно дрожала, потому что председателем на секции был как раз Александр Николаевич Гвоздев. Я очень уважала и ценила его как ученого, но в этом докладе с ним спорила. Я говорю, что Александр Николаевич пишет, что прямое дополнение всегда после глагола, а на самом деле это так в письменной речи, а в устной всё совершенно по-другому: оно, как правило, предшествует глаголу. И привожу примеры.

Сделала доклад, и Гвоздев меня спрашивает: «А нельзя все-таки как-нибудь сделать, чтобы я был прав, а не вы?». Отвечаю: «Нет, никак нельзя». Тогда он спросил: «А интересно, как у меня в дневнике?» (Гвоздев вел дневник за сыном, когда тот осваивал речь, дневник уже был опубликован.) Говорю: «Не знаю, не читала». Этот дневник я просто не смотрела, мне в голову не пришло. Он: «А интересно, посмотрите». Я потом-то посмотрела и увидела там, что он то же самое зафиксировал, что и я, но не обратил на это никакого внимания, прошло мимо его сознания. Лидии Ивановне Гвоздев потом сказал, что в секции делала доклад такая-то о том-то, и из этого вышла бы хорошая докторская. Когда это услышала, всё во мне перевернулось, и я начала всерьез заниматься порядком слов. Я не знала, действительно ли получится или нет, но я бросила все свои не могу сказать диалектологические, но фонетические проблемы и занялась порядком слов, только этим.

Дело в том, что ещё раньше, без всяких больших замыслов, просто у себя в семинаре давала такие, например, темы: как ведут себя разные части речи, типы предложений:

простые, сложные, сложносочиненные, сложноподчиненные разных типов, придаточные в разных стилях (тогда ещё не было такого понятия, как сфера общения, и не было даже в ходу понятия функциональный стиль, и работы Пражского кружка нам были ещё неизвестны, но лингвистическая интуиция подсказала). Из этого выросли курсовые, дипломные работы, потом диссертации. То есть я столкнулась с тем, что одно и то же по-разному работает. Это были пятидесятые годы, и я предложила не только студентам, но и всем преподавателям этим заняться.

В шестидесятом году в Черновцах была организована всесоюзная, а может даже международная конференция, посвященная статистическим методам изучения языка. Я послала туда заявку, поскольку мы начали сами считать свой языковой материал. У нас был студент Виктор Гура<sup>99</sup>, литературовед (позже очень известный доктор наук, после окончания нашего университета работал в Вологде, его жена, тоже наша выпускница, зарубежница). Он занимался Шолоховым, а в Вологде тогда работал Борис Николаевич Головин.<sup>100</sup> В одном из писем этот наш уже бывший студент прислал мне статьи Головина, который очень увлекался статистическими методами. Он заочно познакомил меня с Головиным, отрекомендовав незаурядным лингвистом. Потом Головин переехал в Горький, но Горький ведь тоже Поволжье: у нас проводились поволжские конференции, где знакомство продолжилось. Я была председателем лингвистической секции регионального научно-методического совета, эРСФСРовского, и рядовым членом союзного научно-методического совета. Он тоже был членом этих советов, и мы с ним поэтому стали очень много встречаться, уже и семьями были знакомы, и дружили. Я приезжала в Горький и к нему обязательно приходила, и он к нам приходил, когда приезжал в Саратов.

Я на этой конференции делала доклад о статистических различиях в употреблении языковых фактов. Головин туда не

приезжал, но его сотрудники приезжали и ещё больше рассказали ему обо мне, а мне о нём. Этот доклад был опубликован в академическом издательстве «Наукова Думка» на Украине. В Киеве работала Перебейнос, которая тоже очень много занималась статистическими различиями, и мы с ней потом не теряли связи. У Перебейнос была теория, что существует нейтральный стиль, наряду, например, с научным, деловым и так далее. Я всегда была противником этого и доказывала, что никакого нейтрального стиля нет и быть не может. Мы стояли на разных позициях, но благодаря моей толерантности много и хорошо общались.

Я была всю жизнь и сейчас нахожусь (с теми, конечно, кто жив) не просто в хороших, а даже в дружеских отношениях, даже с теми, с кем мы занимали разные, противоположные позиции: и с Ольгой Алексеевной Лаптевой, и с Ольгой Алексеевной Крыловой, и с Еленой Андреевной Земской, и с тем же Михаилом Викторовичем Пановым, и с Евгением Николаевичем Ширяевым, и с Леонидом Петровичем Крысиным.<sup>101</sup> Перечислять можно очень долго, но главное, что и они признают мое право на свою точку зрения, и я признаю их право на их точку зрения. Это не значит, ни что они со мной соглашаются, ни что я с ними соглашаюсь. У меня это было заложено ленинградскими профессорами и продолжается всю жизнь.

Так я постепенно стала выходить уже не только на российскую, но и на всесоюзную арену. Я начала организовывать свою группу внутри ещё единой кафедры (когда Александр Митрофанович был заведующим) по изучению функциональных стилей с применением статистических методов. Когда занялась порядком слов, тогда уже понимала, что он может быть разный в разных стилях. Начала им заниматься в диалектной речи, от диалектной речи вынужденно перешла к разговорной (она тоже устная), от неё – к художественной литературе, вообще к художественному

стилю, а в противоположность этому занялась порядком слов в научном стиле. В результате в моей докторской диссертации было проведено строгое распределение (от диалектной речи в ней я уже просто отказалась, потому что это оказывалось необъятное море): разговорная речь в центре, ей противостояла стилизованная разговорная речь, ей противостояла художественная авторская речь, дальше была научная речь, которой я занималась по лингвистическим, медицинским и каким-то ещё (уже забыла, кажется, историческим) монографиям. Мы начали записывать лекции, и я их тоже брала.

В это время стали активно внедряться в бытовую жизнь магнитофоны, и мы всё записывали на магнитофон. Я, и студенты, и аспиранты, и преподаватели начали делать расшифровки магнитофонных записей разговорной речи. В это же время формировалась наша лаборатория экспериментальной лингвистики, толчком к этому послужило два обстоятельства. Первое: я поняла, что заниматься порядком слов в разговорной и вообще в устной речи, не учитывая интонацию, невозможно. Уже появились исследования интонации в Москве, в Ленинграде, и даже был создан прибор, который нами так и не был приобретён, – интонограф. Этот прибор анализировал интонацию автоматически. А у наших физиков существовали осциллографы разных типов: катодные, шлейфовые.

Второе. У Галины Георгиевны был очень близкий приятель, которого я тоже знала с детских лет. Он вырос в семье, в которой мать умерла при родах, сестра матери вышла замуж за вдовца. Этот приятель, Лева Штромбергер<sup>102</sup>, воспитывался ею, но мамой не звал. В тридцать седьмом году отец был расстрелян, так как был немцем, и эта женщина стала Лёве самым родным человеком. Звали её Мария Петровна Гнутенко. Мария Петровна работала вместе с моей тетей Галиной Николаевной, и поэтому они были знакомы. Лёва

вообще-то учился в той же школе, что и я, но намного классов старше, вместе с Ксенией Ефимовной Павловской, и по школе я его совершенно не знала. Немножко знала по балетному, вернее, танцевальному кружку. Меня ведь пытались учить не только музыке, но ещё отдали в этот кружок при Доме ученых. Нас учили танцам и каким-то элементам балета. Вела кружок балерина нашего театра примадонна Урусова. Там было три группы: младшая, в которой занималась я, средняя и старшая, в старшей был вот этот Лёва Штромбергер. Для меня эти занятия были ножом острым: больное сердце, и я ничего не могла сделать, а меня заставляли по многу раз прыгать: ноги так, ноги так, прыгать, прыгать и прыгать. Урусова надо мной стояла и говорила: «Прыгай, прыгай, ещё раз, ещё раз». А я задыхалась, у меня уже сердце не знай как колотилось. Если бы я дома сказала, что не могу, наверно, меня бы оттуда забрали, но я же не говорила. Дома вообще все мои «не могу» воспринимались как лень. Я была вымуштрована, что надо всё преодолевать. На заключительном выступлении мы танцевали вальс Шопена в покрашенных в розовый цвет туниках из марли, а потом смотрели, как старшие танцуют мазурку.

Во время войны Лёва тоже учился в университете, но опять-таки намного старше меня. Когда я кончила университет, он уже там работал. Есть такие не только эксклюзивные, но даже совершенно неожиданные факты: отец у него был расстрелян, поэтому он должен быть ограничен во всяких правах, притом он был немец. В начале финской войны (а он был лыжник) шла мобилизация всех лыжников на финскую войну, но добровольцев. Ему тоже предложили, Лёве идти на войну не хотелось, и он сказал: «А то, что у меня пневмоторокс, туберкулез?» – «Это ничего». – «А то, что отец у меня расстрелян?» – «Тогда нет, нет, всё, о вас речи нет». И он продолжил учиться, закончил университет и остался в нём. На курсе ниже меня училась тоже немка с фамилией Гра, её родители были расстреляны. Она кончила университет, но

была настолько зла на Советский Союз, что, когда после войны немцам можно было уехать, при первой же возможности уехала в Германию. Мы с ней встречались в Москве, и я её спрашивала, вышла ли она замуж. Она говорила, что за немца не выйдет никогда в жизни. Кляла себя за то, что уехала, специально нашла такую работу, чтоб жить в России, она была кем-то вроде торгпреда. Бывают такие совершенно непонятные вещи, когда и учиться не должна была, и кончить не должны были дать, а вот училась и пятерки получала.

Когда во время войны всех немцев начали высылать, то выслали вместе с семьей и мою школьную подругу Эмму Крайзлях. Она была типичная немка, пухленькая блондиночка, умная, хорошая. Её отец работал в НКВД, а мать – зав. паспортным столом в милиции. Мать была русская, отец – немец, но в паспорте у него было написано, что он русский, а у Эммы – немка. Тогда можно было брать любую фамилию, имя, отчество, национальность. Сначала их выслали на ту же работу в какой-то другой город, потом сняли и с этой работы. Эмма все-таки поступила в вуз (в этот город был эвакуирован Историко-архивный институт) и окончила его. Мы с ней переписывались. Был ещё один немец, которого тоже выслали и с которым я переписывалась, Шнейдер – начальник моей тети Любови Николаевны. Они работали на СЭС железной дороги. Шнейдер был членом партии и никак не мог понять, почему его высылают. Он, я помню, пришел тогда к нам и недоумевал: почему? Явно был советским человеком. И Эмму, и Шнейдера я старалась поддерживать письмами, чтобы они не считали себя изгоями. А вот близкая подруга Эммы (я с Эммой познакомилась только в десятом классе), была такая Крейдлина, моментально перестала с ней общаться. Эмма вместе с Институтом потом вернулась в Москву, и ещё сколько-то лет мы переписывались, но потом эта переписка заглохла. Может быть, в Москве у неё возникли какие-то



трудности, началась борьба с космополитами, и это её коснулось, дальнейшей её судьбы я не знаю.

Шнейдер вернулся, приходил к нам после войны, но в Саратове не остался. Лёву, когда началась война, тоже должны были выслать, но такие странности – не выслали. А получилось так. Его, выросшего в русской семье, посадили в машину и повезли. Вслед за машиной бежала его возлюбленная (они, правда, так и не поженились, но эту любовь через всю жизнь пронесли и семьями дружили – всякое на свете бывает) и кричала: «А он православный, его крестили, он православный!». Удивительно, но это сыграло роль: машина остановилась. Кому рассказать – не поверят, как такое может быть в атеистическом Советском Союзе. Его оставили, и он доучился. Он сам был потрясён этим, и его мать, Марья Петровна, была потрясена, она в это время работала в университете, заведовала кафедрой, была профессором, но на это не обратили внимания. А то, что он православный, сыграло роль.

У нас на факультете работала немка, муж её был русским, и их не выслали. Получается, тех, кто был замужем за русским, оставляли, а если жена была замужем за немцем, то её выслали вместе с мужем. Не выслали Маргариту Юрьевну, которой было больше семидесяти лет и которая сменила мою Нору Ивановну в домашнем детском саду. Значит, по возрасту старше семидесяти лет тоже не выслали. Масса таких моментов, в которые, если не быть им свидетелем или не знать из первых рук, трудно поверить.

Лёва Штромбергер поговорил со Стальмаховым<sup>103</sup>, который был проректором по научной работе, о помощи нам, филологам. Со Стальмаховым я тоже была знакома как зам. декана по научной работе. Стальмахов меня ценил, я его тоже очень ценила, другого такого проректора по научной работе не было. Он был прекрасным проректором и много сделал для университета. Его мать учила меня физике в школе, я узнала

об этом случайно, как-то выяснилось в разговоре с ним. У неё фамилия Буцишко, Евгения Эрнестовна. Кто она по национальности – представления не имею. И вот благодаря этим двум людям, Лёве и Стальмахову, который специально организовал встречу с ректором Лебедевым<sup>104</sup>, была оказана нам, филологам, помощь. Сначала мы проводили исследования на шлейфовом осциллографе, там, где работал Лёва, в вакуумной лаборатории (зав. кафедрой – Альтшуллер<sup>105</sup>-сын, он занимался вакуумными процессами). Стальмахов нас всячески опекал, потом нам даже выделили и оборудовали лабораторию (из бывшего туалета на втором этаже третьего корпуса). Так у нас появилась даже собственная лаборатория при кафедре радиофизики Герштейна<sup>106</sup>.

На осциллографе мы с Галиной Георгиевной записывали фразы, разработанные специально для нас. В это время я занималась порядком слов, и у меня была фраза *Он купил торт*. Человек её должен был наговаривать, а потом аудиторы слушали, и осциллограф выдавал запись. Фраза подобрана так, чтобы на стыках слов были смычные согласные, чтобы эти слова на осциллограмме разграничивать. Самое интересное, что нам помогал зав. кафедрой астрономии доцент Вьюшков<sup>107</sup>. Именно он подсказал некоторые вещи, не Герштейн, как ни странно, а он. Мы с ним работали просто по соседству, поэтому встречались, общались, он интересовался нашей работой, заходил к нам. Мы обратили внимание на то, что когда говорит мужчина (иногда физики-добровольцы приходили к нам и наговаривали), то всё чисто, всё хорошо, отчетливо видны все кривые. А когда женщины, то столько помех, что рисунок осциллограммы фактически за ними исчезает. Мы никак не могли понять, в чем дело. А астроном догадался. Он сказал, что, наверное, это потому, что на женщинах надето много синтетики, статическое электричество работает, а на мужчинах синтетики меньше. И тогда мы стали проверять, кто в чем одет, и требовать, чтоб на них была только

либо шерстяная, либо хлопчатобумажная, но ни в коем случае не синтетическая одежда. И это сработало, оказалось, что он был прав. Мы предпочитали работать с мужскими осциллограммами, поскольку всё более отчетливо видно, сосчитать легче. Потом дали комнату под лабораторию в 6 корпусе.

В РСФСР было открыто по приказу министерства 5 филологических лабораторий, из них две (лингвистическая и фольклорная) в СГУ. Потом оборудование устарело, а на новое не было денег, и лингвистическую лабораторию закрыли (это когда филфак с Радищева переехал на Университетскую).

Были и забавные вещи. Галину Георгиевну интересовало, и это потом вошло в её докторскую, есть ли разница в интонации, именно в произношении, во фразе *гречневая каша с молоком*. На одном рисунке мы рисовали тарелку с гречневой кашей и рядом стакан с молоком, а на другом рисунке – тарелка с гречневой кашей, и молоко налито в гречневую кашу. Надо было сказать: *я люблю гречневую кашу с молоком* по каждому рисунку, будет ли разница, если *с молоком* определение *гречневой каши*: *какая? гречневая каша с молоком*, или это дополнение, объект: *гречневая каша и молоко*. Аудиторы слушают и определяют, какому рисунку соответствует какое произношение. И ведь различается. Это была очень интересная работа.

У нас ещё до моей защиты была общая тема по изучению функциональных стилей. Исследование шло во многом до начала работы над докторской, пока я ещё не уходила в старшие научные сотрудники. (Ушла осенью шестьдесят второго и вернулась осенью шестьдесят четвертого года.)

В шестьдесят седьмом году была годовщина – пятидесятилетие Октябрьской революции, и к этой дате шла очень массивная подготовка, в том числе и научная. В Институте русского языка огромный коллектив работал над темой, которая называлась «Русский язык и советское

общество». Бралась годы советской власти и исследовалась система русского языка за это время. Выяснилось, что очень поменялась, конечно, фонетика. Я хорошо помню, что в моем детстве в официальной речи, в окружающей меня литературной речи, было абсолютно невозможно произношение типа *пятно*, потом то ли под влиянием орфографии, то ли под влиянием других причин, но такое произношение широко распространилось; было совершенно невозможно говорить *шаги, шары*, только *шыги, шыры*. Сейчас можем только услышать, как Обухова поёт: *Пограничник шыги услышал, шыги*. Всегда говорили *верховный совет, церковь* только с мягким, *церковь* не говорили. Много чего ещё произошло, и не только в фонетике. Вышла у них уже потом четырехтомная монография «Русский язык и советское общество»: по фонетике, по лексике, по морфологии, по синтаксису. Всё туда войти, конечно, не могло, поэтому они делали отдельные выпуски, вне этой монографии, например, «Развитие фонетики», куда позвали и меня. В выпуск «Синтаксис и норма» я дала свои качественные конструкции с местоимением.

В один прекрасный день мы получили предложение от Татьяны Григорьевны Винокур<sup>108</sup> сделать работу по одному из стилей – публицистическому – для «Развития функциональных стилей русского языка», поскольку стали известны наши коллективные работы по стилям. До этого мы делали научный стиль к этой же годовщине: начиная с девятисотого года, брали хронологические пласты: девятисотые, двадцатые, сороковые, конец пятидесятых, начало шестидесятых. Выясняли, что было перед революцией и после. Распределили, кто чем будет заниматься, и считали. У нас получились довольно интересные результаты в отношении научного стиля: брали медико-биологический, лингвистический циклы, что-то не то физики, не то математики и историки, обратили внимание на то, что в

девятисотых годах очень широко употреблялось метафорическое обозначение: *растительное царство, животное царство*, а не *животный мир, растительный мир*, именно *царство*. Много было субъективной лексики.

Вот пример не из девятисотых годов, но он мне очень нравится, я всегда привожу его студентам: человек обнаружил неизвестную бактерию в рапе, то есть в солёной жиже не то в озере Эльтоне, не то в озере Баскунчак, они оба солёные, и в каком из них не помню. Он описывает эту бактерию так, чтоб её могли искать другие ученые в других солёных озерах: цвет, размер, свойства, и, в частности, употребляет выражение *эта бактерия прелестного голубого цвета*. Всегда студентов спрашиваю (как правило, в аудитории находится несколько оттенков голубого цвета, многие же его любят): какой же из них прелестный? Я голубой цвет не люблю никакой. И делаю вывод, что эта характеристика цвета настолько субъективна, что ничего не даёт для науки. Для неё важно, чтобы было однозначно воспринято, как иначе отождествить, та эта бактерия или нет?

Когда я говорю о научном стиле теперь, привожу противоположный пример: наши космонавты летали на станциях Салют и Мир (может быть, и когда сейчас летают на МКС, не знаю), и для них был специально разработан атлас цветов, в нем – две с половиной тысячи разных оттенков цвета, и каждый имеет свой номер. Когда они летали над Землей и говорили, что какой-то участок земной поверхности имеет такой-то цвет, обозначали номер этого оттенка, потому что сказать просто *красный бордо* – недостаточно точно. А в моем примере – *прелестного голубого цвета*, даже не бледно-голубого, насыщенно-голубого или со стальным оттенком, а просто прелестного. Так мы видели изменения, воочию наблюдая, как менялся стиль, как он становился все более далёким от ненаучного. Нам же москвичи предложили публицистический стиль, и мы занялись им, работали

несколько лет, взяв, начиная с девятисотых годов, публицистику не газетную, а журнальную, что оговорили.

Чтобы не растворяться во всех возможных жанрах публицистики, анализировали два жанра: международный обзор, нечто очень определенное и существующее на протяжении многих лет (сейчас его фактически нет, в каких-то журналах, может, и есть, из газет практически исчез), и жанр, который мы называли раздумье о молодежи. Проследили за этими жанрами по хронологическим пластам, начиная с девятисотых годов и кончая шестидесятыми.

Мы приезжали в Институт русского языка АН СССР, делали отчеты, они что-то от нас требовали, что-то критиковали, что-то одобряли, и мы продолжали работать. В результате у нас вышло две (фактически три) больших коллективных публикации: в «Развитии стилей русского языка» в Москве о публицистическом стиле, но только с точки зрения стилистического своеобразия разных периодов, а другая – у нас, в наших «Вопросах стилистики», в третьем, по моему, выпуске этого сборника, где опубликована одна большая коллективная статья о научном стиле, другая – о публицистическом уже с точки зрения системных изменений самого языка. Это был коллективный труд, в котором участвовали не только члены нашей теперешней кафедры, но и члены той кафедры, которая образовалась при делении общей в 1973 году.

Я уже кончила докторскую диссертацию, и передо мной снова встал вопрос: чем заниматься дальше. Я снова видела перед собой три пути. Первый – продолжать углублять порядок слов, а там ещё непочатый край работы и сейчас, конечно. Особенно меня интересовало то, что, к сожалению, из языка, видимо, уже ушло, а тогда, в шестидесятые годы, ещё было живо, но не очень оформлено. Это выражение порядком слов особой семантико-грамматической категории, которую я назвала *помимоволие*: что-то совершается помимо воли

человека, неосознаваемое им или осознаваемое, но как нечто неизбежное, от него не зависящее. В таком случае вспомогательный глагол *быть* ставился после слова, выражающего какое-то действие, или состояние, или что-то ещё. В середине XX века была жесткая закономерность: *можно было* или *можно будет*, а *было можно* и *будет можно* – такого порядка слов просто не было. Я выписывала эти формы из всего, что читала, записывала всё, что когда-нибудь попадалось. У меня была коробка с картонными карточками, на которых я ставила уже только палочки, сколько раз встретилось с постпозицией, а сколько – с препозицией глагола *быть*. Не было случаев с препозицией этого глагола, а только: *можно было*, *можно будет*, *должен был*, *должен будет*, *нельзя было*, *нельзя будет* и так далее. В монографии по порядку слов у меня приведена даже такая табличка с перечнем слов и соотношением постпозиции и препозиции глагола *быть* для выражения времени. Начиналось с таких примеров, где сто процентов постпозиция, а кончалось такими, где сто процентов препозиция.

Меня очень интересовало, почему различаются *жаль* и *жалко*. Казалось бы, это одно и то же, но они по-разному себя ведут (в сочетании с глаголом *быть*). *Уверен* и *убежден* уже не так ярко, конечно, но все-таки тоже по-разному себя ведут. *Уверен* оказывается более осознанно, хотя, казалось бы, вроде должно быть наоборот. *Уверен был* употребляется гораздо реже, чем *убежден был*, а *был уверен* чаще, чем *был убежден*.

Я вывела такую закономерность, хотя в то время она не была до конца оформлена, работала только на полюсах, а в промежутке какие-то семантические оттенки все-таки людьми ощущались, но, может быть, люди не обращали на это внимания или был более свободный порядок слов. Я думала, может, этой категорией заняться более плотно. Хотя сейчас эти ростки разграничения полностью заглохли, засохли и, видимо,

уже не оживут. И сейчас и *было можно*, и *было нельзя* люди совершенно спокойно употребляют.

Второй путь – более плотно заняться функциональными стилями, хотя мы не бросали их никогда. Третий – это разговорная речь. Тогда во всем мире только начали проявлять интерес к разговорной речи. В Японии это выразилось в понятии *языковое существование*. Проводился такой эксперимент: людям, добровольцам естественно, даже за какую-то плату, к телу прикрепляли микрофон и писали всю его речь круглосуточно. В этой стране очень сложная категория вежливости, и таким образом старались выявлять уровень проявления этой категории и далее – приучать людей к точному выполнению всех её грамматических нюансов. Там разными аффиксами определяется вежливое поведение. Вы разграничиваете не только, кто и кому говорит, но даже вещь, принадлежащую человеку, – всё это выражается разными аффиксами. Очень сложно. В это время уже было телевидение, и на телевидении в прайм-тайм обязательно ежедневно давали пятиминутку, что правильно и что неправильно употреблять. К выполнению этой категории вежливости предъявлялись очень жесткие требования вплоть до того, что могли уволить лифтера за то, что он недостаточно вежливо разговаривал с теми, кто поднимался или спускался в лифте. Ответственность каждого человека за выполнение этой категории была очень большой. Наталья Ивановна Формановская<sup>109</sup> в одной из своих книг по этикету пишет о том, что ей рассказал один наш специалист, прекрасно владеющий японским языком и всеми грамматическими формами вежливости. Однажды он в Японии попал в очень неудобное положение, когда ехал в общественном транспорте и ему надо было выходить на следующей остановке. Впереди стоящего человека со всеми формулами вежливости он спросил: «Вы на следующей остановке выходите?». Для нас это совершенно нормально. Но здесь разразился скандал: «Какое право вы имеете меня об



этом спрашивать? Какое вам дело до того, выхожу я или нет?». Получилось, что вопрос нашего соотечественника – это нарушение в Японии всех норм. Вы можете попросить пропустить вас, сказать, что вам нужно выходить. Человек тогда может ответить, что и он тоже выходит. Но интересоваться тем, выходит ли человек или нет, – нарушение норм вежливости. Вот такой культурный шок от незнания правил речевого поведения чужой культуры.

Во Франции не круглосуточно, но весь день, в транспорте ли человек, дома ли, на работе ли, записывалась речь. Там нет такой жуткой категории вежливости, хотя она немножко отличается от нашей, но сдаёт свои позиции, как и наша несостоявшаяся семантическая категория *помимоволия*. Об этом мне рассказывал прекрасный специалист по романским языкам Владимир Григорьевич Гак<sup>110</sup>. Когда он был во Франции, то по всем правилам старой вежливости спрашивал о чём-то, употребляя форму второго лица. А там обращаться к человеку во втором лице было нельзя, надо только в третьем: *не хочет ли такой-то того-то и не может ли такой-то ответить* (это отражено, между прочим, в произведениях Жюль Верна, я читала, слуга так обращался к своему господину). Коллеги-лингвисты сказали Гаку, что он говорит на языке XIX века, сейчас такие нормы уже не соблюдаются. В языке всё текуче, он очень изменяется.

Тогда во всем мире постепенно начали осознавать, что разговорная речь и написанная речь, даже если это те же бытовые письма, – это нечто совершенно другое. Работа по изучению разговорной речи во Франции проводилась для того, чтобы создать словарь-минимум для преподавания французского языка: какие слова необходимо знать. Выяснилось, что трех тысяч слов для разговорной речи вполне достаточно, чтобы говорить на любую тему. Родилась методика ускоренного обучения иностранному языку путем своеобразного вживания в разные ситуации. Я, когда была

аспиранткой, учила французский язык, так сказать, нормальными способами. В эти же годы у нас был поклонник нового метода, Владимир Александрович Слободчиков<sup>111</sup>, и он факультативно, желающим, давал уроки французского языка по новому методу. Я, конечно, на них ходила. Всё начиналось с того, что мы просто говорили, ничего не читали, ничего не писали, никакие слова не учили. Сначала реальная ситуация, потом выдуманная ситуация, и на продвинутых стадиях обучения (за месяц это всё мы должны были освоить) весь урок, минут сорок, мы рассказывали в лицах реальную или выдуманную историю. Параллельно, незаметно овладевали и грамматикой. Я-то уже знала в какой-то мере французский язык, некоторые наши тоже либо в школе, либо в аспирантуре его учили, но одна девушка с истфака французского вообще не знала, она знала немецкий, английский, но нисколько к концу месяца от нас не отличалась. Она так же свободно могла говорить, как мы. То есть эта работа проводилась во Франции в преподавательско-методических целях. Получается, что цели в Японии и во Франции были разные.

А параллельно шёл ещё один процесс. В это время начиналась активная работа по внедрению автоматических технологий (ещё не было распространено слово *компьютер*) по анализу текста, созданию автоматических переводчиков. Была мечта снабдить каждого человека портативным устройством (в будущем вроде мобильного телефона) – автоматическим переводчиком, который выручал бы вас в любой стране. Начались опыты с автоматическим анализом текста для машины и машиной, они шли и у нас, и во всех других развитых странах, но впереди тут были, конечно, Соединенные Штаты Америки. Очень быстро выяснилось, что наши представления о языке основаны на его письменной разновидности и абсолютно не подходят для устной речи. В том же английском орфография так далека от звучащей речи, что это каждому понятно. У нас отличия не настолько ясны. Но

мы обычно обращаем внимание на то, что говорим *a*, а пишем *o*. Оказалось, что сама система склонений, вернее, флексий при склонении, флексий при спряжении глаголов, на письме абсолютно не совпадает с устной речью. Мы же безударные *e* и *и* не различаем, а у нас очень много таких флексий. Появился целый ряд работ, связанных с автоматическим анализом, говорящих об отличиях устной и письменной речи. Я к этому уже была готова, а авторы работ столкнулись с этим, когда начали делать автоматический перевод прежде всего научных текстов. Они обратили внимание на то, что в 97 случаях из 100 перевод без изменения порядка слов с английского на русский или с русского на английский не требует никакого редактирования, хотя считается, что в английском порядок слов очень строго фиксированный, а у нас свободный. В те 60-е годы я много раз давала студентам темы сравнить порядок слов по каким-то членам предложения или вообще перевода с английского на русский и с русского на английский. Мы брали и современные, и классические произведения, и всегда получалось, что разница не в порядке слов, а там, где английский язык требует особых конструкций, а у нас это выражается порядком слов. Во всех остальных случаях, в 95-97 процентах, – полное совпадение, в том числе и в передаче речи персонажа.

У меня было несколько работ, выполненных совместно с одной преподавательницей из Пединститута (она потом уехала из Саратова), на сравнение речи персонажей из английского, русского и французского языков. Получилось, что для устного общения типичен один и тот же порядок слов. И тут я вспомнила, что, когда до войны и ещё, конечно, до поступления в вуз, ехала с папой на пароходе, с нами оказались несколько групп иностранцев, они тоже путешествовали по Волге: поляки, американцы и одна англичанка, которая была со своей переводчицей. Однажды я сидела в каюте, а на скамеечке перед моим окном сидели англичанка и

переводчица. Англичанка говорила переводчице, что так, как она (переводчица) задаёт вопросы, типа *сколько времени*, элементарные бытовые вопросы, никто не говорит по-английски: «Вы говорите языком Голсуорси». Англичанка показывала, как говорят, и получалось, что так же, как по-русски, буквальный перевод. Не надо никаких вспомогательных для вопросов слов, выражается всё только порядком слов. У меня не было тесных контактов с англичанами, я брала материал только по художественному диалогу, а вот Скребнев<sup>112</sup> в Горьком на близкую тему даже докторскую написал. Он взял шесть европейских языков: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский – и на них показал, что в разговорной речи не соблюдаются принятые грамматические нормы, которые работают в письменном языке. И тут я вспомнила Пушкина, поэзию, прозу и письма которого я читала просто подряд в аспирантские годы, и вывела закономерность, которая в тот советский период была железной: не надо в письмах обо всем писать, потому что их могут прочесть чужие люди, типа цензуры. Я представления не имела, что такое у нас может быть, но потом наглядно убедилась. Началась война, и работала цензура. Прочитывались все письма. Я получала, скажем, письма от папы, где были вычеркнуты иногда целые строки или отдельные слова, причем нередко их можно было прочесть, и я из любопытства это делала. Анекдотический случай. Папа учил меня, как можно осенью себе помочь: когда больше в продаже мяса и оно дешевле, сохранить его до весны. Сварить или обжарить, скажем, баранину, переложить жиром в стеклянную банку, закрыть крышкой и поставить в более прохладное место. Это цензурой было вычеркнуто! Какая тут военная тайна? Но вычеркнуто было не так густо, и я смогла прочесть. Какой я, девчонка, не причастная ни к военным, ни к государственным тайнам, представляла интерес?

Пушкин писал, что на него очень гнетуще действует, что его письма к жене может кто-то читать, что они регистрируются в управлении. Я из этого для себя сделала вывод, что о чём-то не надо писать, не надо говорить по телефону. Я даже наблюдала такие факты, что, когда мы разговариваем с кем-то из лингвистов-москвичей по телефону, они непрерывно крутят диск: это срывает подслушку.

Не из жизни, ещё с этим не сталкивалась реально и телефонов у нас не было, у Пушкина я вычитала и крепко в меня внедрилось, что русский язык письменный и разговорный – это два разных языка. И знать только один из них – это ещё не знать языка. Правда, я не поверила ему в том, что в разговоре не употребляются причастные и деепричастные обороты, решила, что Пушкин ошибается. Провела эксперимент: взяла лист бумаги, разделила его на две половины, одна – сложные предложения, которые он назвал *вялыми оборотами*, другая – причастные и деепричастные обороты. Семья наша большая, семь человек, я болела тогда и целый день была дома. Лежала и ставила палочки, слушая, кто что скажет. Ещё была домработница Лёля, бабушка всегда была дома, она нигде уже не работала. Оказалось, что там, где сложные предложения, одного листа не хватило, весь оборот тоже был заполнен палочками, а сторона для деепричастий и причастий осталась девственно чистой, ни одной палочки. Так поняла, что Пушкин прав.

Я вспомнила этот факт, пушкинские слова, слова переводчицы и свои наблюдения над порядком слов и решила, что буду заниматься разговорной речью. И так получилось, я уже много раз в этом убеждалась, что есть явная закономерность: никто *этим* не занимается, но очевидно назревает потребность *этим* заниматься, и начинается работа над *этим* сразу в нескольких местах.

Начинают заниматься разговорной речью сразу в Японии и Франции, записывают речь на магнитофон (раньше

магнитофонов не было, и невозможно было изучать разговорную речь, а тут появились). Когда я начала заниматься порядком слов, это казалось случайным. До работы над монографией я приехала к Галкиной-Федорук, уже профессору, зав. кафедрой МГУ (я ж училась у неё в Саратове на первом курсе), и сказала, что хочу заняться порядком слов, она засомневалась: «А что там можно открыть? Там всё уже известно». После выхода моей монографии профессор Василенко, мой оппонент по докторской, сказал: «Теперь, кто бы что ни написал, ваша монография первая». Я тогда подумала: «Господи, да кто ещё об этом будет писать?». Но тут же вышли статьи Ольги Алексеевны Лаптевой по порядку слов, это была её дипломная работа по истории русского языка, но она до современности доводила. В Чехословакии через год увидела свет монография Адамца<sup>113</sup> «Порядок слов в современном русском языке», и он уже учитывал мою, но постфактум: писал на неё рецензию.

С Адамцем мы встретились в семидесятом году, он познакомил меня с одним шведом. Сидим за столом: чешка, с которой я жила, Адамец и этот швед по фамилии Дал. Адамец меня знакомит, а тот говорит: «А я читал вашу монографию». Я страшно удивилась: в Швеции, в Стокгольме? Я говорю: «А где вы её читали?». Он: «У нас в Стокгольме, в нашей библиотеке университета она есть». Я была поражена. У Дала тоже вышла монография о русском порядке слов, по-моему, в шестьдесят восьмом году. От этого шведа я узнала, что в Англии вышла монография по русскому порядку слов Бивона<sup>114</sup>.

В Институте русского языка издавали ротапринтные обзоры о состоянии изучения проблем по разделам: фонетика, лексика, морфология, синтаксис. Мне поручили синтаксис, и я писала о порядке слов по десятилетиям. В Саратове я не могла прочесть Бивона, и Евгений Николаевич Ширяев брал для меня эту книгу в библиотеке, я её прочитала и ввела в обзор. Тогда

обнаружила, что по порядку слов в это время – поток работ, и вспомнила слова Василенко: моя-то первая, она шестьдесят пятого года. Потом по порядку слов защищались Ковтунова, Крылова, у них я уже была оппонентом. На какое-то время всё заглохло, – и снова поток. Сейчас уже, в XXI веке, – Янко<sup>115</sup>, Мельчук<sup>116</sup>, Йокояма<sup>117</sup>. Это новый этап, новый подход. Вот такая закономерность.

Когда Маргарита Анатольевна решила писать докторскую и советовалась со мной, чем заняться, я сказала, что есть много работ по формально организованному осложнению предложения, займитесь семантически выраженным осложнением. Это стало её докторской, и одновременно пошел поток таких работ. Когда Мякшева занялась языковым выражением пространства, фактически ничего не было, сейчас пространством занимаются многие. Есть такая закономерность: что-то назревает одновременно даже на разных концах света, количество новых знаний переходит в новые качества, или: из информационного поля кому-то это приходит в голову. Не знаю, каким способом это получается, но я абсолютно убеждена, что даже когда студентам даю темы, что-то придумываю, оказывается, что именно это назрело, и все этим в других местах начали заниматься. Мы поднимаемся в гору не последовательно по тропинке, а идем научными уступами, преодолеваем один уровень, потом назревает следующий. Это не значит, что тот, предыдущий, исчерпан абсолютно, через некоторое время снова возврат к нему, но на новом этапе понимания.

Я решила заняться разговорной речью, и одновременно решила заняться ею Елена Андреевна Земская. Она же никогда не занималась ею до этого, она занималась словообразованием, и её докторская была по словообразованию. А у меня был порядок слов, мы находились очень далеко друг от друга. Совершенно независимо обратились к разговорной речи и в результате оказались в тесном контакте. Параллельно этим же

занялись в Чехословакии Кафкова<sup>118</sup>, Кожевникова<sup>119</sup> и многие другие.

С Кожевниковой я лично не была знакома, но переписывалась, а с Кафковой меня тоже познакомил Адамец. Дальше начались научные конференции по разговорной речи. В шестьдесят восьмом году Земская написала проспект коллективной монографии по разговорной речи и докладывала его в Институте русского языка. Меня, конечно, тоже пригласили. Я была свидетелем того, как этот доклад воспринимался. Большинство присутствующих не поняли, что в этом что-то есть. Встаёт один доктор наук и говорит: «И где вы это могли записать? Культурный же человек так говорить не может». Земская отвечает, что некоторые фразы за ним записаны. Когда-то я тоже нечто в этом роде выдала, сказала, что *это самое* культурный человек никогда не употребит как заполнитель пауз. Моя аспирантка вся вспыхнула и говорит: «Ольга Борисовна, а я за вами записывала». Сейчас я, конечно, уже так хорошо не слышу, а когда-то у меня был очень хороший слух, и слышу однажды на лекции, как одна студентка другой шепчет: «Вот сейчас она скажет *теперь*». Конечно, я это *теперь* уже не сказала и стала следить за тем, чтобы его не произносить. Когда-то я прочитала автореферат по немецкому языку о том, что у любого человека есть заполнители пауз, и они нужны, и они важны, но надо только, чтоб они были разные, тогда они не заметны и даже помогают выражению нюансов смысла. Наша учительница химии все время говорила *так сказать*, и мы заключали пари, сколько будет этого *так сказать* за урок. Одним из самых распространенных у культурных людей заполнителей пауз является *вот*. Против него я не протестовала, я протестовала против *это* и *это самое*, но оказалось, что даже это и за мной записали, и за Покусаевым, и за кем-то ещё.

Параллельно начали исследовать иностранную разговорную речь. Один из крупных ученых, исследовавших



немецкую речь, – Девкин<sup>120</sup>, в Горьком эту работу возглавил Скребнев, и там ежегодно много-много лет подряд, уже и после смерти Скребнева (только не ежегодно, а в какую-то годовщину его памяти) проводятся конференции по разговорной речи, и русской, и иностранной. И я туда приезжала, и Земская, и Лаптева.

В изучении разговорной речи была такая полоса, когда её исследовали очень многие. Образовалось несколько центров изучения разговорной речи даже в Москве. В Москве ею стали заниматься и Лаптева, и Овсиенко<sup>121</sup>. Овсиенко сделала частотный словарь разговорной речи (две тысячи триста слов, наиболее употребительных в русской разговорной речи). Над разговорной речью работают и в Болгарии, и в других странах, причем с разных точек зрения, с разными акцентами. Мы все между собой были знакомы, обменивались работами, встречались на конференциях. В шестьдесят девятом году прошла конференция у нас в Саратове, приезжали москвичи, приезжали, конечно, из других городов.

Ученые разошлись в понимании того, что считать разговорной речью. Мы почти антагонистичны в решении разных проблем разговорной речи, но по отношению друг к другу толерантны. Проводником такого отношения являемся именно мы, саратовцы. Остальные между собой далеко не так толерантны, но, видя наш способ научного общения, вынуждены тоже эту толерантность соблюдать. Михаил Викторович Панов, возглавлявший тот отдел, в котором начиналась работа по разговорной речи, хотел пригласить меня к ним в академический институт, чтобы я рассказала, как мы сумели стать такими толерантными. Но не успел: у него там, в институте, начались очень крупные неприятности, вынужден был уйти, и этот семинар просто-напросто не состоялся.

Разговорная речь оказалась более или менее изученной, но разногласия ученых не были приведены к единому

инварианту, потому что принципиально к нему не сводимы. Границы разговорной речи разными учеными понимаются по-разному, и поэтому надо всегда оговаривать, что под ней понимается в работе. Лаптева считает, что разговорная речь – вся устная, Земская и её соавторы – неофициальная, но она может быть и письменной. Я глубоко убеждена, что ядро разговорной речи проявляется только в непосредственном общении. Даже в разговоре по телефону уже есть отступления, это периферия разговорной речи, тем более – бытовые письма.

Наше влияние на москвичей отразилось в том, что они, не отказавшись от своей точки зрения, стали менее категоричными, более толерантными в неприятии других точек зрения. Петербуржцы под разговорной речью понимают фактически всё сниженное и поэтому объединяют и разговорное, и просторечное, и даже жаргонное, для них это все разговорное. Скажем, Химик<sup>122</sup> выпустил Словарь разговорной речи, на самом деле там нет почти ни одного разговорного слова. В Институте русского языка имени Пушкина работала Анна Николаевна Васильева<sup>123</sup>, она занималась функциональными стилями прежде всего в целях преподавания, обучения русскому языку как иностранному. Анна Николаевна исследовала научный, газетно-политический стили, разговорный, по её терминологии – обиходный, художественную речь. Её материал по публицистическому стилю, конечно, очень устарел, потому что этот стиль изменился гораздо сильнее, чем любой другой. Разговорный стиль Васильева изучала по произведениям художественной литературы, и мы с ней ожесточенно по этому поводу спорили. Она была художником, и у меня до сих пор стоит вырезанная ею из дерева вазочка с виноградом. Как-то она нарисовала нечто вроде шаржа на наше с ней разное понимание разговорной речи: у меня стоят отдельные палки с сучьями, деревья, а у неё густой-густой лес, снизу весь заросший травой. Она говорила о том, что разговорная речь гораздо богаче

синонимами, чем неразговорный литературный язык, а я – о том, что разговорная речь беднее синонимами, потому что в ней предпочитается только какое-то одно слово из синонимического ряда. Я приводила цифровые показатели, демонстрирующие, что из многочисленного ряда выбирается одно слово, начальное, в этом ряду берущее в себя все остальные оттенки, оно, по нашим материалам, употребляется сотни раз, а остальные слова этого ряда – по одному разу. Сто с лишним и один раз – это же колоссальная разница! В нашей «Лексике»<sup>124</sup>, которая, как и «Грамматика»<sup>125</sup>, сейчас вышла в Москве третьим изданием, даны наиболее частотные слова, частотные соотношения. В разговорной речи очень много текстовых, окказиональных синонимов, но нет устойчивых синонимических рядов.

Анна Николаевна доказывала, что типично разговорными являются такие слова, как, скажем, *говорун* (*он такой говорун*). У нас этого *говоруна* нет ни разу. А слово *такой* – без конца, и оно в любой синонимический ряд может войти. Слово *говорун*, может быть, кто-то где-то и употребил, а может, даже и сотворил какой-то писатель как речевую характеристику персонажа. Химик тоже почти ничего не даёт из реальной разговорной речи, всё у него взято именно из художественной литературы как стилизация разговорной речи, как средство, чаще сниженное, речевой характеристики персонажей. Для не очень культурных персонажей это характерное явление. Этого очень мало у Чехова, но очень много у Льва Николаевича Толстого. Разный материал, естественно, даёт разную картину явления.

В нашей школе мы признаем и активно используем количественную методику, а москвичи от количественных характеристик принципиально отказывались и отказываются. Они просто декларировали, что если только один раз что-то будет употреблено – это уже показатель разговорной речи. С этим я никак не могу согласиться. Такое употребление может

быть даже не типично для данного человека, это может быть чистое окказиональное. Москвичи, например, говорили, что для разговорной речи очень характерно окказиональное словообразование и на этом основании причисляют разговорную речь к особому языку. Второе основание для них считать разговорную речь языком – существование в ней так называемых диффузов. Это когда слово, имеющее определенное значение, употребляется не в этом значении, а применительно к чему угодно. С этим я не спорю и считаю, что это действительно характерное свойство разговорной речи. Но существование диффузов не является основанием считать её особым языком. Даже Грибоедов использовал в «Горе от ума» в речи персонажей фразу с диффузом: *бал вещь хорошая*. Ясно, что *бал* не *вещь*, но *вещью* в разговорной речи можно назвать все что угодно.

У нас, например, в наших записях разговорной речи есть такое. Эльвира Александровна<sup>126</sup> записывает разговор по телефону своей мамы и использует не такой как сейчас диктофончик, но, по тем временам портативный, магнитофон большого размера. Мать говорит по телефону, а Эльвира Александровна подставляет к ней микрофон. Мать недовольна, ей это не нравится, и она говорит: «Опять ты с этой своей бандурой». *Бандурой* обычно в переносном значении называют какую-то громоздкую вещь, потому что *бандура* – довольно объемный музыкальный инструмент. Но вдруг *бандурой* названа совсем не громоздкая вещь и прямого отношения к музыкальному инструменту не имеющая. В других наших записях, других людей, бандурой назвали кислородную подушку, уже абсолютно никакого отношения к музыке не имеющую. Мой дядя привез из Киева не обычную кислородную подушку обычных размеров, а раза в четыре больше, для того чтобы смешивать кислород с воздухом, что полезней вдыхать, чем чистый кислород. И я говорю: «А где эта бандура-то?».

Моя близкая знакомая была у меня в гостях, Татьяна, конечно, сразу включила магнитофон, который стоял за полками с книгами, а микрофон – всегда около меня. Знакомая магнитофона-то не видит и непривычна ещё к записываниям. Она берет этот микрофон в руки и говорит: «Это что за пупсик?». У нас в доме был очень характерный диффуз, который возник совершенно случайно. Когда-то много передавали по радио Рину Зеленую, которая подражала голосу детей. Ребенок спрашивает у бабушки: «Бабушка, а что такое ангел?». Бабушка не знает, как ребенку объяснить, время-то было атеистическое, и она отвечает: «Ну знаешь, это старинный летчик». Нам это так понравилось, что мы ко всему старинному, вышедшему из употребления, стали применять этот диффуз. Я говорю: «Мне нужно новый халат купить». Татьяна отвечает: «У тебя мало что ли халатов?», на что я говорю: «Да они старинные летчики». В другом случае, когда мама после инфаркта восемь лет очень тяжело болела, всё время была на кислородных подушках и разных препаратах, ей без конца нужны были сердечные капли. Чтобы их развести, нужны были точные названия составляющих, иногда очень длинные. И поэтому те, которые были в ходу большой срок времени, у нас стали называться *старинный летчик*, а более новые – сердечными. Однажды я прихожу, и мне говорят, что состояние не больно важно. Я спрашиваю, давали сердечные или *старинный летчик*. Явный диффуз. В разных семьях, у разных людей они окказионально разные и понятны при наличии общей апперцепционной базы или ситуации.

Москвичи записали в такое же свойство разговорной речи слово *попадуиство*. У них оно есть в записях. Один лингвист, который занимается словообразованием и явно им играет, рассказывает о том, что он всегда ходил в театр, даже если не было билетов, в надежде, что кто-нибудь обязательно продаст лишний билетик. И каждый раз в театр попадал. Дальше произносит фразу: «Меня это попадуиство даже стало

смущать». Можно ли считать, что такое словообразование от *попаду* с суффиксом *-ство* характерно для разговорной речи? А они его записывают, раз один раз зафиксировали.

Мы в какой-то мере исчерпали, точнее, закончили изучение разговорной речи. В Москве под руководством Земской вышла трехтомная монография по разговорной речи, у Лаптевой – монография по разговорному синтаксису, у нас тоже вышла фактически трехтомная монография, которая частично, два тома, до сих пор переиздается. К сожалению, третий, самый, может быть, интересный том «Функциональные стили и формы речи» издан ротاپринтно, и УРСС не берет его для переиздания только потому, что слишком трудно для работы. В Москве вышло третье издание нашей монографии, и книги быстро расходятся. Только начиная с третьего издания, мы стали получать 8 процентов от полученной прибыли, в общем-то ерунда, конечно. Тем более что там авторов чуть ли не двадцать человек. Но важно для науки то, что люди будут её знать.

Итак, мы отошли от изучения разговорной речи. Земская начала заниматься, с одной стороны, опять словообразованием, но как деятельностью, а не как результатом, с другой – её основная за последние годы работа заключалась в исследовании речи русского зарубежья, разных волн эмиграции. Я, в связи с тем, что с семьдесят седьмого года читала курс основ стилистики и культуры речи, переключилась на проблемы культуры речи. Началось с того, что забил тревогу Караулов<sup>127</sup> и на Всесоюзном совещании в девяносто первом году поставил вопрос о состоянии русского языка. Он разослал по всем лингвистам анкету (и я на неё отвечала) и ответы опубликовал в докладе «О состоянии русского языка и материалы почтовой дискуссии». Караулова беспокоило состояние русского языка в тот период. Тогда я твердо была уверена в том, что это состояние только речи, а язык как был, так и остался неизменным. Сейчас уже вижу

изменения и в языковой системе, а тогда их ещё не видела или их ещё и не было.

Перейдя к изучению проблем культуры речи и наблюдая эту речь, пришла к выводу о существовании типов речевых культур. Но сначала на этом совещании я прослушала доклад Никиты Ильича Толстого<sup>128</sup> о том, что есть разновидности этнокультуры: истинная, массовая и народная, и что им в свою очередь соответствует разная речевая культура: элитарная, для тех, кто пользуется литературным языком, просторечная, арготическая и народно-речевая, то есть диалектная. Эту идею я сразу подхватила и начала вести наблюдения. К девяносто третьему году сформировалась концепция, и я поделилась своими мыслями с Валентином Евсеевичем Гольдиным. Результатом стало то, что мы с ним написали совместную статью, потом, правда, разошлись в понимании многого и перестали быть едиными. Я решила, что в системе выделенных мною речевых культур не хватает каких-то звеньев, потому что те, кто пользуется литературным языком, не представляют собой однородную массу. Тогда выделила ещё среднелитературный, литературно-разговорный (как его назвала) и фамильярно-разговорный типы речевой культуры. Маргарита Анатольевна все время говорила мне о том, что слишком большое расстояние между настоящей элитарной и среднелитературной разновидностями, что есть масса людей, которые заполняют этот промежуток. Кончилось тем, что к две тысячи первому году я созрела для того, чтобы, во-первых, отказаться от термина *элитарный*, потому что, с одной стороны, в это время стало очень широко употребляться прилагательное *элитарный* в значении «недоступное, непонятное для народа». Элитарная речевая культура такого значения никак не должна иметь. С другой стороны, очень широко распространилось употребление слова *элита* для обозначения самых разных социальных групп: и управленческая элита, и элита бизнеса, и элита криминала. Я

решила во избежание неправильного понимания от термина отказаться. Во-вторых, ввела понятие *неполнофункциональный тип речевой культуры* как промежуточный.

Когда-то я уже сталкивалась с похожим недопониманием среди ученых. Однажды Ольга Кафкова и Квета Кожевникова принимали участие в международной дискуссии, организованной журналом «Русский язык в школе», относительно того, что такое разговорная речь, каковы её признаки, когда и где употребляется, кто ею пользуется и прочее. Они написали совместную статью, которая меня не убедила, и в своей статье я их опровергала. Приехала в Москву, пришла к Елене Андреевне Земской и попросила её прочитать эту статью: для чужого глаза, для критики. Она сказала, что тоже написала статью, тоже их опровергает, и в свою очередь попросила меня её прочитать. На следующий день мы снова встретились, и получилось, что мы, неодинаково понимая термин *проявление*, обе критикуем статью, но по разным направлениям. Так и не убедив друг друга, снова взяли в руки статью, снова её прочли, и каждый остался при своём мнении. В семидесятом году (а наш спор был в шестьдесят восьмом) в Праге я встретила с Ольгой Кафковой и прямо спросила у неё, кто из нас правильно понял статью. Она засмеялась и сказала: «Никто, ни вы, ни Елена Андреевна, мы вкладывали в этот термин совсем другое. Но, читая вашу критику, решили вообще отказаться от этого термина».

Борис Николаевич Головин, который очень много занимался терминологией, даже вывел аксиому: если хотите пополнить научные знания, то начинайте свою статью с объяснения терминов, которые используете. И тогда спор по поводу концепции не превращается в терминологический. Он, конечно, абсолютно прав. Характерно, что деловой стиль это принял как обязательное условие, все законы, за редким исключением, имеют преамбулу, в которой все значения употребляемых слов объяснены, чтобы не было



инотолкований. Для делового стиля, особенно для закона, это, конечно, важно, но для науки это тоже очень важно. Даже разговорную речь люди понимают по-разному. И поэтому если исходная позиция неясна, то критика может пойти совсем не по делу.

Так вот, когда более или менее закончилось у нас изучение разговорной речи, конечно, до конца не закончилось, продолжается, но перестало быть главным, я перешла на культуру речи. И это довольно естественный переход. Культура речи стала основным направлением в связи с тем состоянием русской речи, которое наблюдалось в конце двадцатого века. Мои работы, связанные с проблемами культуры речи, послужили основанием (но это мой домысел, я не знаю, ни кто меня туда продвинул, ни на каких основаниях) того, что меня включили в Совет по русскому языку, сначала при Президенте, потом при Правительстве. Прошло несколько российских совещаний по государственному языку, в которых я принимала участие.

Проблемы языка в девяностые годы вышли на первый план, поскольку язык, национальное достояние народа, стал остриём разногласий между нашими республиками. В девяносто первом году, осенью или зимой, в Звенигороде в академическом пансионате проходило Всесоюзное совещание. На нём обсуждались проблемы: что такое государственный язык, каковы его признаки. Даже встал вопрос о том, каким должен быть государственный язык СССР. Организовывало это совещание Отделение литературы и языка Академии наук, а его ученым секретарем, академиком-секретарем, был Чельшев<sup>129</sup>, мой ровесник. Я не знаю, жив ли он сейчас, нигде о нем не упоминается, хотя, если б умер, об этом как-то стало известно. Тогда, более тридцати лет назад, он был вполне активным. Там были представители всех наших союзных республик, и среди них шло очень сильное брожение. Чельшев, видимо зная все эти настроения (мы-то их

фактически не знали, были от этого далеки, потому что вслух об этом громко по радио, по телевизору не говорили, а мы же в Саратове, даже не в Москве), начинается совещание с того, что надеется и просит (слово *толерантность* ещё не звучало), что люди будут сдержанными и не будут бросаться словами, а с терпением отнесутся к мнениям других. Я подумала: что он говорит, ведь ясно совершенно, что иного быть не может. За первые же полчаса совещания я такого наслушалась! Мы с Валентином Евсеевичем были в шоке. Прибалтийские и западно-украинские участники говорили о том, что государственным языком может быть какой угодно, пусть даже английский, но только не русский.

Пока ещё существовал СССР, весной 1991 года, мы с Галиной Георгиевной были в Киеве на совещании, посвященном годовщине Винокура-отца, Григория Осиповича Винокура<sup>130</sup>, делали доклады, а жили в гостинице. И вот однажды Галина Георгиевна зашла в парикмахерскую при гостинице сделать прическу и, когда возвращалась, услышала разговор коридорного портье, или, как он называется, дежурного, с кем-то из гостиничного персонала. Она вошла в наш номер просто в шоке (совещание проходило до Беловежской пущи) и сказала, что осенью Украина выйдет из СССР, это уже совершенно непреложный факт. Так всё и произошло.

На совещании в Звенигороде Гольдин задавал вопрос: «В ваших же республиках живут не только латыши, не только литовцы, но и поляки, и русские». Те отвечали: «Неважно, языком межнационального общения русский язык быть не должен». Только один мой доклад был посвящен тому, какими признаками должен обладать государственный язык, что не всякий язык может стать государственным. Кроме того, я говорила, что должно быть определенное количество его понимающих и на нем говорящих. Когда-то Ленин протестовал против того, чтобы русский был государственным

языком, и в СССР государственного языка не было. Я-то этому живой свидетель: газета «Известия» печатала материалы Верховного Совета на всех шестнадцати языках союзных республик. Газетная пачка с этими материалами получалась огромной толщины. На совещании я ещё говорила о том, что государственный язык обязательно должен иметь разветвленную функционально-стилевую дифференциацию, потому что он обслуживает разные сферы его употребления, и приводила пример Осетии. Осетинский язык вводили как республиканский, но он оказался неспособным обслужить все сферы. Этот доклад нигде не публиковался, но ко мне подходил молодой человек (не то работник Верховного Совета, не то правительства) и пригласил уже как специалиста ещё на одно совещание. Он сказал, что мой доклад был единственным, в котором говорилось о необходимых качествах государственного языка. Потом было аналогичное совещание и в Москве, уже в Институте языкознания или русского языка, и в Элисте. А дальше началась работа в Совете по русскому языку по выработке закона о государственном, именно русском языке. Закон о языках, который вышел раньше, допускал формирование государственных языков республик, но государственного языка Российской Федерации тогда ещё и не было, и закона о нем не было.

Я занялась вплотную речевыми культурами уже в моем современном понимании, сначала выделила *полнофункциональный* и *неполнофункциональный* типы речевой культуры, как промежуточный между *полнофункциональным* и *среднелитературным*, отказалась от термина *разговорный*, потому что он многих вводил в заблуждение из-за совпадения с термином *разговорная речь*, взяла термин *обиходный* тип речевой культуры без деления на *литературно-разговорный* и *фамильярно-разговорный*. Одно время явно формировался *литературно-жаргонизирующий*, как я его назвала, тип речевой культуры, когда намеренно

насаждалась в СМИ сниженная речь любого типа: литературная, нелитературная, но обязательно сниженная. Сейчас он уже явно сходит на нет, я даже считаю, что он уже не существует. Зато в речи населения вырабатывается *сленговый* тип речевой культуры, не *литературно-жаргонизирующий*, а просто *сленг*. По мере необходимости пришлось снова возвращаться к порядку слов.

Так вот, от проблем культуры речи, типов речевой культуры опять естественный переход (каждый раз – естественный переход, но одновременно выбор из каких-то трех возможных путей продолжения) к современному состоянию речи: вызывают или не вызывают изменения в речи изменения в самом языке. Я уже говорила, что когда в 1991-м году Караулов рассылал анкету, я на неё ответила, что язык не изменился. Но, может, тогда он ещё не изменился, а теперь уже начал меняться, и кое-что, видимо, безвозвратно потеряно. Эта проблема сейчас меня очень интересует, но это не значит, что я оставила другое: по-прежнему слежу за средствами массовой информации, и в работе со студентами этим занимаюсь, и сама по себе. Я наблюдаю речь, смотрю, как она меняется. Всё, что вижу, что слышу, стараюсь фиксировать, отмечаю в газетах разные вещи, которые бросились мне в глаза по какой-то причине: либо что-то удачное, либо что-то неудачное, неверное. Отмечаю и то и другое, потом Татьяна набирает мне это на компьютере. У меня, наверно, не считая моих записей, ею распечатанных, которые мне уже трудно (почти не могу) перечитывать, несколько сот страниц, набранных на компьютере. Я перестала вести записи, а отмечаю, записываю только то, что услышу. Вот *витиеватую очередь* сразу заметила и отметила, но глаза мои меня очень в этом смысле ограничивают. Татьяна – физик, а не лингвист, поэтому то, что я для себя пишу, для какого-то участка системы, она далеко не всегда умеет распознать. В результате получается, скажем, страниц 50 текста, на которых написано, что это порядок слов,

а там всё что угодно. И приходится каждый раз, когда работаю над очередной статьей, весь материал проглядывать заново по нескольку раз. Я пишу в черновике статьи только номер примера, откуда, из какой газеты, за какое число, а Татьяна печатывает. Без её помощи я, конечно, ничего бы не сделала. Только за три месяца очень напряженной загруженности (сентябрь-ноябрь 2008 года – *О.М.*), ни одного не только дня, нет свободного часа в неделю: либо я чужие работы читаю, либо я что-то сама пишу. То есть я всё время в работе.

До последнего времени я очень любила ездить на конференции, активно участвовала в них. Последний раз ездила в Москву в июне 2008 года и боюсь, что, наверно, с этим надо кончать. Пока в Саратове идут конференции я, конечно, в них участвую. В Москве меня очень лимитирует мое зрение. Я не вижу светофор, названий улиц, тем более номеров домов, номеров аудиторий. Уже несколько последних лет не езжу одна, только с кем-нибудь. Доклад я тоже читать не могу, только говорю то, что есть у меня в голове, иногда что-то забываю или не успеваю сказать. Но с этим-то я справляюсь, а вот с хождением и переездом – нет. В Москве ведь всё в разных концах, и в метро я не вижу ни одной надписи. Но в метро ещё ладно, что-то помню, но теперь и в троллейбусах, и автобусах надо проходить через турникет, всовывать карту, а я не вижу щели и не знаю, каким концом всовывать. В общем, стараюсь уже не испытывать в этом отношении судьбу. А любая конференция дает очень много. Дело не только в том, как мои мысли восприняты, хотя это важно. Но для меня очень плодотворны разговоры, беседы, не на заседаниях, а в перерывах после заседаний, наталкивающие на что-то, помогающие найти путь решения проблемы. В разговорах по телефону, по межгороду так подробно всего не высказать.

Конечно, стимулирует научную работу обмен научной литературой. В этом плане я больше опираюсь на членов нашей группы, сотрудников кафедры. Каждый, кто куда-то

едет, получает от меня задание и некую сумму на покупку новой литературы. У нас же есть финансовая поддержка темы, но мы зарплату себе не берём, а складываем в общий котел, и на эти деньги покупаем прежде всего книги, иногда оборудование. На эти же деньги печатаем сборники, учебные пособия и так далее. В результате на кафедре сейчас, конечно, не все российские, тем более мировые новинки, но по нашей проблематике, наверно, процентов 80 есть. Этого даже нет в нашей научной библиотеке. Мы можем не знать о том, что книга вышла, так как не находим её какими-то информационными способами, а поездки на конференции дают возможность пополнения библиотеки. Этой библиотекой пользуются не только члены нашей кафедры и наши аспиранты, студенты. У нас есть все новые словари, а многие принципиально отличаются от старых, их просто необходимо иметь для работы.

С 2007 года на кафедре организована служба языка (до этого постоянно, почти ежедневно, звонили мне), и журналисты, чиновники из каких-то наших властных структур обращаются с просьбой сказать, как что склоняется, не склоняется и так далее. У нас постоянно дежурит лаборант, он вооружен словарями и отвечает на все вопросы.

Моя личная библиотека тоже обслуживает весь Саратов. Татьяна пыталась занести всю её в картотеку, я даже покупала картотечные ящики, в итоге шесть ящиков оказались забытыми до отказа, но перечень всей литературы не включили. Я отдала эти ящики на кафедру. Книги моей библиотеки невозможно сосчитать, очень много на руках. Этих книг не десять тысяч, а гораздо больше. Самое сложное и трудное заключается в том, что для них уже не хватает места. Я давным-давно очень многое раздаю, в свое время несколько тысяч книг отвезли Волгоградскому университету, когда его открыли.

Во время переезда на эту квартиру или пораньше, в 1974 году, я приглашала всех желающих со всех наших кафедр, и

русских и иностранных языков, и очень многое они забирали целыми сумками. Ведь когда-то я покупала или выписывала через Академкнигу по проспекту всё, что выходило. Конечно, всё это я читала, и по африканскому языкознанию, по японскому, и по китайскому – какому угодно. Теперь я, конечно, даже по своей непосредственной теме читаю не всё. Во-первых, Интернетом из-за глаз пользоваться не могу, а через чьё-то посредство это уже совершенно не то. Во-вторых, то, что у меня есть, я не всё прочитываю, только посмотрю, чтобы знать, кому предложить прочесть, но сама уже всё прочитать не могу из-за глаз. Моя лупа дает возможность читать пословно, а это очень медленно. Но я стараюсь быть в курсе всего нового по той проблематике, которой занимаюсь.

Сейчас, когда очень плохо вижу, мне трудно находить нужную книгу, кроме того, у меня несколько «заколдованных» книг. Я знаю, что они у меня есть, но я никогда их не могу их найти. Когда не нужно, они попадают на глаза, и я их перекладываю на другое, более актуальное для меня место, – и опять не могу найти. Один раз был совершенно анекдотический случай. Мы ещё жили на старой квартире, и там были высокие потолки, три с половиной метра, и книжные полки, естественно, с полу до потолка. Никаких лестниц не хватало, чтобы их сверху достать. Я ставила раздвижную лестницу на кушетку, на которой спала, и только тогда могла еле-еле дотянуться. При этом пружины кушетки давали колебания лестницы, и я боялась свалиться. Достать книгу с верхнего стеллажа было большой проблемой. Однажды мне нужна была книга, но я не знала, где она лежит, неактуальная книга, а надо на неё сослаться. Лазаю так и сяк – найти не могу. И тогда я сказала: «Черт-черт, поиграй да отдай». Кто рассказал бы, никогда в жизни не поверила: ни с того ни с сего (а я стою на полу) мне на голову с самой верхней полки под потолком сваливается одна книга, но эта! К сожалению, это был единственный случай, больше не срабатывало.

Все мои друзья, знакомые, даже не лингвисты, пользуются моей домашней библиотекой. Собирала я её разными способами. Давным-давно, когда дочь была совсем маленькая, мы отдыхали на море и там познакомились с семьёй – военным летчиком и его женой. Жили в соседних комнатах и вместе ходили купаться. Кстати, он научил нас плавать, и меня и Татьяну, причем как-то очень легко и просто. Он сказал мне: «Вы никак не можете начать плыть, потому что хотите обязательно принять горизонтальное положение, как положено в плавании, а Вы не принимайте его, Вы стойте и просто руками раздвигайте воду». Я попробовала и действительно тут же поплыла, и на третий день уже приняла горизонтальное положение и могла проплыть достаточно большое расстояние очень легко и быстро. За это я ему, конечно, благодарна. И мою Татьяну так же научил.

Главное же то, что он служил в ГДР, в Германии, а я знала, что в Германии, и в Западной, и в ГДР, вышел тогда первый обратный словарь русского языка. Мне очень хотелось его иметь. Я спросила у своего нового знакомого, возможно или нет, чтобы он купил его мне и прислал. Он ответил, что в Западной не сможет, потому что им нельзя туда ходить, а в Восточной – пожалуйста. И действительно не забыл, купил и прислал. С того времени словарь у меня есть, единственный в Саратове. Наверно, ещё в Ленинской библиотеке есть. Потом издали и наш обратный словарь, более полный.

Я стараюсь использовать, без преувеличения, каждую малейшую возможность для приобретения книг. В результате у меня в квартире нет одного свободного стола, всё завалено книгами: под столами в коробках, под шкафами, под кушетками – везде книги-книги-книги. Самые актуальные и новинки лежат стопками прямо около дверей, за дверями. Вся беда в том, что поскольку они стопками лежат, то чтоб найти нужное, надо перебрать всё.



После случившегося со мной эпизода, давно уже, я начала вести запись тех книг, которые даю почитать. А дело было так: мне на факультет во время чьей-то защиты привезли книгу Гвоздева «Дневник ребенка». Тут же кто-то из присутствующих на этом совете свой, близкий человек, у меня её попросил. Мне было удивительно, что он берёт, потому что это не соответствовало его научным интересам, но я дала – и с концами. Книги нет, а я нигде не записала. Прошел год, и я начинаю спрашивать, но прежде всего у тех, кому она могла понадобиться. Все дружно говорят, что не брали. Я уже решила – всё. Вдруг эту книгу мне отдает наша Эльвира Александровна, через два года! Мне даже в голову не пришло спросить у неё. После этого я начала записывать всех, кому даю книги, потому что неудобно ходить и всех спрашивать. Завожу толстые блокноты, но хватает только на год, не больше.

Сейчас мне трудно читать, что записала, и какие-то пропажи у меня есть. Была студентка, которая бросила университет, уехала и увезла с собой книжку. Правда, мне удалось её восстановить, а то очень жалко было бы книги. Но это сравнительно редко бывает, как правило, люди возвращают.

В основном свои книги я помню, стараюсь распределять их по полкам, по определенным коробкам, чтоб легче находить. Но некоторые книги могу забыть, когда перебираю, иногда натыкаюсь на такую. Когда книги возвращают, всегда стараюсь их класть сразу же именно на место, в ту комнату, где она лежит. Все авторефераты, которые у нас защищаются и которые мне присылают из других городов: Волгограда, Красноярска, Новосибирска Омска, Томска, Казани и так далее, я сохраняю, они тоже лежат огромными стопками. Не на всё я, конечно, откликаюсь отзывами, потому что иногда это совсем не по моей специальности. За последние три месяца (2008 года – *О.М.*) уже на несколько рефератов откликнулась,

точно не скажу на сколько, но не два и не три, а гораздо больше.

В общем и целом я живу, конечно, работой. Но, кроме того, ко мне очень многие обращаются, я не знаю, как к какому-то мудрому что ли человеку, со всякими и личными, и медицинскими проблемами. Если я хоть чем-то могу помочь, я всегда помогаю. Это тоже всё складывается в мою, так сказать, мозговую копилку. Своей, как многие говорят, компьютерной памятью я очень активно пользуюсь и часто поражаю тех, кто на что-то жалуется или спрашивает совета, тем, что помню, что с этим же человеком произошло много лет тому назад. Они уже не помнят, а я помню. Моя дочь часто говорит, что у нас не квартира, а проходной двор и справочное бюро, потому что ежедневно бесконечные телефонные звонки: то чей-то телефонный номер спрашивают, то фамилию, то название лекарства, то ещё что. Даже мобильные номера помню, тем более что мне легче вспомнить, чем прочитывать записанное. На память я пока всё-таки не жалуюсь, слава Богу, она меня выручает. Правда, в последнее время могу сразу что-то не вспомнить, меня это страшно мучает, но все равно вспомню, если не сейчас, то через час или через день. Если есть возможность у кого-то узнать, где-то посмотреть, узнаю обязательно.

Моя особенность и в том, что даже если я абсолютно уверена в своей правоте, в значении, написании какого-то слова, я всегда проверяю себя по словарю. Я никогда не исправлю ошибку, обязательно возьму словарь и проверю себя. Словари у меня стоят на полках за дверью, и есть ещё одна полка со словарями. Теперь иногда я себе какую-то книгу не покупаю, а только для кафедры, потому что считаю, что это важнее.

Коллективные темы нашей школы, нашей кафедры, начиная с две тысячи третьего года, а до этого по программе «Русский язык», Министерство до сих пор финансово

поддерживало. В их рамках мы занимались проблемами соотношения реального функционирования русского языка и типов речевой культуры в разных сферах общения. Так как мы успешно это всё выполнили, то дальше нам дали другую коллективную тему «Изучение реального функционирования русского языка и путей его развития». Четыре года реальным функционированием занимались все, а путями развития фактически занималась уже только я. У меня был доклад на втором Международном Конгрессе исследователей русского языка в МГУ, опубликовано несколько статей в наших «Проблемах речевой коммуникации», где подводились итоги двадцатилетней «свободы» русского слова, выявлялись факторы, действующие на развитие языка сейчас, в двадцать первом веке, делался вывод о том, что же явно изменилось в самой системе языка. Последняя моя статья в наших «Проблемах речевой коммуникации» – «Вероятное и возможное в судьбе русского языка»<sup>131</sup>. Я прослеживаю, что в системе языка прошло точку, как я её назвала, невозврата, этого уже не вернешь, говорю о том положительном, что, вероятно, будет продолжаться. У меня пять пунктов вероятного – четыре положительного продолжения и одно негативное (обеднение языка). А дальше идут пять пунктов возможного, и там наоборот – четыре того, что ещё возможно вернуть, но вряд ли получится, а один пункт – ещё возможно, но надо постараться. Таковы современные проблемы, над которыми я работаю. Теперь мы перешли к исследованию коммуникативной компетенции.

## ГЛАВА VI

### О Саратовской лингвистической школе и родной кафедре

Я была зам. декана по научной работе на факультете, зам. председателя Головного Совета и двадцать лет, с 1973 по 1993, заведовала кафедрой русского языка, которая называлась кафедрой русского языка и речевой коммуникации, а сейчас называется кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного. Меня не хотели отпускать с заведования, но, когда Маргарита Анатольевна защитила, я настояла на освобождении от должности. Очень радовалась, что освободилась от лишней нагрузки, потому что распределение часов, все эти расчеты-пересчеты – это кошмар.

В те годы, когда я заведовала, нельзя было иметь внутреннее совместительство ни под каким видом. Сразу три человека, самых опытных, самых работающих, были в загранкомандировках: два года Маргарита Анатольевна в Германии, Эльвира Александровна сначала год в Польше, а потом четыре года в Финляндии, три года Елена Павловна<sup>132</sup> в Словакии. И эти командировки совпали. Валентину Александровну<sup>133</sup> оперировали. В общем, четырех самых-самых не было одновременно, и мне нужно было найти, кто бы согласился их заменить. Я приглашала и Романенко<sup>134</sup>, и Эмилию Петровну,<sup>135</sup> и Крючкову,<sup>136</sup> и Седов<sup>137</sup> у нас начал работать. Ещё и лаборантка была новая, Марина<sup>138</sup>, пришла маленькая ещё девочка, которая училась на вечернем и ничегошеньки ещё не знала.

Но вернёмся к началу моей работы на факультете. Когда в 1948 году я кончила аспирантуру, то и меня, и Светлану Александровну, естественно, оставили преподавать на кафедре. Со следующего выпуска – Валентину Александровну Богданову, потом – Ирину Павловну Гловову, дальше – Галину Георгиевну Полищук. В результате получилось так, что у нас

на кафедре, кроме двух человек (Мары Борисовны Борисовой и Марии Владимировны Глушковой), все птенцы нашего университета, все при кафедре учились и остались на ней.

Мара Борисовна вернулась из Ленинграда к себе домой, потому что у неё здесь родители. Мария Владимировна Глушкова приехала из Йошкар-Олы, у нас поступила в аспирантуру, кончила её, защитила и осталась. Вторым её мужем был Алексей Иванович Иванов, наш зав. кафедрой философии после Николаева. Она уезжала на два года работать во Вьетнам, а потом, когда Алексей Иванович умер, вышла замуж в третий раз. Она недавно умерла. В своё время они (муж был то ли военный, то ли дипломат) уехали на Кубу, а когда вернулись, у нас вакансий не было, и Мария Владимировна стала работать в Педагогическом институте.

Потом постепенно начали подрастать уже более молодые поколения. Очень ранней, одной из первых, дипломниц у меня была Галина Георгиевна Полищук. Евграф Иванович Покусаев, в то время декан, обратился ко мне с просьбой помочь написать ей хорошее дипломное сочинение. Я ему тогда сказала, что никакой моей помощи тут не требуется, потому что она самостоятельно пишет очень хорошую работу. Галя поступила в аспирантуру, в аспирантуре родила дочь, жила с мамой, которая работала на фабрике «Вышивка». Материально они были явно не очень хорошо обеспечены. Её муж кончил юридический институт (они одновременно кончили вуз), и его распределили в Краснодар. Он уехал туда, и ей, конечно, было очень трудно, мама ведь тоже работала. Галя хорошо знала украинский язык, потому что была украинкой, родилась в Виннице, и вела у нас не только украинский, но ещё и сравнительную грамматику восточнославянских языков: украинского, белорусского и русского. Работала преподавателем на полставки. Двоюродная сестра, которая с ними жила, несомненно, помогала им

материально. Она была бухгалтером, но потом вышла замуж и уехала.

На няню денег не было, а ребенок грудной. Они жили на Коммунарной (теперь Соборная), между Первомайской и Ленина (теперь Московская), буквально рядом с Парсамовской больницей и напротив восьмой школы. Наш факультет тогда находился на Радищева. Пока Лене (Е.Г. Елина – О.М.) не исполнился месяц (она родилась переносенная на месяц и поэтому большая и уже окостеневшая, при родах сломала себе ключицу), я боялась к ней притронуться: и такая маленькая, и с переломом ключицы. Помогала, чем могла, но взять в руки и остаться с ней – не смела. Когда Лене исполнился месяц, Галине Георгиевне надо было её зарегистрировать, и я согласилась остаться с ней. Галя пошла регистрировать ребенка, а мне, конечно, понадобилось менять пеленки, никаких памперсов ещё не было, самые обыкновенные подгузники. Лена на меня глаза таращила: *кто такая?* А я дрожала, но все-таки сделала, что надо. И после этого регулярно было так: за десять минут перерыва между лекциями мы бежали: я из университета, а Галина Георгиевна мне навстречу. Встречались между Коммунарной и Радищевской, на Первомайской, чтоб передать ключи, а Лена в это время оставалась одна, каких-то 5 минут максимум. Вот так и вырастили мы Лену, обоюдными усилиями.

Наша кафедра была очень дружная изначально, в ней получилось уже несколько реальных поколений. Вначале мы занимались в основном диалектологией. Но когда выпустилась Галина Георгиевна (руководителем у неё был тоже Александр Митрофанович), на диалектологию началось какое-то наступление, малопонятное – почему. Вполне возможно, это было вызвано сталинской работой, где развенчивалось марровское учение. Диалектологической работой руководили ленинградцы, может быть, как-то с этим было связано (но я об этом уже говорила). Евграфом Ивановичем как деканом было

заявлено совершенно строго, что никаких диалектологических работ, никаких диссертаций больше чтобы не было. Поэтому свою кандидатскую Галина Георгиевна писала уже о грамматической вариантности, об определениях, выраженных либо прилагательным, либо родительным падежом существительного. Руководила её работой фактически уже я. У меня был пятилетний опыт чтения курса «Современный русский язык», я его уже любила, в него вошла. Оппонентами у Галины Георгиевны были Алексей Федорович Ефремов, как единственный тогда профессор, и Мара Борисовна Борисова (у меня вторым оппонентом по кандидатской был Валерий Петрович Воробьев, доцент), тогда ещё можно было из одного вуза. Защищала она уже, естественно, с авторефератом.

Продолжу о поколениях. Александр Митрофанович и Лидия Ивановна – это старшее поколение, хотя между мной и Лидией Ивановной не такая возрастная пропасть (восемь лет), как между мной и Александром Митрофановичем. А дальше уже ещё меньше разница: между мной и Валентиной Александровной – всего-навсего 2 года, между мной и Ириной Павловной – 3 года, между мной и Галиной Георгиевной – 5 лет. Поэтому мы все очень сдружились, были примерно на равных в смысле возраста, фактически одно поколение. Даже Галина Георгиевна во время войны уже была школьницей, то есть тоже этой войны хлебнула. Мы именно дружили, семьями, не просто не враждовали. Более близких людей у нас просто не было.

Дальше пошло следующее поколение, появились аспиранты у Мары Борисовны, у Галины Георгиевны и так далее. Скажем, Татьяна Алексеевна Милехина<sup>139</sup> и Галина Сергеевна Куликова<sup>140</sup> – аспиранты Галины Георгиевны. Учеников, поколения, трудно разграничить. Скажем, у Маргариты Анатольевны уже свои ученики, у нас сейчас на

кафедре работает её бывшая аспирантка Оксана Николаевна Хорешко, теперь Струкова.

В результате, на нашей кафедре нет ни одного чужого человека. С одной стороны, это очень хорошо, с другой – было бы очень опасно, если бы не было ленинградской закваски. Очень обидно, что те, кто вполне мог бы и должен был защитить, до сих пор так и не защитили, но реально они не уступают докторам. На кафедре у нас абсолютная взаимовыручка: если кто-то заболел, не дай Бог что-то случилось, никогда не возникает вопроса, что нужно заменить, подменить. Некоторые наши выпускники, попадающие в другие вузы, говорят, что им там очень трудно, потому что совершенно другая атмосфера. С одной стороны – подавление всякой самостоятельности, а с другой стороны – полное отсутствие взаимовыручки.

Изначально личная, преподавательская дружба всегда у нас сочеталась с полной научной самостоятельностью. С самого начала во всех поколениях эта самостоятельность воспитывалась. И я никогда на своих подопечных не давила. Каждый занимался тем, чем хотел.

А началось с того, что Александр Митрофанович никогда ни на кого не давил. Мы шли, во-первых, в разные стороны. Мы, первое поколение молодых (теперь уже старых-престарых), в отличие от Лукьяненко, все под крылом Лидии Ивановны были диалектологами, последний диалектолог – Галина Георгиевна. Дальше я пошла прежде всего в синтаксис, Маргарита Анатольевна, которая уже была следующим за нами поколением, моей аспиранткой, работала по залоговым формам, по морфологии, потом занялась синтаксисом словосочетания и дальше – предложения. Она работала с перерывом, сначала по распределению в школе, потом в газете, пришла в заочную аспирантуру и уже только из аспирантуры к нам на кафедру.



Эльвира Максимовна<sup>141</sup> была номинальной аспиранткой Александра Митрофановича, а по дипломной – ученицей Лидии Алексеевны Лавровской. Её кандидатская диссертация – по словообразованию, у неё были суффиксы *-ость* и *-ств* в истории русского языка, то есть совершенно другое направление. Она никогда не ездила в диалектологические экспедиции, никакого отношения к диалектологии не имела, и, конечно, у неё было своё направление. Галина Георгиевна занялась вариантными формами, в докторской диссертации это развивала более глубоко. Её докторская – очень интересная, в ней совмещена сравнительная грамматика восточнославянских языков и экспериментальное изучение интонации. Она прослеживала судьбу определительных конструкций в этих языках. В украинском, скажем, сохранились краткие прилагательные, а у нас притяжательные прилагательные вытеснены формой родительного падежа существительного. Выясняла, есть ли интонационная разница у словосочетаний с определением и с объектом, дополнением (но об этом я уже рассказывала). Кроме того, у неё уже был коммуникативный подход, может быть, у первой, её интересовала обязательность и факультативность определений, и как это по-разному представлено в разных идиостилях писателей. У Мары Борисовны – художественная речь, с этим она к нам пришла, при том она и осталась, но никто же ей не препятствовал.

Прародителем нашей лингвистической школы изучения функционирования русского языка является, конечно, Лидия Ивановна, потому что интерес именно к живой речи был заложен ею, диалектологической работой. А дальше мы пошли своими дорогами.

Лидия Ивановна обладала своеобразной научной жадностью. Она никогда никому не препятствовала, боже сохрани, но сама хотела заниматься всем. А это, конечно, в принципе невозможно. Мы занялись разговорной речью, и она

занялась разговорной речью. Это очень хорошо, и дай бог. Её работы по разговорной речи были очень хорошие, но она прежде всего диалектолог, она не ушла из диалектологии до конца, хотя ей всегда хотелось заниматься тем, чем занимались её ученики.

Я привлекла сначала студентов, а потом действующих преподавателей к работе по изучению того, как русский язык функционирует в разных стилях. Когда в шестидесятом году в Черновцах делала доклад, уже использовала материал коллективной работы студентов. Нами был организован творческий коллектив, в Институте русского языка мы завязали тесные контакты не только с диалектологами, но и с сектором, теперь отделом Современного русского языка. Нас привлекли к выполнению коллективной темы по функциональным стилям (уже говорила об этом), у меня было много докладов на разных конференциях, и всесоюзных, и российских, и в Москве, и в других городах. Мы были в тесном контакте с Борисом Николаевичем Головиным, он у нас публиковался, в Саратове по моей инициативе, по-моему, в шестьдесят первом году, проводилась российская конференция по стилистике, потом выпустили сборник. Это было ещё до разговорной речи.

Наше издательство потом предложило превратить этот сборник в регулярный. Он назывался «Вопросы стилистики». Первые четыре или пять сборников мы выпускали не очень регулярно, не каждый год, но они себя зарекомендовали и стали широко известны. Тогда была инициатива, которая не смогла реализоваться из-за Главлита, превратить этот наш сборник в регулярно выходящий журнал. Мы начали выпускать «Вопросы стилистики» два раза в год. У нас была организована межвузовская, межгородская, внутрироссийская редакционная коллегия, куда входили ученые и из Ленинградского, и из Пермского университетов, и москвичи. Мы им посылали наши статьи на рецензии, и у нас очень много

печатались чужих людей, даже из-за границы. Была журнальная структура: разделы, статьи, сообщения, научная жизнь, рецензии, обзоры, хроники. Главлит потом это запретил, потому что журнал, как они сказали, можно было издавать только с постановления ЦК. «Известия» нашего университета тоже поэтому перестали выходить. Нам пришлось отказаться и от рецензий, и от хроник, то есть от журнальной структуры сборника, исчезла периодичность. Раз нет обязательной периодичности, то можно издание отложить, поэтому наши последние выпуски шли уже не ежегодно. Первый сборник вышел по материалам конференции в 1962 году, а последний, двадцать восьмой выпуск, – в 1999. Был период, когда каждому сборнику требовался хотя бы новый подзаголовок, чтобы не создавалось впечатления периодичности. Запрещалось обозначать номера выпусков, номер снимали, даже если он был в аннотации. Мы стали издавать узкотематические выпуски: «Художественная стилистика», «Язык и человек», «Антропоцентрические исследования».

С двухтысячного года до 2018 года нами издавались «Проблемы речевой коммуникации». Опубликовано восемнадцать выпусков, только один год мы пропустили, 2002, в это время готовили учебник по программе «Русский язык».

В процессе работы над стилями сформировалась наша школа. Уже в конце 60-х – начале 70-х гг. появились первые обзоры наших «Вопросов стилистики» с указанием, что это – школа. Обзоры публиковались в разных журналах, в том числе зарубежных: в Чехословакии «Slovo o slovesnost», «Ceskoslovenska rusistika», в Болгарии, даже в Риме. О Риме мы и не узнали бы, если бы Костомаров<sup>142</sup> не прислал мне журнал под названием «Русский язык». В журнале была статья обо мне на нескольких страницах, и указывалось, что я руководитель школы. В Польше начал издаваться ежегодник «Stylistika», сначала довольно тонкий, потом уже очень объемный,

международный журнал. В Германии одно время, с конца 80-х до конца 90-х, издавался международный журнал «Russistik», последний номер вышел в 1999 году, так как умер его редактор. Издание этого журнала поддерживал муж-бизнесмен этого редактора. С её смертью журнал кончился. В этих журналах также печатались обзоры наших работ. Теперь уже по заказам мы пишем обзоры и в наших «Известиях», и в украинском журнале «Русистика», и два обзора в журнале «Вопросы языкознания» за 1995 год. Один написан Еленой Павловной Захаровой, а другой – Ольгой Алексеевной Лаптевой. Кроме того, Граудина<sup>143</sup> писала в издании под названием «Словарь», памяти Ожегова, обзор изучения русского языка, где названы центры его изучения. Есть в нем и информация о нашей школе.

Очень многие наши аспиранты, докторанты оказываются за пределами университета, даже в других городах: в Якутске, Элисте, Петропавловске Казахстанском, Иркутске, Ленинграде, теперь в Петербурге (Ирина Анатольевна Иванчук<sup>144</sup>).

В нашем Педагогическом институте работал Василий Семенович Юрченко, я не могу сказать, что он полностью вписывается в нашу школу, он абсолютно самостоятельный, но эта его самостоятельность начала формироваться в университете ещё в студенческие годы. У него экзотическая судьба: видный судья, на хорошем счету, он параллельно учился у нас на заочном. Преподаватели, с которыми он сталкивался, буквально плакали от него, настолько он забрасывал их вопросами, на которые они нередко не могли ответить. Говорили, что как на каторгу шли на занятия в его группу, потому что боялись, что он опять поставит их в тупик. На четвертом курсе филфака Юрченко бросил свою судейскую обеспеченную жизнь и пришел на студенческую стипендию – перевелся на очное отделение. Правда, некоторые наши преподаватели говорили, что его жена была не менее способна,

чем он, и этим переходом он её погубил, потому что она могла бы тоже стать настоящим лингвистом, но вынуждена была зарабатывать на жизнь. Однако что сделано, то сделано. Юрченко работал в моём спецсеминаре, а я в это время вела спецсеминар по порядку слов. В нём была и Эльвира Александровна Столярова (тогда Клочкова). Он выбрал порядок главных членов предложения, а у неё был порядок слов в словосочетании с прямым дополнением.

Эльвира Александровна тоже выросла из диалектологов, она ездила в диалектологические экспедиции и в студенческие годы, и как руководитель. У неё была прекрасная дипломная, потом кандидатская, но уже не по порядку слов, совершенно самостоятельная. Потом она хотела писать докторскую по другой теме, я её убеждала связать тему с кандидатской, поскольку уж очень много было сделано. Не согласилась и решила строить лексико-семантическую систему русской разговорной речи, тогда совершенно никем не тронутую. Она сделала очень много, даже получила дополнительное математическое образование: поступила на вечернее отделение мехмата и кончила его, и тут вмешались всякие обстоятельства: смерть отца, потом болезнь и смерть матери, с сыном инфаркт, с мужем беда: лишился ноги из-за закупорки сосудов. Но самое главное: она всю жизнь перед собой ставила слишком высокую планку. Так она и не сделала докторскую, хотя, когда ещё и кандидатом не была и делала доклад на конференции по разговорной речи, меня москвичи спрашивали: *это её докторская?* Я отвечала, что ещё и кандидатской нет. А они: *да как же! Но это же докторская!* Я говорю, чтоб они её в этом убедили, я не могу.

Мы же только под дамокловым мечом заставили Эльвиру Александровну защитить кандидатскую. Появилась такая форма, как одногодичная аспирантура, и её сделали одногодичным аспирантом. Лидия Ивановна была ещё заведующей нашей общей кафедрой и сказала ей жёстко

совершенно: «Учтите, если Вы не защитите в срок, вы подведете и Ольгу Борисовну как руководителя, и меня, и весь факультет, и весь университет». Сколько она сделала лишней работы, как я ни боролась с ней и ни говорила, что этого не надо! Три года до этого она потратила на эксперимент, результаты которого в диссертации заняли одну строчку, одну только строчку! Реально саму кандидатскую диссертацию она писала ровно месяц, по ночам. Утром её муж приносил мне читать главу, я её читала и говорила: «Машинистке!» В итоге всё у неё вовремя было закончено, но защищала она с опозданием на два месяца, потому что её первый оппонент, Земская (которая везде в своих работах на неё ссылается), успела прочесть, но не смогла написать отзыв, потому что тяжело заболела (ей сделали полостную операцию). Елена Андреевна позвонила и сказала, что вынуждена отказаться. Все москвичи искали оппонента и уговорили Костомарова. Он приехал, оппонировал, и всё, естественно, закончилось хорошо. Но из-за того, что диссертация писалась один месяц, никто: ни я, ни она – всю её в целом ни разу не прочли. Я читала главу срочно-спешно, а дальше – следующую главу и сразу отправляла машинистке. В результате ей высказали анекдотическое замечание: одно и то же явление в работе было обозначено: УНР (устная научная речь) и НР (научная речь); УПР (устная публичная речь) и ПР (публичная речь). Появилось это У, когда она стала сравнивать письменный и устный варианты речи, так как потребовалось их различить, а до этого писала только об устной, и поэтому различения не требовалось. Если бы хоть один из нас прочитал диссертацию всю подряд!

Я не могу простить Ирину Павловну Глову, которая рано ушла из университета, бросила не только кафедру, преподавание, но и науку. Конечно, были некоторые причины, она сказала, что муж прокормит (он был тоже доцентом,

геологом). Я не смогла её убедить ни остаться на кафедре, ни остаться в науке, я этого никак не могу понять.

В основе научной работы нашей школы лежит то, что надо идти от материала, не от своей концепции, для которой подыскиваются иллюстрации, от материала, от того, что есть в речи. Этот принцип нас отличает от других школ, и общепризнанно, что это – наше. Второй принцип уже не так обязателен, он заключается в том, что мы учитываем частотность явления. Это тоже делают не все. У группы Земской, например, достаточно одной встреченной формы, чтоб объявить, что это свойственно разговорной речи.

Моя аспирантка Казеко<sup>145</sup> писала диссертацию по особым синтаксическим конструкциям в разговорной речи. Москвичи выдвигали как критерий того, что разговорная речь – особый язык, её синтаксическое своеобразие. Выяснилось, что одна из таких конструкций и в их материалах, и в наших встретилась только пять раз. Можно ли считать, что это действительно системное явление, а не просто речевая ошибка?

Оппонентом у Казеко был Ширяев, москвич из группы Земской и наш антагонист, но он очень высоко оценил работу. То есть разные подходы в науке к материалу приводят к разным результатам.

Я всегда учу студентов, изначально, на самых ранних этапах, что безусловных авторитетов у них быть не должно. Ничего нельзя принимать безусловно, как аксиому, всё проверять своим материалом, включая и меня как объект проверки, и говорить, подтверждается ли это или не подтверждается. Согласны со мной – хорошо, не согласны – тоже хорошо, но и в том, и в другом случае вы должны аргументировать либо приятие, либо неприятие какой-то точки зрения. Это мое научное и педагогическое кредо, которое идет от Ленинградского университета.

Даже наши научные несторонники не отвергают ни наших подходов, ни наших выводов. Мы спорим с ними, они спорят с

нами, но они нас ценят, уважают, и мы с ними в очень хороших научных отношениях. Между нами как учеными есть спор, но между нами как людьми нет никакого антагонизма. И москвичи, и петербуржцы, и волгоградцы, и многие другие нас признают и всегда приглашают на конференции, мы у них на первом же пленарном заседании делаем доклады, то есть они отдают нам должное и обязательно печатают в своих сборниках. И сами, конечно, печатаются в наших сборниках, когда имеют хоть какую-то возможность, потому что по грантам вынуждены где-то в другом месте это делать. Нас признают, и не только в России, но и в мире.

Наше русское отделение очень много сделало для становления романо-германского отделения. В свое время Лидия Ивановна была консультантом по докторской у Клокова<sup>146</sup>. Почти весь современный состав кафедры английской филологии – это наши аспиранты. Зав. кафедрой Харламова – аспирантка Маргариты Анатольевны, Викторова, Фролова, их ведущие доценты – мои аспирантки. Их более старшее поколение, и на кафедре немецкой, и на кафедре английской, и на кафедре французской, романской филологии, – аспиранты Лидии Ивановны. Дубровская – бывшая аспирантка Гольдина.

Важно то, что у наших учеников есть свои аспиранты. Наша школа – многопоколенческое и многоразветвлённое образование. Гольдин, непосредственный ученик Лидии Ивановны, начинал как диалектолог. Но разве он только диалектолог? Больше всего он занимался прикладной лингвистикой. Его монография по обращению – чисто теоретическая, абсолютно уже не диалектологическая работа, в докторской диссертации была, конечно, диалектология, но там и самая настоящая теория языка.

Каждый в рамках нашей школы шёл своим путем, внутри школы единомыслие только в одном: идти от факта, всё, дальше – у каждого своя точка зрения. С Маргаритой



Анатольевной мы постоянно спорим, у нас нет единогласия по очень многим вопросам. Её путь – от морфологии (залоговые формы) к синтаксису, дальше – к публицистике. В основном она занимается газетной речью, почти не касаясь ни телевизионной, ни радио. И я занимаюсь газетой, но мы идём разными путями, по разным направлениям, работаем на разных участках системы. Её интересуют одни вопросы, меня – другие. И так со всеми.

## ГЛАВА VII

### О ректорах, работе Головных советов и не только о них

В 1941 г. и.о. ректора СГУ была В.А. Артисевич. После неё в апреле 1942 г. по 1944 г. университет возглавил ректор ЛГУ А.А. Вознесенский, 12 июня 1944 года А.А. Вознесенский передал обязанности ректора Н.И. Усову<sup>147</sup>, профессору, но с ним я общалась только в самом конце учёбы, при распределении в аспирантуру. Я ничего не знаю о его работе, потому что была слишком маленькая. А после Н.И. Усова ректором стал П.В. Голубков<sup>148</sup>, тоже профессор, физик. Тут я уже была в каком-то курсе его дел как ректора, потому что уже была кандидатом наук, потом и кандидатом в члены партии, и у нас проходили ежемесячные общеуниверситетские партийные собрания. Университет-то был гораздо меньше, чем сейчас, собрания проходили ежемесячные, и на них очень часто ставились вопросы, связанные с ректорской работой. После П.В. Голубкова ректором стал Р.В. Мерцлин<sup>149</sup>. Я до сих пор считаю, что он был лучшим из всех ректоров, химик, прислан нам со стороны, из Перми. Роман Викторович Мерцлин начал с того, что навёл порядок, потому что Петр Васильевич больше занимался своей физикой – это во-первых, а во-вторых, он был слишком мягким и добрым человеком, что для ректора не положительные качества.

Итак, Р.В. Мерцлин стал сразу наводить порядки. Ректоры менялись, а секретарь оставался один и тот же. Я не знаю, с кого она начала, но во всяком случае она уже много лет была при П.В. Голубкове и потом оставалась до прихода Л.Ю. Коссовича<sup>150</sup> очень долго. Когда пришел Р.В. Мерцлин, она говорила, что теперь уже не ходит, а бегаёт. Это тоже показатель стиля работы ректора: он во всё вникал, но самое главное, по-моему, то, что при нём проректором по научной работе стал Всеволод Семенович Стальмахов, физик. Потом я совершенно случайно узнала от него, что он сын моей

школьной учительницы физики. Это никакой роли, конечно, не сыграло, но я была при нём уже зам. декана по науке, очень много занималась молодыми учеными, студенческой научной работой и поэтому работала с ним в тесном контакте. Не раз мы вместе выезжали на выставки молодых учёных. Помню, мы ездили на выставку в Волгоград, в общем, были именно в тесном рабочем контакте.

В.С. Стальмахов начал свою деятельность проректора по науке с того, что со всех факультетов запросил списки опубликованных трудов каждого сотрудника за пять лет. Он знал буквально каждого. Я помню, что по отношению к некоторым я с ним, что называется, сражалась, а потом убеждалась в том, что он оказывался прав. Я сражалась, была, конечно, абсолютно уверена в своей правоте (и сейчас уверена), что, например, Эльвира Александровна Столярова – очень хороший учёный, талантливый научный работник, намного талантливее, умнее меня и всех наших филологов. А он относился к ней плохо, и это было несправедливо.

Эльвира Александровна всегда была такая модница и однажды приехала на сельхозработы руководителем студентов (и была хорошим руководителем), но приехала на высоких каблуках. Стальмахов был возмущён: «Вот эта фифочка на высоких каблуках, чего она может стоять?». Я ему доказывала, что она талантливый учёный, и она, конечно, талантливый учёный. Но в какой-то степени он оказался прав, потому что она так и не защитила докторскую. Правда, совсем по другим причинам, не потому что не смогла, а потому что слишком высокую планку перед собой всегда ставила.

В.С. Стальмахов считал, что если за пять лет опубликована только одна работа (я ему доказывала: *но зато какая!*), то это не учёный по-настоящему. И фактически он оказывался прав. Он каждому знал истинную цену, знал буквально всех, вот в чём всё дело. Тогда-то, конечно, было меньше преподавателей, чем сейчас, всего на факультете

человек пятьдесят. Он очень помогал нам, мне и Галине Георгиевне Полищук конкретно, в организации лаборатории.

Мы приходили к Мерцлину и говорили, как нам эта лаборатория нужна, и он всячески нас поддерживал. Под лабораторию была выделена малюсенькая комната, оборудование всякое привезли, шлейфовые осциллографы. Нам давали, конечно, уже списанные, но мы на них работали. Значительная часть и моей диссертации, и диссертации Галины Георгиевны, целиком кандидатская диссертация Нины Ивановны Кузнецовой<sup>151</sup> сделаны в этой лаборатории. Был у нас Борис Федорович Игнатов, его кандидатская диссертация тоже целиком здесь сделана, потом он уехал в Тюмень и продолжал уже там.

Позже, в семьдесят пятом году, лаборатория была организована, одна из пяти по всем университетам России, уже по приказу Минвуза. Лабораторию организовали официально уже не при Р.В. Мерцлине, а при следующем ректоре (который был географ) В.Г. Лебедеве. А сначала просто так, в порядке взаимопомощи физиков и филологов.

В.С. Стальмахов вникал во всё, всем помогал очень и, безусловно, был лучшим проректором по научной работе за все времена. Больше таких проректоров не было. Тем более все остальные проректоры были не филологи, за исключением только Ирины Юрьевны Иванюшиной<sup>152</sup>, которая в одно время была его помощником по научной работе, естественно, что она нам внимание уделяла, насколько другим факультетам – я не знаю.

Был, скажем, Д.С. Коробов<sup>153</sup>, всё вроде хорошо, но особого внимания мы не чувствовали, потом были Д.А. Усанов<sup>154</sup>, А.А. Сытник<sup>155</sup>. Был ещё хуже, физик Мельников<sup>156</sup>, который претендовал на ректорскую должность. Официально, на встрече с кандидатами в ректоры, он сказал, что, конечно, в научных делах ничего не понимает и ему это не важно и не интересно. Это мнение дало мне основание

говорить, что такой ректор нам в общем-то и не нужен. Я ему в лицо поставила в пример В.С. Стальмахова.

После В.Г. Лебедева, который долго болел, а потом умер, два года был исполняющим обязанности ректора Павел Андреевич Бугаенко. Я ничего не говорю о том, как он помогал филологам, потому что он филолог, и тут всё ясно. А вообще он был проректором по учебной работе, и я считаю, что он очень помог университету. Дело в том, что это были советские времена, всё зависело от обкома, а у нас всегда были с обкомом очень напряженные отношения, потому что считалось, что мы слишком свободомыслящие, свободолюбивые и прочее-прочее. Был у нас даже такой эпизод, когда секретарь обкома не прошел тайным голосованием на партийной конференции университета (уже были конференции, по-моему, а не собрания, хотя неважно, как это называлось) делегатом на районную партийную конференцию по выборам секретаря обкома. Это был, конечно, скандал, шок, но при этом секретари обкома все-таки к нам приходили, иногда начинали встречу с того, что вспоминали: «У вас даже не прошёл наш секретарь».

Мы жили в ужасно стеснённых, в смысле помещений, условиях, ни о каком строительстве речи не было. Павел Андреевич все-таки добился начала строительства, и при нём появились наши первые добавочные корпуса. Сначала был выстроен (к какому-то нашему юбилею, было даже постановление ЦК) пятый корпус, он добился строительства восьмого и девятого. Они, конечно, архитектурно нарушают ансамбль университетских зданий. В свое оправдание Бугаенко говорил, что не было денег и надо было подешевле, поэтому создавались типовые коробки. Вот его слова: *лучше так, чем никак*. Я думаю, что в тех условиях он был все-таки прав, и добился этого он именно потому, что был у нас председателем Головного совета по филологии. Хотя в Москве, в Министерстве, больше бывала я, считалась уже просто, что называется, там своим человеком. Иногда иду по

коридору, а со мной уже все здороваются. А я-то не вижу лиц людей...

Бугаенко реже, но тоже ездил в Москву, и поэтому его хорошо знал начальник департамента университетов (тогда он назывался Управление не только университетов, а вообще всех высших учебных заведений). Туда входил политех, юридический и так далее. Сначала его возглавляла Дубинина, а потом стал Серафимов. С Дубининой у нас были вполне, так сказать, добрые отношения, она нас ценила (именно как работающих в Головном совете по филологии).

Наш Головной совет существовал с семидесятого года, а когда пришел Леонид Антонович Серафимов (настоящий ученый, доктор технических наук, профессор, очень культурный человек), он нам очень помогал, через него мы пробрили в семьдесят не знаю каком, в семьдесят пятом году (после Всесоюзного совещания по русскому языку в Бологом) Всероссийское совещание по филологии. Меня вызывали без конца в Москву в Министерство, только чтобы подписаться, что я ручаюсь, что там не будет ничего страшного со стороны филологов, каких-нибудь антисоветских выступлений. Только для этого и приезжала. Я подписывала, и, когда уже совещание кончилось (а на него много приехало из Министерства, начальники всяких управлений и хозяйственных, и финансовых), Леонид Антонович позвал меня к ним в номер. Я была потрясена: во-первых, у него уже было совершенно другое лицо, он расслабился, успокоился, и, во-вторых, он сказал, что я была права, ничего страшного не было. Я ответила, что ни минуты не сомневалась, что ничего такого не будет, а он просто дрожал, в буквальном смысле слова.

Никогда не забуду, как он это сказал, я только тогда поняла, как же он боялся. А я, может по своей наивности, была абсолютно спокойна. Мне, конечно, хотелось, чтоб всё прошло хорошо, чтоб мы получили то, чего мы просим, эти лаборатории. До этого было абсолютно аксиоматичное

мнение, что филологам, кроме доски, мела и тряпки, ничего не нужно, ни о каких компьютерах тогда речь не шла, но осциллографы уже существовали.

Наш университет получил фольклорную, диалектологическую лаборатории и лабораторию экспериментальной лингвистики. Инициатором их создания был именно Головной совет, мы же ежегодно проводили пленумы Головного совета в разных городах. Очень часто в Министерстве рассматривались вопросы у Серафимова не только вместе со мной, но и вместе с Павлом Андреевичем. Приглашался Лазутин из Воронежа, фольклорист, профессор, то есть это была именно работа Головного совета. Были открыты лаборатории в Саратовском университете, в Воронежском, в Томском, и, боюсь ошибиться, по-моему, в Уральском и Пермском. Мы убедили министерских чиновников в том, что нам нужна не только доска, мел и тряпка.

Когда Павел Андреевич был проректором по учебной работе, Р.В. Мерцлин – ректором, а В.С. Стальмахов – проректором по научной работе, это был очень передовой триумvirат. Появлялись уже компьютеры, не про нас, конечно, но появлялись, начиналась тестовая проверка знаний. Мы с Лидией Ивановной Баранниковой ездили в Уфу, там проходила лингвистическая всесоюзная конференция по учебным программам, по методологии и методике преподавания лингвистических дисциплин. Мы с ней представляли программу по общему языкознанию, это был шестьдесят пятый год, а с Галиной Георгиевной Полищук – работу экспериментальной лаборатории по роли интонации в языке. Моя диссертация была закончена в шестьдесят четвертом, и именно в это время открывалась лаборатория, ещё не официальная, как я уже говорила, не министерская, а наша.

В шестьдесят пятом году вводилась тестовая проверка и всякие новые методы. Нам было дано поручение обязательно пойти в Авиационный институт. Нас приняли там хорошо, всё показали, всё рассказали.

У нас в университете были доски не современные, а старые, черные, на которых мелом писали, сейчас-то у нас белые, и мы на них пишем не мелом, а тогда был обычный мел, и очень часто было плохо видно, потому что свет от окон падал с одной стороны и все отсвечивало. В Авиационном институте мы увидели, что над каждой доской сделано устройство дневного света, которое ликвидировало отсвет сбоку, и восхитились этим. Рассказали об этом Павлу Андреевичу, и у нас в университете сделали такие у досок устройства. Может быть, это не так важно для нас, филологов, хотя мы тоже на доске-то пишем, а для математиков, для физиков это, конечно, очень было важно, до этого представления не было о таких устройствах.

Помню такой эпизод. На кафедре вакуумной техники, которая нас к себе пустила, было сделано пробное устройство на компьютере для проверки знаний. Прежде чем приступить к работе со всякими вакуумными насосами, надо было получить добро по технике безопасности. Наш тогда ещё студент, который там работал, однажды от скуки (он там дежурил определенное время) решил попробовать сдать этот тест по вакуумным приборам, в которых он абсолютно ничего не понимал, но заработал «отлично». Тогда ректор собрал в своём кабинете совет насчет внедрения таких вещей в наш учебный процесс. И они разработали для демонстрации разным специалистам в разных областях знаний не вакуумный тест, он не показательный, потому что узкий круг людей только знает, они сделали по рыбалке как демонстрацию. Мерцлин сел к компьютеру и сдал на «отлично» эту рыбалку, а когда сдал, то сказал, что в жизни ни разу не рыбачил и о рыбалке не имеет никакого представления. Так тестирование в



жизнь и не пошло, по всему университету это не пошло, было доказано, что это очень необъективно, что это может быть случайно угадано и больше ничего.

Теперь у нас, увы, нет этой лаборатории, потому что она была в шестом корпусе, и, когда мы переехали в наш корпус, у нас её просто как помещение забрали. Вся аппаратура уже устарела, а так у нас покупались какие-то дорогие специальные приборы уже собственно наши, которые позволяли экспериментально работать.

Мерцлин был очень инициативен, очень вдумчиво во всё входил и здраво судил, но я уже уловила такую закономерность, что все ректоры к концу своего срока, во вторую половину своей работы, теряли свои положительные качества и у них усиливались негативные. Это буквально закономерность, без недостатков никого, конечно, не было, и у Р.В. Мерцлина недостатки, конечно, тоже были. И вторая печальная закономерность: на всех ректоров без исключения всегда нападали, не было такого ректора, которого бы в чём-то не подозревали, в чём-то не уличали, не предъявляли бы к нему претензий. Это было во все времена, при всех ректорах, начиная с Голубкова. Хотя не знаю, было ли это при Артисевич, Вознесенском и Усове, потому что тогда я была ещё никто.

Дело в том, что в университете работал один человек, очень одиозная личность, которая в годы ещё начала советской власти, где-то в двадцатых, наверное, годах, был выдвиженцем из пролетарской среды и поэтому перед ним открывалась зеленая улица наверх (он долгое время был деканом географического факультета). Фамилия его Савенков. Это была страшная личность.

Пока я была аспиранткой, он отличился тем (самое интересное, что мы восприняли это сначала как дурной анекдот), что-таки раскопал истину. Аспиранткой географического факультета была девушка по фамилии Петэн,

и, конечно, никому в голову не приходило, что она может быть родственницей Петэна, который сдавал Францию фашистам. А Савенков это раскопал. Она даже не подозревала, что у неё такой родственник, и все воспринимали это как собачью чушь, но оказалось, что это правда, и он добился её исключения на этом основании из аспирантуры. Кстати, это не помешало ей потом и докторскую защитить, и стать председателем Головного совета по географии.

В Саратовском университете было два Головных совета, один – по филологии, другой – по географии. По географии сначала возглавлял профессор Кузнецов, а после его ухода сначала на пенсию, а потом из жизни – эта самая Петэн, только по мужу она уже была Миронова. Она кончила не у нас аспирантуру, а в Москве, там защитила, вышла замуж и вернулась к нам уже доктором.

Савенков нападал на всех ректоров, сначала за то, что такую допустили в аспирантуру, потом много чего было всякого, очень много. А тут, господи, генетика, потом кибернетика. Чего только не было! Борьба с космополитизмом, то есть поле деятельности у него было большое. Он просто ко всему цеплялся бесконечно. Это была совершенно одиозная личность, от которой никак не могли избавиться: он писал в Министерство, он писал в ЦК.

После Павла Андреевича ректором стал В.Н. Шевчик<sup>157</sup>. Он был, конечно, прекрасный ученый-физик с мировой известностью, но я никак не чувствовала его ректорской хорошей работы для университета. Я приведу один факт, который убеждает меня, что он не был хорошим ректором.

Поскольку я была очень активным заместителем председателя Головного совета, членом научно-методического совета, без конца именно мне поручалось составление учебных планов по филологии для всех вузов по Министерству, программ и так далее. Я очень много в этом плане работала, осознавая даже, что больше времени трачу на такую

полуадминистративную работу, чем на собственно филологическую, учебную, научную и прочее. Очень много планов, программ мы должны были ежегодно давать в Министерство по Головному совету, и мы их выпускали и по всем университетам рассылали, общие отчеты по научной работе по филологии. Всё это делала-то я, и мы поэтому очень хорошо знали, кто где чем занимается. Наверное, это была полезная работа. Я такую пользу явно ощущала не только для себя, для саратовцев, но и для всех остальных, была координация. Мы взаимодополняли друг друга, сейчас эта координация совершенно утеряна.

Были межвузовские сборники, начиналось с того, что только три вуза в России имели свои издательства: Воронежский, наш и ЛГУ. Потом их стало пять, добавились Пермский и Уральский. Потом нарастало, а то не было издательств, всё, что издавалось через Главлит, приходилось пробивать, было сложно и у нас в издательство попасть, и у них пробиться в Главлите.

Все рефераты проходили через Главлит, и это было *ой-ой-ой* для тех вузов, у которых издательств не было или которые что-то издавали не через издательство.

Только через Головной совет к нам присылали планы, мы их утверждали и отправляли в Главлит, в Главлите их кому-то давали на рецензию, мы никогда не знали – кому. Ученый-рецензент первое время был явно, абсолютно не состоятельный, может, даже вообще не филолог. С одной стороны, нам было легче отстаивать свою правоту, но потом были уже рецензенты состоятельные и умные, и отстаивать свою правоту нам стало труднее. Для того чтобы отстаивать, надо было знать, например, не только коротенькую аннотацию к плану, которую Главлит видел и рецензировал, а само содержание, тем более что к этим аннотациям вузы, конечно, относились спустя рукава.

Один эпизод. Началось всё с того, что из Министерства Павел Андреевич получил вызов приехать от Головного совета в Главлит отстаивать план, потому что его в Главлите весь перечеркнули как неактуальный и ненужный. Весь, для всех университетов России. Надо было срочно, спешно, завтра быть в Москве. Павел Андреевич, конечно, не поехал, потому что ему там негде было ночевать, а поехали я и Алла Александровна Жук (я сказала, что одна не смогу: там же и язык, и литература). Мы поехали вдвоём, и потом уже каждый год ездили вдвоём. Потом, когда Аллы Александровны уже не было в живых, мы ездили с Ксенией Ефимовной Павловской. Я и литературовед, и там, в Главлите, мы уже всех знали.

Мне когда-то досталась для рецензии книжка Норы Адамян, называлась она «На красный свет», такая маленькая книжечка – мы её отстояли. С первого же раза мы отстояли почти всё, может быть, три работы только не смогли. Зауважали нас, сказали, что никак не ожидали, другим так не удаётся.

После этого каждый год мы должны были ездить и отстаивать, это очень трудная работа, она длилась часа четыре, противостояния «с пеной у рта», хотя заранее нам рецензию не давали. И мы должны были найти аргументы доказать свою правоту. Мы взвалили на себя адскую работу, поэтому потребовали, чтобы все вузы присылали нам рукописи тех сборников, которые они собираются издавать, иначе – как их отстоять?

Мы собирали эти сборники, раздавали их у нас на рецензии (много саратовских были членами Головного совета), между собой выясняли все позиции и ехали уже вооруженные и отстаивали. На сто процентов, конечно, не удавалось никогда, но на девяносто – удавалось.

Когда было столетие со дня рождения Павла Андреевича Бугаенко (у нас на факультете оно отмечалось), я выступала, говорила о работе Головного совета, говорила, что, с моей

точки зрения, филологи России должны были бы поставить ему памятник. Реально, конечно, отстаивала я, но он сделал своим замом меня. Я, честно, была этому удивлена и считала, что это неправильно, предлагала ему другие кандидатуры, а он предпочёл меня, понимал, что ему нужна «рабочая лошадь».

Конечно, Павел Андреевич сам очень много делал, я была непосредственным свидетелем такого. Однажды мы вдвоём были в Министерстве у Леонида Антоновича Серафимова, и у него же сидел тогда «гроза всех» Свиридонов (не Свиридов, а Свиридонов), который возглавлял Управление (ему соответствует современное аттестационное). Вообще говоря, внешне это был очень малокультурный человек, но очень грозный, приезжал на все аттестации. Очень часто я тоже была в этих комиссиях, поэтому наблюдала, как он работает, очень жёсткий (это хорошее качество, я считаю), но и очень грубый (а это уже плохое качество), и очень пренебрежительно относящийся к людям.

Сидим мы вчетвером, и он про кого-то, я не помню про кого, очень пренебрежительно сказал: «Приходит ко мне какой-то там профессор». Павел Андреевич буквально вспыхнул: «То есть как это – какой-то там профессор, это что за отношение, разве можно так!» В конце концов другой бы просто промолчал, ничего не сказал, а Павел Андреевич не стал молчать. Причем Свиридонов был «гроза» министерская, от него зависело очень много, и вполне возможно, что поэтому и не сделали Павла Андреевича ректором, вполне возможно. Но он так поступил, и такое было не раз.

Как-то я была в Министерстве одна, без Павла Андреевича, потому что речь шла о русском языке, а не о филологии. Тогда нас вызывали на коллегию Министерства. Коллегия Министерства – это нечто «в небесах». Вызов на коллегию – это признание очень высокое. Я даже и не предполагала этого, но когда непосредственно столкнулась,

услышала: «Ах, на коллегию, это круг самых-самых избранных».

Несколько раз мы туда ездили и всегда филологию защищали и многое делали. Филологи знают, сколько делалось для них в Министерстве через Головной совет. Когда мы ездили вдвоём, то докладывал об этом нашему ректору Павел Андреевич, я не знаю, как докладывал, как его там встречали.

Когда был ректором уже В.Н. Шевчик, была коллегия по русскому языку, и я ездила одна, выступала с каким-то сообщением, вступала в какие-то прения, что-то говорила. Вернулась с коллегии Министерства, естественно, пошла докладывать ректору. Во-первых, было очень трудно к нему попасть: *сейчас некогда, сейчас то, сейчас сё*. Наконец я предстала пред его светлые очи. Фактически он меня не слушал, буквально каких-то две-три фразы я сказала, а ему это неинтересно, русский язык его не интересуется, коллегия – это его тоже не интересуется, и я сделала вывод, что его, по крайней мере наш факультет, которого это непосредственно касается, совершенно не интересуется. Я считаю, что ректором он был плохим.

В семьдесят пятом году был переворот в отношении ВАКа, он стал самостоятельной фигурой не при Министерстве, как было до этого и как сейчас, а совершенно самостоятельным, ВАК СССР. Было организовано Всесоюзное совещание, на которое приглашались ректоры университетов, оно проходило в концертном зале «Россия» (в гостинице «Россия» внизу был огромный концертный зал «Россия»). От Саратовского университета должен был ехать В.Н. Шевчик, но не захотел, сказал, что ему это неинтересно, а ведь от этого зависела наша судьба. Была перетасовка всех Советов, всё заново переутверждалось.

Совет у нас существовал два года, а на третий мы решили, что нам докторский не нужен, и не стали посылать документы на переутверждение. Тогда я была председателем докторского

Совета по русскому языку, Лидия Ивановна – кандидатского, и мы взаимно были заместителями друг у друга. Не стали переутверждать, потому что там было очень много иногородних, он был региональным, члены Совета – и из Пензы, и из Самары, и из Волгограда, всего одиннадцать человек. Очень трудно было его собирать, а без них кворум не получался.

Вторая причина в том, что наших докторских на выходе не было, нам присылали чужие, у нас прошло четыре защиты чужих докторских, а на рассмотрении ещё двенадцать, которых мы не взяли, отвергли, сочли, что они не докторские. Тогда не было такого закона, что если мы не считаем достойными, то можем не принимать. Сейчас можно не принять только по двум основаниям: первое – несоответствие специальности, второе – нет ВАКовских публикаций. Тогда ВАКовских публикаций вообще не было, а несоответствие специальности жёстко не прописано.

Самое смешное оказалось в том, что, хотя мы его не возобновляли, ВАК нам его не закрыл, и через год я, естественно, отчет не пишу и вдруг получаю грозное письмо: «Почему вы не прислали отчет?». Я звоню и говорю: «Какой же отчет, когда у нас нет Совета?». А они отвечают: «Как это – нет, мы вас не закрывали». Мы не переутверждались, потому что думали только о том, что это каторжная работа, а выход маленький, и всё только для чужих, поэтому решили, что кандидатский нам нужен, а без докторского обойдемся. А они говорят, что нас не закрывали, в общем – анекдотический случай.

Я тогда, в семьдесят пятом, сама напросилась поехать на Всесоюзное совещание, нельзя было, чтобы из университета никто не поехал. Шевчик подписал бумаги, и я поехала.

Всё было очень торжественно, конечно, роскошно. Тогда было выстроено специальное здание для ВАКа, четырехэтажное, совсем в другом месте, а потом его отобрали

под что-то другое, а ВАК перевели ещё в одно, без конца было адресов ВАКовских. Я знаю четыре адреса, где я бывала.

После В.Н. Шевчика был назначен А.М. Богомоллов<sup>158</sup>, он начал как Р.В. Мерцлин: пришёл к нам, на все факультеты ходил знакомился, он же был чужим. Его знал тогда секретарь нашего обкома В.К. Гусев. Приехал он чуть ли не с Украины. Может быть, он и наш выпускник был, я, честно говоря, этого не помню, но работал он не у нас, поэтому коллектив университета он фактически не знал, даже если и был когда-то нашим студентом. Тогда только назначенные были, и никаких выборов.

Так вот, Богомоллов начал с того, что со всеми стал знакомиться, и очень подкупил этим. Сказал, что филология очень важна, потому что она основа культуры. Это было заявлено, и на деле он, конечно, сделал очень многое, хотя заботился больше о мехмате, о вычислительном центре, который был создан его усилиями, это его детище. Правая рука у него была – проректор по учебной работе В.И. Бегинин, с кафедры общественных наук. Много нехорошего он сделал.

А.М. Богомоллов был хорошим ректором, но у него было такое качество: к одним относился хорошо, к другим – плохо. Расскажу о нескольких эпизодах, в которых я наблюдала поведение ректора.

Тогда перед Ученым советом в сложных случаях созывалась партийная группа Ученого совета для того, чтобы она выступала с единым мнением и голосовала как единое целое. Однажды нас собрал Анатолий Михайлович и попросил проголосовать за Савенкова. Напомню, что от Савенкова всегда хотели избавиться, в это время он уже не был деканом, деканом была Миронова, она же была председателем Головного совета. Савенков все время ставил палки в колеса Мироновой, благодаря ему она не могла получить заключение кафедры с рекомендацией её докторской к защите. Понимаете, человек не может защитить, потому что у неё нет



рекомендации организации, где она работает, хотя, конечно, она заслуживает защиты. Позже Совет проголосовал и дал ей рекомендацию, и она в Москве защитила докторскую.

И вот Савенков не прошел по конкурсу на географическом факультете. Он поехал в Министерство и там добился того, чтобы для него специально выделили дополнительную единицу, которой не было в штате. Все были уверены, что Совет, конечно, не будет голосовать за него. Богомоллов же собрал партгруппу Ученого совета и сказал, что просит проголосовать, прямым текстом сказал о том, что Савенков пригрозил ему: «Двух ректоров я уже довел до инфаркта и вас доведу». Богомоллов объяснил, что не хочет получать инфаркт и поэтому просит проголосовать. Мы его поняли, послушали, Савенков прошёл.

Другой эпизод. К нам на факультет в своё время по конкурсу прошли две фигуры: одна наша бывшая студентка, уже доктор наук, Евгения Андреевна Петрова, которую мы знали как хорошую студентку. После московской аспирантуры она не у нас работала, в Уральском университете. Вторая – доцент Татьяна Владимировна Ошарова. Были они «не разлей вода», причем главарём, конечно, во всех делах была Ошарова, а Петрова у неё на посылках: и ухаживала за ней, и всё, что угодно.

Татьяна Владимировна была одиноким человеком, и Евгения Андреевна была одиноким человеком. Из Уральского университета нам написали даже официальное письмо, что они, особенно Ошарова, весьма склочные особы и что университет рад от них избавиться, предупреждали, что мы получим весьма-весьма неприятных членов коллектива. Но поскольку мы хорошо знали Петрову, Ошарову же не знали совершенно, но нам был нужен человек с такой специализацией, всё-таки решились и взяли их.

Действительно, Татьяна Владимировна много-много раз пыталась какую-нибудь не то что бы подлянку, но что-то

неприятное подстроить, хотя она считала, что очень принципиально действует. Но только эти принципы не всегда совпадали с нашими, а иногда и полностью не совпадали.

Петрова и членом партии-то не была, только немножко «подголоском» Ошаровой. Короче говоря, мы с Ошаровой работали вполне нормально, мы знали, что её можно использовать во благо, и никаких конфликтов у нас она не породила: почвы не было. Однако если мы считали, что Ошарова поступает правильно, то использовали её как таран.

Потом к нам в университет попросился И.Н. Горелов<sup>159</sup> из Магнитогорска, он уже был доктор, профессор, и мы его знали как учёного, но абсолютно не знали как человека. Из Магнитогорского пединститута тоже поступило письмо, о котором А.М. Богомоллов официально объявил на Ученом совете, не скрыл его. В письме было написано, что Горелов, конечно, ученый, он, конечно, доктор и профессор, но работать с ним невозможно. Многие члены Совета стали выступать и говорить: «Зачем нам такой нужен?». Богомоллов сказал, что семьдесят докторов и профессоров смогут сладить с одним. И Совет проголосовал «за», мы его получили.

С самого начала Горелов попытался завербовать, так сказать, себе сторонников. Он знал и меня, и Лидию Ивановну, и мы его знали как учёного, встречались с ним на конференциях. Однажды он позвал нас к себе домой. Его поселили в общежитие на Вольской, там было квартирное крыло для преподавателей, где, кстати, очень долго жил Покусаев.

Мы с Лидией Ивановной какую-то вазочку китайскую Горелову на новоселье подарили, проявили, так сказать, ответное гостеприимство, но как человек он нам не понравился, мы не были с ним в близких отношениях, были в нормальных, в хороших.

И.Н. Горелов уже тогда начал работы по искусственному интеллекту, не знаю и не могу судить, насколько эти работы

были значительными, или он просто погнался за модой. То, что он очень много сделал в науке, – это невербальная коммуникация, в этом плане он основатель, это фундамент всех работ по невербальной коммуникации. Искусственный интеллект, может быть, это скорее модное популяризаторство, чем серьезная наука, я не могу судить, поскольку я в этом деле не специалист.

Однако Горелов хотел, чтобы все стали работать на него, а у нас были свои темы, которыми мы занимались, в этом деле мы ничего не понимали и поэтому отказали. Он пожаловался на нас, мы же сказали: «Пожалуйста, прочтите лекцию для всех, соберите всех желающих в кружок ли, семинар ли, как угодно назовите, и работайте с ними. Почему мы должны отдавать своих насильно?».

А.М. Богомоллов оказался прав, даже семидесяти профессоров не понадобилось, хватило факультетских докторов, чтобы Горелов понял, что он не может всех под себя подмять, и, как умный человек, он перестал просто-напросто это делать. Илья Наумович был уважаемым у нас профессором, имел своих преданных, вроде Константина Фёдоровича Седова, сторонников. Константин Федорович с ним работал, и они вместе выпускали «Основы психолингвистики». Когда мы приезжали в Москву, нам все говорили, какие мы счастливые: у нас работает И.Н. Горелов, очень крупный психолингвист.

Получается, А.М. Богомоллов правильно поступил. Горелов много ездил по миру, успешно работал в Германии, тем самым и на университет, вовсе не создавал никаких конфликтов, и всё было нормально.

На нашем факультете никакой склочный человек не может себя проявить как склочник, он вынужден от этого отказаться. Горелов до конца жизни работал в СГУ, конференция была его памяти, его продолжают и помнить, и уважать. В Магнитогорске в своё время были рады от него

избавиться, потому что, как они написали, индивидуальные черты его характера делают работу с ним невозможной, а мы не дали проявиться этим индивидуальным чертам характера. Горелов сначала претендовал на заведование кафедрой, но потом понял, что он профессор, но не заведующий.

Когда Богомоллов скоропостижно умер, прямо у себя в кабинете, на ректорство стал претендовать Бегинин, обещал золотые горы. Был претендентом и Дмитрий Иванович Трубецков, он приходил, конечно, к нам на факультет со своей программой, но меня на факультете тогда не было, не знаю, что он говорил. Я в это время участвовала в аттестации Северо-осетинского университета во Владикавказе. Валерий Владимирович Прозоров был в комиссии по выборам ректора, он не мог уехать и предложил на аттестацию меня, зная, что у меня там брат. Тогда ведь был ингушско-осетинский конфликт, там были страшные вещи, и туда страшновато было ехать. Поскольку из университета ехало шесть человек, то Валерий Владимирович считал, что я буду, так сказать, под охраной.

В Северо-осетинском университете я очень многих знала; когда приезжала туда, всегда в университет приходила, там было много конференций, в которых я участвовала, и по Головному совету туда приезжала, поэтому согласилась. Нас было шесть человек, Тюрин, какой-то математик, я уже не помню его фамилии, ещё кто-то, и я одна только женщина.

Когда прилетели в Минеральные Воды, никто нас не встречает, потому что мы с опозданием прилетели. Я позвонила брату из аэропорта, уже из аэровокзала, он сказал, что нас будет встречать университетский автобус. Шёл снег, и по дороге был снег, они уже выехали, но, наверно, из-за снега задерживаются. Мы часа два ждали, не меньше, но уже знали, что они едут, а мобильных тогда ещё не было, и, наконец, они приехали.

Темно, ничего не видно, снег сплошной, поэтому едем медленно. Их несколько человек приехало, чтобы «охранять». Они приехали за нами с едой и стали нас в автобусе кормить. Никогда не забуду: у меня вроде ещё зубы были, но курица недоваренная, жёсткая. Дали мне ногу, а я, как ни пыталась, никак не могла её откусить, угрызть, ножей-то не было, вилок не было, а откусить я так и не смогла. Конечно, нас там потом кормили, поили. Брат тогда жил напротив университета, не факультета, а университета, факультет был – чуть-чуть пройти. Уже была договорённость, что они меня довезут до дома брата, остальных повезли в гостиницу.

Когда я вошла в дом брата, сразу его не узнала, хотя много раз в этом доме бывала. Семья брата сделала ремонт, обили двери по-другому, и я сразу даже не признала, ведь меня встречавшие довели до двери и всё. Потом за мной пришли из университета, привели в университет, по дороге было скользко, снег, и одна я не пошла.

Брат меня учил-учил, как с их ключами обращаться, какие-то страшные были ключи, и двери какие-то страшные, потому что если пытаться открыть, то какие-то четыре металлических прочных стальных прута втыкались и в стену, и в потолок, и в пол. Короче говоря, я на все эти замки запереть не смогла. Мы плюнули на это, не на все заперли, а может, я считала, что не на все заперла, не знаю. Пришла в университет и первым делом позвонила брату, он в мединституте работал, это тоже было очень близко, он сказал, что всё в порядке.

Дело в том, что я вдруг совершенно лишилась голоса, у меня на снег такая аллергическая реакция. Я лишаюсь голоса на туман и снег.

Расскажу об этом подробнее. Когда-то в шестьдесят седьмом году (тогда первый раз мы познакомились с Гаузенблазом из Чехословакии, академиком) у нас работал Юлиан Григорьевич Оксман, я не была с ним в близких отношениях, но в хороших была. Я очень благодарна ему за

многое, он литературовед, я лингвист, поэтому у нас не было таких точек пересечения. Но, во-первых, Юлиан Григорьевич мне редкую дореволюционную лингвистическую книжку подарил, а главное, он учил меня: если я хочу, чтоб мою работу знали, я должна посылать её ученым независимо от того, знакома я с ними лично или незнакома. И я послала свою монографию по порядку слов В.В. Виноградову<sup>160</sup>. Когда я ему послала свою книгу, мне даже в голову не приходило, что он её откроет, а он-таки прочитал (это было для него, говорят, очень характерно: читать всё, что попадало в руки, и, если заслуживает, стараться этого человека продвигать), о чём я узнала от Виктора Давидовича Левина, ученого секретаря международной комиссии по стилистике славянских языков.

Работал тогда комитет славистов, и в промежутке между съездами собирал какие-то узкие совещания по определенной проблематике. Получаю я приглашение выступить с докладом на заседании этой комиссии за подписью председателя комиссии по стилистике и ученого-секретаря этой комиссии Виктора Давыдовича Левина, с которым была знакома. Повторюсь, мне даже в голову не приходит, что эта комиссия будет международной, хотя съезд славистов международный, но я думала, что это в пределах Советского Союза. Я была польщена, конечно, естественно, согласилась и предложила тему о роли порядка слов в художественном тексте.

Итак, меня на эту комиссию пригласили с докладом, и я спокойно согласилась, думая, что это внутреннее заседание в Москве, программу мне не присылали. Когда приехала в Институт русского языка, увидела (тогда я ещё могла в очках прочесть) на стене на лестничной площадке на доске объявлений (сейчас там зеркала) извещение о работе этой комиссии, перечень участников и докладов: из 15 докладчиков только 5 советских (Виноградов, Чичерин<sup>161</sup>, Гельгарт<sup>162</sup>, Гаспаров<sup>163</sup> – «киты», и я), у меня ноги-то и подкосились.

Потом спросила у Виктора Давидовича, не благодаря ли ему я сюда попала. А он ответил, что Виктор Владимирович ему сказал: «Вот я прочёл книгу Сиротининой, её стоит пригласить».

Я, конечно, Виноградова знала не только по работам, но и по его выступлениям, докладам и была абсолютно уверена, что меня-то он знать не знает, кто я для него. Но книжку послала благодаря Юлиану Григорьевичу, если бы не он, мне бы и в голову не пришло послать. Порядком слов Виноградов никогда не занимался, и с чего это я бы ему послала? А тут послала и получаю приглашение выступить с докладом.

И получилось у меня два совещания, близких по датам, второе – обсуждение проекта «Академической грамматики» (потом она вышла в семидесятом году). Пригласила меня на обсуждение проекта Шведова, хотя она в своё время, как я уже говорила, отказалась быть у меня оппонентом. Я поехала сразу и на комиссию с докладом, и на совещание с выступлением.

На совещании не было никакого пленарного заседания и секционных, было всего, как я уже говорила, пятнадцать докладов, пятнадцать участников, все остальное зарубежное: академик, чешский лингвист К. Гаузенблаз и так далее, на таком уровне. Из советских – академик Виноградов; киевский учёный Чичерин, он лингвист только немножко, литературовед; очень крупная величина из Твери (тогда ещё это был Калинин) Р.Р. Гельгардт; очень известная величина, известнейший специалист по стиху М.Л. Гаспаров, не Борис Михайлович Гаспаров<sup>164</sup>, современный, который в Америке, а который по стиху Гаспаров, и я.

Когда я начала читать свой доклад, спустился густой-густой туман, это было осенью, и у меня голоса нет, я стала хрипеть, хрипеть. Помню, Гаузенблаз (он тогда был хоть и академик, но выглядел очень молодым, был живой, энергичный) ко мне подскочил со стаканом воды, я, конечно, поблагодарила, но понимала, что это мне не поможет. Я еле-

еле дохрипела до конца доклад, а когда мы встретились с Гаузенблазом уже в Чехословакии и он спросил, хорошо ли я устроилась, я ответила, что всё хорошо, но единственное, чего я боюсь: вдруг опять во время моего доклада спустится туман, осень была. И он тогда так удивился и спросил: «Это у вас тогда из-за тумана, а не из-за волнения?». У меня такие вещи бывают, и я лекции, бывало, если снегопад сильный, не могла читать.

Во Владикавказе, о чём я говорила раньше, я тоже потеряла голос, еле-еле шепчу, мне всякие бумаги дают, я их читаю, а меня просят лекцию прочитать. Какая же лекция! Они предлагают всякие лекарства, я говорю, что это ничего не поможет. На следующий день снегопад кончился, вышло солнце, и у меня вернулся голос, лекцию я прочитала.

Дмитрий Иванович Трубецков, следующий ректор, когда представлялся, читал стихи, говорил, что он филологов уважает, ценит. Мы с ним встретились, когда я вернулась из Владикавказа, поздравила его с избранием. Ко мне он очень хорошо всегда относился, я даже и не знаю почему. Когда шло присоединение Пединститута, я была там тоже в комиссии, поэтому мы опять очень много общались, ещё встречались, ведь были академиками высшей школы, Международной академии наук высшей школы.

Однажды в Москве на заседании этой академии встречаю Трубецкова, он подходит очень добродушно, я не помню, как зашёл разговор о нашем корпусе. Мы тогда задыхались буквально, когда занимались на Радищева вместе с историками: аудиторий абсолютно не хватало, это был совершеннейший кошмар.

Однажды, деканом тогда была Светлана Александровна Бах, пришли из обкома, а она с ними разговаривает в коридоре. Они спрашивают, почему с ними разговаривают в коридоре, а не в кабинете. Светлана Александровна отвечает: «А потому что в моём кабинете сейчас идут занятия». Провести заседание



кафедры – это как в игольное ушко влезть, все консультации только в коридоре.

В эти годы, когда уже пришел Трубецков, физический факультет стал терять своих студентов, набор там был огромный, было фактически два физических факультета, триста человек приёма.

И вдруг всё это кончилось, и у них аудитории пустовали. Прозоров организовал комиссию, которая ходила по аудиториям других корпусов, отмечала, какие аудитории пустуют, и обратился к нему с просьбой пустить нас для работы в эти аудитории. Дмитрий Иванович ни в какую не хотел.

Когда мы с ним встретились в Академии, то он у меня просил совета, как ему поступить: какая-то компьютерная фирма просила отдать гардероб восьмого или девятого, уже забыла какого, корпуса, чтобы они могли продавать там свои компьютеры, и за это обещали ежегодно давать университету по компьютеру. В компьютерах нужда-то была большая, а денег, конечно, никаких. Он просил совета: соглашаться ему или нет. Я сказала, что надо, наверно, соглашаться, в это время с отоплением было очень плохо, и поэтому реально вообще никто не раздевался, сидели одетые. Он говорит, что не всегда так будет. Я отвечаю: «Зато компьютеры будем получать. Конечно, не знаю, как вы, а мы живем трудно в смысле аудиторий, и компьютера, конечно, у нас ни одного нет».

Потом свистопляска началась: Трубецков решил разбить наш факультет, чтоб он не был таким большим, разделить сначала романо-германское отделение, сделать романо-германский факультет. Мы же говорили, что мы всё-таки единое, мы всё время помогали романо-германцам, их «остепенили», можно сказать, они все прошли через нас.

Скажем, в Московском и Петербургском университетах единый факультет, там нет отдельно романо-германского, и мы об этом тоже говорили Трубецкову и отстаивали единство.

В какой-то мере мы из-за того, что с романо-германцами один факультет, проигрываем, потому что из-за всяких рейтинговых соотношений романо-германцы нас тянут вниз, потому что у нас докторов много, а у них один-единственный, и кандидатов у них не в таком количестве, как у нас, поэтому мы теряем очки. Но мы всё-таки считаем, что важнее филологическое единство, специальность у нас одна – филология. Наш Совет убедил романо-германцев не соглашаться, и они проголосовали против.

Тогда у нас же была подготовка журналистов, не было журналистского отделения, давным-давно, изначально, и почти все журналисты Саратова и многие даже на центральном телевидении – наши выпускники. Трубецков захотел открыть отделение журналистики на социально-гуманитарном факультете. Мы считали, что это просто глупость, причём он выступал по телевидению, и я своими ушами слышала, что он достал словарь Ожегова (такое ударение сделал) и там прочитал, что такое филология и что такое журналистика, сказал, что между ними нет ничего общего.

Я просто возмутилась, посмотрела по справочнику его телефон и позвонила ему домой тут же. Сказала, что сейчас слушала его выступление: во-первых, не Ожегов, а О́жегов, во-вторых, присуждают ученую степень филологических наук и только внутри выделяются специальности: «русский язык», «литературоведение» и «журналистика», в-третьих, в наш Головной совет по филологии журналистика входит. Он после этого мне сказал, что подумает, но остался при своём мнении, открыл на социально-гуманитарном факультете отделение журналистики. Я попросила его посмотреть учебный план: там же все предметы наши. Прозорову он сказал, что звонила Ольга Борисовна, пыталась убедить, но не убедила. Не убедила и не убедила – что поделаешь?

У Трубецкого было очень предвзятое отношение к нашему факультету, и меня поражало, что у него отношение к

Прозорову было плохое, хотя тот сделал всё, чтобы Дмитрий Иванович стал ректором.

Но я выступала в поддержку Трубецкого, когда решался вопрос о том, дать ли ему доработать до конца, считала несправедливым не давать ему доработать. Л.Ю. Коссович, В.С. Мирзеханов<sup>165</sup>, В.М. Долгов<sup>166</sup> выступили против. Самым тараном было выступление Мирзеханова, хотя и выступление Коссовича, и выступление Мирзеханова были абсолютно и правомерными, и обоснованными. В чём Коссович упрекал Трубецкого? В том, что он выделил КНИИТ из мехмата не только не поговорив предварительно об этом с деканом мехмата Коссовичем, но даже узнал об этом декан мехмата только после выделения, то есть никаких предварительных обсуждений не было, поставил перед фактом.

Безусловно, обвинения Мирзеханова по отношению к Трубецкому были справедливыми, вполне справедливыми. Но дело в том, что потом, люди-то не помнят, а я помню, те же самые обвинения Мирзеханов начал предъявлять Коссовичу, слово в слово. Некоторые наши даже достали газету университета, где это было опубликовано, только что фамилию изменить, а так – слово в слово.

Коссович тоже не испытывал благодарности к тому же Долгову, который помог «свалить» Трубецкого. Но тут я была на стороне Коссовича, и с очень большим удивлением и неприязнью приняла назначение Долгова проректором по учебной работе. Мне казалось, что это плохо для университета, что это неправильно, так же отрицательно я относилась к тому, что в своё время Трубецков не поддержал Муштакову<sup>167</sup>, хотя должен был поддержать, и к тому, что он не поддержал А.А. Сытника. Я не могу сказать, что он был неправ, Сытник не был хорошим проректором по научной работе, и Трубецков заменил его на Д.А. Усанова, считаю, что Дмитрий Александрович был одним из лучших проректоров. Но когда он заменял Усанова на Мельникова, то это было вообще...

Самое интересное, что когда Трубецков рекомендовал Мельникова на ректора, то он говорил, что если выберут Мельникова, то всё останется, как было при нём, а никто не хотел, чтоб как было при нём. Это была стратегическая ошибка. Тогда Трубецков был в почете у Аяцкова<sup>168</sup>, его сделали почетным гражданином Саратова, он был председателем Совета ректоров. Дмитрий Иванович назначил вместо Муштаковой проректором по учебной работе некоего Хасина, по-моему, он был не доктор, кандидат с кафедры общественных наук, он был пришлый, пришел, по-моему, из ПАГСa.

Трубецков убрал руководство нашего издательства и назначил главным редактором тоже какую-то даму из ПАГСa. Когда я увидела в сборнике в мою честь, к моему юбилею, к восьмидесятилетию, список трудов, который был мною подготовлен, «вылизан», мне прямо дурно стало. Меня, честно говоря, спасло только то, что я подчиняюсь разуму, а не эмоциям. Иначе бы был просто инфаркт: они убрали из списка трудов все издательства. Это было обидно и нехорошо, потому что у меня было очень много академических, московских издательств. И ещё: «Вопросы стилистики», идет перечень двадцати восьми выпусков, а потом с отступом были мои рецензии и обзоры на «Вопросы стилистики», были монографии, а потом с отступом мои рецензии, обзоры на них, так они сделали всё сплошь, и получилась вообще дикость.

Когда ректором стал Коссович, я выступала в его поддержку, потому что доверяю только тому, чему я была свидетелем. Я не слышала на Ученом совете, чтобы он сказал кому-нибудь грубость. Я не знаю, что вне Ученого совета, но на Совете он ни разу не сорвался, хотя было очень много поводов, проявлял выдержку. Он сделал всё для поддержания лица Трубецкова и самого Трубецкова, он сохранил ему ректорский оклад, он же не обязан был это делать?

Коссович выделил Трубецкову машину, когда тот одно время с трудом ходил: у него были проблемы с ногами, оказалась полупарализована ступня в результате всяких операций на венах. У Трубецкова была персональная машина с шофером, которая его возила. Откуда я знаю? На какое-то заседание комиссии по этике, председателем которой был Прозоров, а я её членом, Валерий Владимирович выпросил у ректора для меня машину. Когда мы ехали, между Прозоровым и водителем зашёл разговор, и Прозоров спросил шофёра, сможет ли тот отвезти меня назад. Водитель сказал, что сможет, потому что за Дмитрием Ивановичем он должен поехать только тогда-то. Прозоров спросил, всегда ли он Трубецкова возит. Водитель ответил, что специально прикреплен к Дмитрию Ивановичу для поездок. За это я Коссовича уважаю, уважаю и ценю.

После Л.Ю. Коссовича ректором был избран проф. А.Н. Чумаченко<sup>169</sup>, а Л.Ю. Коссович стал президентом СГУ.

Из-за возраста, пандемии и компьютеризации (я в компьютерах ничего не вижу) у меня уже нет тесного контакта с ректором. Современный ректор А.Н. Чумаченко не советуется со мной, но с днями рождения поздравляет. Сказать что-нибудь о характере его ректорства ничего не могу.

Уже нет Головных советов, Совет при Президенте по русскому языку возобновлён, но, естественно, без меня. Однако успехов ни в его работе, ни в работе его председателя В.И. Толстого (потомка Льва Толстого) я не вижу, хотя нужда в активной работе Совета по русскому языку, несомненно, есть (об этом несколько подробнее в последней главе «Жизнь продолжается...»).

## ГЛАВА VIII

### Как подведение итога

На меня влияют все люди, и очень интересные, и не очень, и положительно, и негативно мной оцениваемые. Любой человек, с которым я где-то когда-то встретилась (я могу не помнить ни его имени, ни фамилии), какой-то след во мне все равно оставил.

В положительном смысле всю жизнь больше всего на меня влияла художественная литература, я ориентировалась на неё и на её героев, перестраивала себя под её влиянием. Очень большую роль сыграло, конечно, мое самое близкое окружение. У меня расширенное понятие *родители*, в него входило семь человек: бабушка, мама, папа, тетушки. Я видела, что эти люди всегда в работе, и не существовало таких причин, которые могли бы свернуть их с избранного пути и заставить уклониться в сторону.

Все мои подружки, одноклассницы говорили: *какая вот ты счастливая, у тебя столько людей, которые в тебе души не чают*. Я соглашалась, но понимала, что в старости мне же придётся за ними за всеми ухаживать. Так оно в жизни и произошло. Восемь лет мама была в состоянии, в котором просто не живут, а она жила, как говорили врачи, благодаря моему уходу. Почти так было со всеми моими тётушками, а с одной особенно досталось: последние годы Любовь Николаевна Сиротинина не узнавала фактически никого, была полностью лежачая, кормили с ложечки, ничего не могла сама, а памперсов тогда ещё не существовало. Галина Николаевна Самойлович (Сиротинина) то что-нибудь ломала, то у неё воспаление лёгких, то опоясывающий герпесный лишай. Было очень тяжело, но в эти годы мне уже всячески помогала моя дочь Таня, она ночь брала на себя.

Сформировал меня профессионально, нравственно и как угодно ещё, конечно, университет.

В качестве образца преподавания у меня был гибрид двух: Александр Митрофанович Лукьяненко и Александр Павлович Скафтымов. Александр Митрофанович научил читать лекции. Он был очень эмоциональный: во время лекции бегал по аудитории, прямо захлёбывался от восторга, когда приводил какие-нибудь индоевропейские параллели, заражал своим интересом к языку всех и вся. Строгую логику изложения я взяла у Александра Павловича. Он никогда не навязывал свою точку зрения, правда, её легко было угадать, поддерживал любую инициативу, но если был неудовлетворён, так и говорил. В отличие от Александра Митрофановича, читал лекции очень ровным тоном, поэтому некоторые мои однокурсницы говорили, что на его лекциях скучно. Мне никогда скучно не было, потому что это всегда было такое глубокое содержание и такая железная логика, которая меня покоряла и заставляла быть на лекциях невероятно внимательной. Он научил меня быть предельно выдержанной.

Я как-то проводила анонимный опрос студентов, что они видят положительного в моём лекционном изложении и что негативного. Негативным было не очень внятная речь (поскольку губы у меня после 1979 г. парализованы, и я ничего тут не могу, естественно, сделать). Положительного было много, но меня поразило то, что большинство отметили железную логику изложения. Я ведь не могу читать лекции по конспекту из-за глаз, поэтому то, что эта логика существует, было приятно узнать. Студенты написали, что несмотря ни на что: ни на физическое, ни на психологическое состояние (уж из чего они это вывели, не знаю), но всегда это лекции высшего качества, в отличие от других преподавателей, у которых могут быть хорошие или плохие лекции в зависимости от их состояния. Значит, они угадывают это состояние. Я была потрясена.

Когда-то я очень часто чувствовала себя плохо, потом я стала здоровее, чем была в молодости и в средние годы жизни,

боялась просто-напросто упасть, иногда, особенно в очередях, теряла сознание. На лекциях я, конечно, никогда неподвижно не стояла, а ходила, но бывало, что боялась ходить и тогда уже садилась. Со мной всегда была таблетка валидола, но это не для сердца, а для мозга. Раньше у меня бывали, иногда несколько раз за лекцию, приступы жуткой тошноты, спасал только валидол.

Самую большую роль в моем становлении сыграла, конечно, Лидия Ивановна Баранникова. Она была очень больным человеком, всю жизнь ходила с палочкой (без палочки я её никогда и не знала). Лидия Ивановна была олицетворенное спокойствие, в этом плане – ученицей Александра Павловича. Я восхищалась этим спокойствием, этой невозмутимостью. Потом, когда мы с ней подружились, я бывала у неё дома и видела в самых разных ситуациях, поняла, что тут она прямая противоположность спокойному человеку. Дома она была невероятно нервно реагирующей на всё.

Именно она возбудила во мне интерес к живой речи. Когда я была ещё студенткой, Лидия Ивановна начала приучать меня к тому, что надо собирать лингвистическую литературу. Приводила в букинистический магазин (в годы войны в обычных магазинах вообще никаких книг по лингвистике не продавалось, просто не издавали), там можно было многие вещи купить. Она что-то покупала и мне советовала. Это стало началом формирования моей лингвистической библиотеки.

Лидия Ивановна (когда стала заведующей, а до этого Александр Митрофанович) не давали проклянуться даже зародышу каких-то склок, претензий друг к другу. Считаю, поэтому у нас на кафедре сложился такой идеальный коллектив.

Из тех, с кем я общалась за пределами нашего университета, очень большую роль в моей жизни сыграл



Михаил Викторович Панов – принципиальный, прошедший войну, человек широких и глубоких взглядов. Он ценил во мне научную толерантность. В ВАКовском положении сказано, что диссертацию надо оценивать не с точки зрения того, что ты хотел бы в ней увидеть, а с точки зрения того, что диссертант поставил в качестве своих задач и насколько он эти задачи выполнил. Я этому следую и ещё стараюсь увидеть то, что диссертант сам и не заявил, а я углядела.

Я всегда учусь, и это не слова, это действительно так. Учусь у всех и у каждого. У тех, кто у нас защищает, у тех, кто у меня пишет дипломные, курсовые работы. Конечно, далеко не у всех можно что-то взять, но если можно взять, то обязательно учитываю, беру, так сказать, на вооружение. Моя патологическая (как сама её называю) память меня всегда спасала, но сейчас она далеко не та. Это самое мучительное.

Многому меня научила Елена Андреевна Земская, с которой мы часто, невероятно часто спорили, но были в очень хороших отношениях. В те годы, когда я без конца ездила в Москву, всегда приходила к ней домой и иногда даже оставалась ночевать, потому что наши споры затягивались до такой глубокой ночи, что уже поздно было возвращаться.

Многим обязана своему редактору, работавшему в издательстве «Просвещение», Глебу Васильевичу Карпюку<sup>170</sup>. Дело было так. На одной из конференций Борис Николаевич Головин познакомил меня с научным редактором «Просвещения», кандидатом филологических наук, он сам писал много книг. Борис Николаевич порекомендовал ему заказать мне какую-либо книгу. По заказу этого издательства я писала учебное пособие «Современная разговорная речь и её особенности», написала и привезла её в Москву. Глеб Васильевич сказал, что я написала монографию, а теперь из неё надо сделать учебное пособие. Ровно месяц мы с ним сидели в издательстве с девяти утра до девяти вечера, издательство уже пустело, все

уходили, а мы с ним сидели вдвоем и каждое предложение путём споров доводили до приемлемой кондиции. Я не преувеличиваю – каждое предложение. У него была манера говорить: *а я этого не понимаю*. Конечно, он всё понимал, но ставил себя на место студента и так говорил. Он привил мне навыки редакторской работы. Субботы и воскресенья этого месяца мы сидели у него дома, но уже не до девяти вечера. Я с ним и его семьёй обедала и уходила где-то часов в семь или восемь. Работали месяц без единого дня передышки.

По его же предложению я написала новую книгу под названием «Русская разговорная речь». Теперь уже такой кропотливой работы по редакторской правке не понадобилось, он сказал, что я научилась и ему не требуется сидеть со мной и править. Третья книга «Что и зачем нужно знать о разговорной речи» издавалась уже без моего участия в подготовке к изданию. Правда, немножко руку он все-таки приложил: надо было где-то какой-то хвостик дополнить, где-то сократить, но он это делал достаточно грамотно, и поэтому претензий к нему у меня не было. Жалко, что некоторые вещи не вошли, но что делать – не влезло. Как редактор, он меня очень многому научил. Сейчас с Маргаритой Анатольевной мы часто выступаем соредакторами, но при этом она смотрит только содержание, совершенно не обращая внимания на форму, а я занимаюсь формой: переставляю, заменяю слова и так далее и тому подобное. Теперь из-за глаз не могу попасть туда, куда надо, когда исправляю: рук не хватает, лупа мешает, третьей-то руки нет. Всё делаю только лёжа, а не сидя за столом.

На меня оказал большое влияние Виктор Владимирович Виноградов. Я относилась к нему с безусловным уважением, но многое в нём не нравилось. Он всегда вёл себя высокомерно, наверно, это объяснялось его абсолютно непререкаемым авторитетом, смотрел на всех свысока, позволял себе быть барином. Может быть, так казалось со

стороны, и моё мнение несправедливо. Близко я с ним не соприкасалась: он был заведующим кафедрой в МГУ, директором Института русского языка. Знала его только по конференциям, где он сидел как недоступное божество, признанное всем миром, президент МАПРЯЛ.

Потом узнала, что у него была очень трудная судьба, и барская манера, возможно, во многом не сущность, а своеобразная маска, которая помогала ему в жизни. Меня всегда потрясала его невероятно широкая эрудиция. Позже я узнала, что он, как и я, был до конца жизни быстрочтецом (у меня-то это ушло с глазами).

Пятидесятые-шестидесятые годы были трудными годами, в это время бушевали всякие репрессивные кампании: антикосмополитическая, антигенетическая и тому подобное. Я с этим и сама столкнулась и уже тогда поняла, что есть люди в толпе, а есть наверху. И если сверху дан посыл, то некоторые рьяно в нём участвуют, выполняя приказание, а есть люди, которые действуют трезво, не теряя ни разума, ни чувства порядочности. Университет дал много таких фигур, например, Евграф Иванович Покусаев и Мария Нестеровна Боброва. Это были люди, которые не шли в потоке, не поддавались слепому эффекту толпы, хотя противостоять этому было и трудно, и даже страшно. И пример мамы: она открыла истину не только в страшной борьбе с грибком, но и в борьбе с людьми. Я поняла это и в своё время укрепились в мысли, что человек никогда не должен терять себя, должен оставаться порядочным и в научной, и в какой угодно другой сфере. Тому подтверждение – поведение Евграфа Ивановича, который защитил меня в трудной ситуации, и смелость Марии Несторовны, когда была опубликована статья Ю.Г. Оксмана.

Я уже понимала тогда и убеждена теперь, что у каждого человека может быть много недостатков. Но я стараюсь ориентироваться на хорошие качества людей и ценю их за

это. Всегда в отношениях с людьми нужно стараться увидеть хоть что-то хорошее и его усилить, на это опереться, но не ставить людей на пьедестал и одновременно не гиперболизировать их недостатки. Это помогает мне и в отношениях с учёными, занимающими не согласные со мной позиции.

Мы очень дружны с Волгоградом, с В.И. Карасиком<sup>171</sup>, например, с москвичами самых разных вузов, с пермяками, с уральцами, но нигде ни с кем не соглашаемся во всём, как и они с нами. Скажем, Ольга Алексеевна Лаптева и та же Елена Андреевна Земская и её ученики, коллеги и соратники до последнего времени были абсолютно нетолерантны между собой, камня на камне друг от друга не оставляли, абсолютно друг друга не принимали. Нас же и та и другая сторона принимала, мы и с той и с другой стороной были в хороших, дружеских отношениях. И только в последние годы в Институт русского языка на «Шмелёвские чтения» стали приглашать Ольгу Алексеевну Лаптеву, раньше это было невозможно.

Когда человек находится в шорах своей позиции и не хочет ни признавать, ни даже замечать наличие других позиций, его взор невольно сужается. В нашей же школе изначально воспитана не просто толерантность, а уважение права на другую точку зрения и требование знать эту точку зрения, проверять её своим материалом. Только тогда можно обосновать свою правоту и добиваться научной толерантности с противоположной стороны. Это открывает простор для дискуссий на конференциях и в кулуарных общениях. Сами доклады, их обсуждение на конференции наталкивают на новые направления поиска, на новые направления проверки идей, иногда заставляют отказываться от прежней точки зрения, и это тоже бывает.

Многое мне дали споры с моими учениками, особенно – Василием Семёновичем Юрченко и Александром Павловичем Журавлёвым. Многие из ныне живущих и у нас

работающих значили и значат в моей судьбе, в моей научной работе. Каждый что-то вносил.

Образцом для меня, конечно, всегда является мама. Она была уже полностью лежачей, после инфаркта, с аневризмой сердца, в абсолютно нежизнеспособном состоянии, но откликалась на любой призыв о помощи. За ней приезжала машина и везла её для того, чтобы сделать анализ, который кроме неё никто не мог сделать.

Я следую её методу поиска истины: анализировать, проверять, отвергать, работать методом исключения и находить, наконец, то, что действительно послужило причиной явления (у неё – отравления). У меня так: пришла какая-то мысль в голову, я не беру её сразу как единственно возможную, такого не бывает никогда, я начинаю её проверять, перебираю лингвистические факты, смотрю, насколько часто встречается, может быть, это просто ошибка, случайное – вот это у меня всё время в голове. Запоминать – безусловно, анализировать – безусловно, обобщать факты – безусловно, но каждый факт, который не укладывается в мою теорию, – не отбрасывать как ничего не значащий, а проверять, насколько он случаен или всё-таки здесь можно нащупать какую-то закономерность.

Был у меня аспирант, Николай Леонидович Шамне<sup>172</sup>, теперь уже доктор в Волгограде. Когда писал кандидатскую по безглагольным предложениям в трех языках: русском, английском и немецком, у него столкнулись два учителя: аспирантский, я, русист, и студенческий, по его дипломной, – уважаемый, авторитет, тогда проректор по научной работе. У него, проректора, одна позиция: *так и больше никак*, а у меня другая: *всё надо проверять, ничего нельзя отбрасывать, нельзя иллюстрировать свою теорию фактами, подбирая их под себя, надо идти от фактов, обобщая их и вырабатывая тем самым теорию*.

Н.Л. Шамне показал ему свою работу, а тот забраковал и поставил на ней крест. Мне стоило очень многих трудов убедить аспиранта, что надо продолжать делать и защищать.

Дело было в том, что в немецком и английском языках, как написано в любом учебнике, безглагольные предложения невозможны, глагол должен быть обязательно. А Николай Леонидович анализировал конкретные художественные произведения на этих языках и находил там безглагольные предложения, причём это не речевая ошибка, это факт, который нужно объяснить. Считается, что ни в английском, ни в немецком не употребляются предложения *Снег, Утро, Ночь*, а они у хороших писателей есть. Оппонентом у Шамне был Ю.М. Скребнев, тогда из Нижнего Новгорода, и он отметил как одно из удивительных положительных достоинств, что диссертант не прошёл мимо ни одного факта, даже если этот факт не ложился в концепцию. Только тогда Николай Леонидович полностью убедился в моей правоте. Ю.М. Скребнев был очень большим специалистом по языкам, и по английскому языку в частности, концепция диссертации противоречила его теории, но он её оценил справедливо. Чем больше я живу, тем больше убеждаюсь, что все настоящие ученые умеют оценить пусть даже противоречащие им теории, концепции, факты.

В науке существует два больших греха: фальсификация фактов и плагиат. И с этим никто не спорит. Третий грех, о котором говорят меньше, но который, к сожалению, широко распространен, – фактическая фальсификация фактов, когда они подбираются под теорию. Есть два подхода к изучению той же разговорной речи. Можно записывать её сплошь на магнитофон и искать что-то особенное, а можно фиксировать на бумаге то, что услышал. Вся беда в том, что на особенное срабатывает человеческий субъективизм: человек слышит только то, что ищет, что хочет услышать. То, чего он не хочет услышать, невольно не замечает, несознательно отбрасывает.

Я сторонница совмещения этих двух методов, одно должно проверяться другим. Конечно, в магнитофонную запись может не попасть то, что попало в ручную, и мимо ручной записи проходить нельзя, но строить всю теорию только на ручных записях, тем более говорить о том, что это свойство или несвойство – тоже нельзя, потому что это может быть случайность. Я упоминала *попаду́йство*, которое москвичи вывели как признак разговорного языка. В наших материалах, очень больших, причем вместе с ручными записями, никак не получается, что это действительно типично.

Я считаю, что количественные методы должны быть обязательно, но при этом необходимо помнить о законе статистики. Всем законам статистики подчиняется только то, что имеет *нормальное распределение*. В языке нормального распределения не бывает, поэтому все статистические методы проверки на достоверность не корректны. Они дают вероятность – 95 процентов. В языке сразу действуют так много факторов, что нормального распределения никогда не бывает. Работает, например, речевая привычка, выработанная в семье, работают индивидуальные особенности, в том числе и языковой вкус: у одного человека может быть одно, у другого – другое. Для достоверных выводов обязательно исследовать речь разных людей, и их должно быть много, речь одного и того же человека в разных ситуациях, много разных ситуаций.

Я убеждена, что в языке есть функциональные стили, в речи они не всегда представлены в чистом виде, далеко не всегда, но в системе языка существуют. Стиль, время, эпоху – ничего нельзя смешивать. Когда люди объявили, что порядок слов в русском языке свободный, они всю речь взяли вместе. А если всё смешивается, то получается, что всё возможно. На самом деле есть законы, нормы, и они разные в разных видах, формах речи, даже у разных людей они тоже

могут быть разными. Я стремлюсь видеть всё многообразие речи, учитывать как можно более широко всё её разнообразие, искать объяснение каждому факту и **приходить** к теории, а не идти от неё. Конечно, обратный путь от дедукции к индукции тоже существует, но уже для проверки. Проверая дедукцию, нельзя отбрасывать всё, что в неё не укладывается, нельзя это игнорировать. Надо находить этим фактам объяснения, а если они пока не находятся, то всё равно их фиксировать, говорить о том, что они есть. Возможно, объяснения найдет кто-то другой.

В основе нашей школы лежит принципиальная научная честность, и я считаю, что она – абсолютно необходимое условие работы. Конечно, всегда надо иметь в виду, что каждая классификация – прокрустово ложе. Юрий Максимович Скребнев говорил, что языковой континуум членит учёный, который всегда субъективен. Я это услышала впервые в одном из его докладов и всегда использую и в преподавании, и в научной работе, и своим ученикам обязательно об этом говорю. Всё у меня складывается в мою копилку памяти, а там всё работает, винтики крутятся, и в результате получаются какие-то теории реальности и прогнозы.

Сейчас нужно все силы прикладывать к тому, чтобы система языка не обеднялась, расширялась, пополнялась. Я никак не пурист, ни в коем случае, всё, что способствует увеличению смысловых различительных возможностей, – во благо, а всё, что обедняет язык, – ему во вред. Этого нельзя допускать.

На этом я, наверное, остановлюсь.

В начале я сказала, что прожила счастливую жизнь. И это действительно так. Я ощущаю себя счастливым человеком. Почему? Во-первых и прежде всего потому, что ощущаю свою нужность науке, которую люблю и которой предана всей душой. Потому что ощущаю нужность людям,



окружающим меня и по работе, и по дружеским связям. Я считаю великим счастьем то, что мне до сих пор удаётся что-то делать в науке.

Второе. Я неоднократно убеждалась в том, что люди-то хорошие. Скажем, дочь, конечно, порох, вспыхивает моментально, но она же хорошая. У меня нет ни одной тысячной, миллионной доли сомнения, что она меня любит, ценит, уважает и всеми силами старается помочь. Поэтому я никогда на неё не обижаюсь, только сама стараюсь ей помочь. У нас с ней взаимное «помогание». Разве это не счастье?

Слава богу, что была любовь, слава богу, что есть дочь. Когда-то меня очень мучила мысль, как ко мне относится мой брат, он же на 20 лет моложе и от другой матери. Я его очень любила и люблю, чем могла помочь, всегда помогала. Он всю жизнь жил в другом городе, совершенно другая специализация (физиолог), и какой-то особой близости от него я на первых порах не ощущала. Иногда, когда болели мама или мои тётушки, а их брат, который жил далеко, в Киеве, всегда был готов примчаться на помощь, сравнивала и думала: *а вот мой брат ко мне вряд ли так примчится*. Не то чтобы это меня мучило, неверно сказала, я это констатировала и относилась к этому как естественному факту, меня это несколько не обижало.

Когда же я свалилась в Геленджике с полным параличом и дали телеграмму домой, я не сомневалась, что примчится дочь, правда, никак не ожидала, что она примчится так быстро. Срочная телеграмма шла почти сутки, она её прочитала вечером на следующий день, потому что это было воскресенье и она была на пляже. Но как только узнала, за один час утрясла все вопросы со своим начальством (что берёт отпуск без сохранения содержания), муж Мары Борисовны помог купить билет на самолет, и она в тот же вечер вылетела как была без всего, летела с пересадкой, среди ночи прилетела в Краснодар и оттуда на каком-то автобусе в Геленджик. В 5 утра уже была

около меня. Это было счастье. А второе счастье было в том, что наши позвонили моему брату, он жил в то время в Ростове, он тут же позвонил врачу в больницу, спросил, не будет ли тот возражать, если привезут консультанта. Мой врач, Николай Николаевич Ушмаев, калмык, был очень хороший во всех отношениях, поэтому сказал, что будет только рад. Брат приехал с консультантом, доцентом Ростовского мединститута по профилю моей болезни, а потом организовал мой перелёт в Ростов, и там каждый день находился около меня. Оказалось, что он такой же брат, как и мой дядя, ничуть не хуже. Потом уже его жена рассказывала, в каком жутком состоянии он был, узнав, что я так тяжело больна. Уже после этого мы очень сроднились, с годами у нас стало много точек соприкосновения, потому что он был председателем диссертационного совета, я зам. председателя диссертационного совета, и мы без конца обменивались всякими диссертационными проблемами. Между нами очень большая близость, и разница в возрасте уже абсолютно не ощущается, это, конечно не то, когда я была доцентом, а ему 6 лет.

После моего параличного состояния в семьдесят девятом году я научилась ценить именно как великое счастье все те жизненные мелочи, на которые здоровый человек просто не обращает никакого внимания, потому что это так естественно. Проглотил – это же естественно. А для меня то, что я могу глотать, могу дышать, могу поворачиваться, вставать, ходить – это уже счастье. И пусть даже я почти слепая, но всё-таки не совсем, пусть с лупой, но ещё могу читать. Это тоже счастье, потому что готовила-то я себя ещё в аспирантские годы к полной слепоте, а до сих пор могу пользоваться глазами.

Счастье, что я стала здоровее, чем была в молодости, йога спасла от жуткой бронхиальной астмы.

Есть у меня какое-то шестое чувство, я давно в этом неоднократно убеждалась. Был когда-то такой эпизод. Мы в

диалектологической экспедиции разными группами разъехались в разные сёла, пришли вечером от информантов в сельсовет ли, в правление ли колхоза, а нам говорят, что звонили и сказали, что мы сегодня же обязательно, во что бы то ни стало должны приехать в Пугачёв в место общего сбора. Мы поехали, естественно, на какой-то попутной грузовой машине. Приехали в Пугачев фактически ночью, но, как было сказано, сегодня. Полная тьма, ни фонарей, ни людей. Мы были здесь один раз, шли до пункта заготзерна, откуда садились на машины. Я вижу плохо, ориентируюсь из рук вон плохо, а нормально видящая студентка Клава, которая была со мной, говорит, что не представляет, куда идти. Что делать? Идти-то надо. Клава всё время говорит, что мы не так идём. Но я же привела! Каким образом – сама не знаю, какое-то шестое чувство во мне срабатывает: я не вижу, но ощущаю.

Не могу сказать, что я экстрасенс, вижу человека насквозь, но однажды зимой упала и буквально видела, как кость ломалась, как вывихивался локтевой сустав. Врачи действительно потом сказали, что у меня вывих и перелом. Я всё недоумевала сама перед собой: как же я могла видеть, ведь была в зимнем пальто, сколько на мне надето, не говоря уж о коже! А я видела как на картинке, как на экране. И после этого много раз ломалась и всегда это видела. Я не сомневаюсь в том, что, если б у меня было нормальное зрение, таких результатов в науке, жизни, я и не достигла бы.

Моему мозгу свойственно наблюдать, копить собранный материал, анализировать, обобщать и делать заключение. Приведу одно такое заключение, в котором я уверена на сто процентов: человек живёт, пока он борется, пока не сдаётся, а если сдаётся – сразу же погибает. Мой папа умирал так (я этого не видела, это было во Владикавказе, мне его жена рассказывала): утром встал, позавтракал, собрался идти на лекцию, почувствовал себя

плохо (он вообще последние годы очень болел и чувствовал себя всё время плохо, хотя ещё работал), сел в кресло, сказал, что плохо себя чувствует, и потерял сознание. Жена-то его врач, и она сразу стала делать массаж сердца, принимать всякие меры. Тут же позвонил по телефону сын, пришли коллеги-врачи (они жили во дворе мединститута), начали тоже помогать. Папа пришёл в себя и стал активно участвовать в своём спасении: «Попробуйте внутриартериальное введение таких-то лекарств». Но не успели попробовать сделать, он умер, хотя боролся до конца. Ему было шестьдесят шесть. Значит, не безграничны наши возможности, есть пределы.

Я прожила долгую жизнь, и в общем и целом мне за неё не стыдно, потому что я ощущала и ощущаю свою нужность людям. В этом, считаю, мое счастье и стараюсь по мере возможности оставаться такой же нужной для всех, с кем как-то соприкасаюсь: родных, коллег, друзей, преподавателей и так далее и тому подобное.

Когда-то я мечтала о том, чтобы увидеть 2000-й год, то есть дожить до 77 лет, но это уже давно пройдено, и теперь моя задача дожить до ста лет, ведь одна из моих тетушек дожила до ста лет и ещё три недели, поэтому и я, так сказать, надеюсь.

Я уверена во всех своих учениках, они никак без меня не пропадут, хотя часто говорю: *ну вот вы всё идёте ко мне, а когда меня не будет, надо же и своим умом жить*. Во все критические точки своей жизни, а их было, к сожалению, очень много, когда в полном смысле слова было очень мало вероятности выжить, я спокойно относилась к возможной смерти, абсолютно трезво, разумом, а не сердцем. Никогда не пугалась этого, ставила какую-то точку. Когда был полный паралич (полирадикулоневрит Ландри), сказала себе сама: *56 лет я прожила и слава богу*. Но я никогда не сдавалась, начинала искать выход, все мои силы были устремлены на то, чтобы выжить, побороть немощь.

Однажды я в прямом смысле слова тонула в зыбучем иле (это было на 1 курсе на берегу Волги). Я брала пробы воды на холеру и не знала, что под ногами не просто грязь, а зыбучий ил. Из осторожности, боясь разбить склянки, не прыгнула с плота, который стоял на берегу, а спустила ногу (по узкой доске мне было очень страшно и трудно идти на плот). Я решила: пусть ноги испачкаю, но не пойду по доске, а нога сразу ушла, не по колено, а вся до паха, в этот ил. Вытащить не могу, а кругом на берегу на несколько километров никого, так что взывать о помощи бессмысленно. Жалко было, что часы вместе со мной пропадут, тогда часы были очень большой редкостью и ценностью. Решила, что надо стараться, закинула склянки, уже не думая о том, что они разобьются, на плот (кстати, они не разбились), ухватилась двумя руками за брёвна и начала, буквально по миллиметру, вытаскивать ногу. Это длилось очень долго, но все-таки я её вытащила. Потом наплевала на холеру и стала обмывать себя в Волге, ведь вся была в жуткой грязи. Продолжала брать пробы уже по узкой четырехметровой доске, ходила, преодолевая свой страх, фактически переползая.

В жизни я до последнего борюсь, как лягушка в молоке, которая взбивает своими движениями сначала сметану, потом масло и тогда вылезает.

## ГЛАВА IX

### Жизнь продолжается...

После первого издания мемуаров прошло почти 13 лет, и мне захотелось второе издание закончить главой «Жизнь продолжается». А она действительно продолжается.

Казалось бы, 13 лет – это очень мало на фоне почти столетней жизни. Но за это время изменилось всё и кардинально: не только наступила старость с её влиянием на человеческие возможности, но изменилась и вся жизнь людей. Компьютеризация «всего и вся» (мне она, как уже говорила, недоступна), а потом и пандемия с её вынужденной дистанционностью привели к коренным изменениям жизни в стране.

Остался год до моего столетия, понятно, что я уже давно ушла не только от заведования кафедрой, поста главы первого Президентского Совета по русскому языку в Поволжье, но и от активной преподавательской деятельности. В настоящее время продолжаю работать на кафедре на 0,25 ставки. Сейчас у меня курс «Научной коммуникации» в магистратуре, поэтому читаю присланные магистрантами рефераты и главы их выпускных работ, руковожу соискателем из Петербурга. У меня ещё должность заместителя председателя диссертационного совета. Пишу статьи, слушаю СМИ и записываю то, что не нормативно (или и нормативное, если встречается и то, и другое), читаю в тех же целях «Московский комсомолец» и записи отдаю на кафедру, чтобы могли воспользоваться и другие исследователи. Раньше читала много газет и выписки из них тоже недавно отдала на кафедру.

Благодаря мудрой маме, приучившей никогда не сдаваться, я все ещё живу, очень много мне помогает дочь, которая уже давно пенсионер, но тоже продолжает работать в СГУ и занимается всеми домашними делами.

Не могу не сказать о большой сегодняшней проблеме, которая образовалась с приходом в нашу жизнь Интернета: люди совершенно перестали что бы то ни было запоминать, потому что всё можно в этом Интернете найти. Сейчас уже высокопрофессиональные неврологи говорят: постоянное пользование Интернетом изменяет структуру головного мозга. Отмирают или не развиваются клетки мозга. Человек теряет навыки размышлений. Компьютер развивает преимущественно навыки реагирования. Только реактивные ответы: лайк, краткий комментарий. А книги... Они обучают искусству думать, анализировать, созерцать...

Все это очень изменило вузовское обучение. И моя старость с изменившимися возможностями, и вся изменившаяся жизнь людей, конечно, повлияли на изменение моих научных (и не только моих) интересов. Всё это очень сказалось и на условиях развития наук, в том числе и лингвистики (особенно в её русских вариантах), и на законодательстве: меняются требования к публикациям, работе диссертационных советов и т.д.

Вся страна (и российские учёные, конечно, не исключение) с тревогой и надеждой следит за начавшейся специальной операцией на Украине по защите Донбасса и Луганска с ответной реакцией на неё Запада.

Дистанционное обучение привело к тому, что даже уже не осуществляется во время лекций их записывания студентами, они перестали задавать вопросы преподавателю, просто включается запись лекции, а студенты занимаются чем-то другим и не вникают в содержание того, о чем говорит лектор. Когда преподаватель пытается задавать вопросы, студент отвечает на них тоже с помощью Интернета, просто считывая то, что найдёт в мобильнике, опять-таки не вникая в смысл зачитанного. Все это очень опасно.

Мои научные интересы заключаются сейчас в исследовании причин и следствий изменений в самом русском

языке. К сожалению, даётся это всё труднее: полностью исключен анализ фактов в кинофильмах, очень мешает быстрая сменяемость и мелкий шрифт кадров в СМИ, для меня стал невозможным повторный просмотр и прослушивание телевизионного и радио материала.

Изменение русского языка, к сожалению, – это не столько его обогащение, сколько засорение ненормативной лексикой, с предпочтением использования заимствованных слов, ненормативных (жаргонизмов, просторечных) и, что ещё хуже, – на смену синонимическому богатству русского языка приходит употребление слов без учета разграничения их по значениям. Все это во многом результат господства компьютеризованного общения (есть факты компьютерного общения людей, даже находящихся в одной комнате) и отсутствия необходимости в запоминании чего бы то ни было (все можно найти в Интернете, в том числе нормы речи, но их обычно не ищут).

Вторая опасность для языка и российского общества в целом заключается в слишком большой роли в жизни современного человека функционального подстиля общения власти с народом (некоторые лингвисты именно этому подстилю дают статус государственного языка в России). В таком сужении объема государственного языка содержится опасность фактической утраты русским литературным языком средства межнационального общения. Сторонники такой концепции слова типа *бедняк* и даже *мама, папа* в государственном языке рекомендуют заменить: например, вместо *бедняк* употреблять *малоимущий*. Эта политика ведёт к игнорированию функционального многообразия русского языка, используемого в соответствующих сферах общения (одно дело – семейное, дружеское, другое – наука, СМИ или деловое общение, опять-таки разное в законодательстве или в рамках одного предприятия). Против этого взгляда мы с



О. В. Мякшевой опубликовали несколько статей, об этом же пишет А.П. Сквородников.

Память моя сейчас работает плохо, не могу вспомнить фамилии, имена, отчества известных и даже близких людей. И жизнь, и работа в последнее время стали очень трудными (из-за зрения: не вижу ничего без лупы с 6-кратным увеличением, но маленького диаметра – 3 сантиметра, все время что-то ищу, слышу плохо, несмотря на слуховой аппарат, и людей по голосу не узнаю; одна по улице ходить уже не могу), мгновенно все забываю, в пальцах нет чувствительности из-за их анемии. Но, несмотря на всё, делаю до сих пор йоговскую гимнастику, которая спасла и, видимо, продолжает спасать от сильнейшей бронхиальной астмы и её последствий в лёгких.

Пока не сдаюсь, ещё публикую, хотя и в меньшем количестве, свои наблюдения. Показательны в этом отношении хотя бы статья «К вопросу о функционально-стилевых различиях в русском языке и речи в XXI в.» и статья «Явные нарушения экологии в текстах современных СМИ и речи молодежи: как с этим бороться» (последняя принята к печати в коллективной монографии Сибирского федерального университета в 2021 году и выйдет этим годом). Редактировала наши ежегодные сборники «Проблемы речевой коммуникации» до 2018 г. и коллективные монографии «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении» (2015 г. и дополнительным тиражом в 2016 г.). В 2010 году переиздана «Всё, что нужно знать о русской речи», а в 2016 – «Чтобы Вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека».

Последняя кафедральная тема под моим руководством была закончена в 2021 году. В 2019 году под моей редакцией и редакцией М.А. Кормилицыной вышла коллективная монография «Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения», а в

2021 году только под моей редакцией – книга «Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы её достижения». В ней я написала один из параграфов, а также введение, вводные к главам и параграфам, заключение.

Теперь новой кафедральной темой «Исследование коммуникативно-речевых процессов в разных сферах и средах общения в условиях изменяющегося мира» руководит недавно избранная заведующей кафедрой Алла Николаевна Байкулова.

В Интернете (на сайте Государственного института Русского языка им. А.С. Пушкина «Лица современной русистики» (вып. 22. <https://modrus.pushkininstitute.ru>), в Фейсбуке и на других сайтах в 2022 г. размещены интервью со мной (в разделе «Наукоград» опубликован материал «Королева синтаксиса»).

За свою жизнь я подготовила 58 кандидатов (+ ещё 6, где официально руководителем был А.М. Лукьяненко) и 16 докторов филологических наук. Сейчас продолжаю руководить подготовкой кандидатской диссертации нашей бывшей магистрантки из Петербурга. Так что жизнь продолжается!

**Хронологический указатель трудов  
Ольги Борисовны Сиротининой  
(1948–2022 гг.)**

**1948**

1. Говоры восточной половины Духовницкого района Саратовской области : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1948. 165 с.

**1949**

2. Говоры восточной половины Духовницкого района Саратовской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1949. 8 с.

**1952**

3. Фонетическая система говоров восточной половины Духовницкого района Саратовской области // Учен. зап. Сарат. ун-та, 1952, т. 32. С. 23–62.

**1955**

4. Диалектологическая экспедиция Саратовского государственного университета 1954 года // Науч. ежегодник за 1954 год / Сарат. ун-т. Саратов, 1955. С. 236–237.

5. О культуре речи агитатора // Блокнот агитатора. Саратов, 1955, № 11. С. 37–46.

6. О подчиненности диалектов языку // Науч. ежегодник за 1954 год / Сарат. ун-т. Саратов, 1955. С. 232–234.

**1957**

7. Синтаксис говоров Алгайского района Саратовской области // Учен. зап. Сарат. ун-та, 1957, т. 48. С. 57–74.

**1958**

8. Диалектологическая экспедиция Саратовского государственного университета // Науч. ежегодник за 1955 год / Саратов. ун-т. Саратов, 1958. С. 147–148.

9. О подчиненности диалектов языку в области морфологии // Науч. ежегодник за 1955 год Саратов : Саратов. ун-т, 1958. С. 128–131.

### 1959

10. К вопросу о порядке слов в русском языке // Учен. зап. Саратов. ун-та, 1959, т. 67. С. 237–244.

### 1960

11. Использование статистического метода при выявлении стилевых различий (на материале синтаксиса) // Питання прикладної лінгвістики. Чернівці, 1960. С. 76–79.

12. О преподавании современного русского языка // Сб. материалов по заочн. пед. образованию. М., 1960, вып. 19. С. 62–65.

13. Порядок слов живой разговорной речи // Материалы IV межобл. конф. языковедов Поволжья. Сталинград: Мин-во просв. РСФСР. Сталингр. гос. пед. ин-т им. А.С. Серафимовича, 1960. С. 76–78.

14. Современный русский язык : Пособие. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1960. С. 28–33, 53–56, 79–85, 94–111, 115–126, 146–147, 150–164.

### 1961

15. К вопросу о словосочетании (о роли порядка слов в организации словосочетаний) // Материалы V межобл. конф. языковедов Поволжья. Мелекес, 1961. С. 19–21.

16. Место косвенного дополнения и обстоятельства в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961. С. 157–180.

17. О порядке слов в русском языке // Вопросы теории и

методики изучения русского языка. Куйбышев, 1961. С. 195–212.

### 1962

18. О культуре речи лектора. Саратов, 1962. 16 с. (в соавт. с Г. Г. Полищук).

19. Порядок слов в составном глагольном сказуемом // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1962, вып. 1. С. 3–14.

20. Порядок частей в составном глагольном сказуемом // Вопросы стилистики (тезисы). Саратов, 1962. С. 17–19.

21. Порядок частей в составном именном сказуемом // Материалы VI межобл. конф. языковедов Поволжья. Ульяновск, 1962. С. 64–66.

22. Изменение языка научной прозы // Вопросы стилистики. 1962. Вып. 1. С. 38 (в соавт. с С. А. Бах).

### 1963

23. К вопросу о словосочетании // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка : Труды III-IV конференций кафедр рус. яз. пед. ин-тов Поволжья / под ред. В. А. Малаховского. Куйбышев, 1963. С. 24–31.

24. Порядок слов живой разговорной речи // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка : Труды III-IV конференций кафедр рус. яз. пед. ин-тов Поволжья / под ред. В. А. Малаховского. Куйбышев: Куйбышевск. ГПИ им. В. В. Куйбышева, 1963. С. 116–132.

25. Об ошибках в порядке слов // В помощь учителю русского языка : сб. ст. / отв. ред. М. А. Лукьяненко. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1963. С. 16–25.

26. О месте прямого дополнения в русском и украинском языке // Вопросы славянской филологии. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1963. С. 205–224.

27. О пунктуации в предложениях с присоединенными членами // В помощь учителю русского языка : сб. ст. / отв. ред.

М. А. Лукьяненко. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1963. С. 43–49.

## 1964

28. К вопросу об изменениях в стилевой дифференциации // Язык и общество (тезисы) / пред. редкол. Л. И. Баранникова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1964. С. 48–55 (в соавт. с С. А. Бах, В. А. Богдановой).

29. Порядок слов в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1964. 385 с.

30. Порядок частей в именном составном сказуемом // Грамматический строй современного русского языка : Труды V-VI конференций кафедр рус. яз. пед. ин-тов Поволжья. (1961-1962) / под ред. В. А. Малаховского. Куйбышев, 1964. С. 59–74.

## 1965

31. К вопросу о роли Пушкина в становлении современных норм порядка слов // Вопросы теории и методики современного русского языка : Труды Седьмой науч. конференции кафедр рус. яз. пед. ин-тов Поволжья. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. С. 137–148.

32. Порядок слов в русском языке. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. 172 с. (*Реч.* : *Adamec P.* // *Ceskoslovenska rusistska*, 1967, XII, 2. С. 110–112; *Uhlifova L.* // *Slovo a slovestnost*, 1971, XXXII, 2. С. 163–168; *Schaller H.W.* // *Die Welt der Slaven. Wiesbaden*, 1970, XV, 2. С. 219–221).

## 1966

33. Об интерференции английского и русского языков в порядке слов // Вопросы методики преподавания иностранных языков в связи с проблемой интерференции : сб. ст. / пред. редкол. Л.И. Баранникова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1966. С. 24–34 (в соавт. с Т. Р. Котляр).

34. Об экспериментальных методах в изучении синтаксиса // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований : сб. ст. / Отв. ред. Дж. Г. Киекбаев. Уфа, 1966. С. 93–97 (в соавт. с Г. Г. Полищук).

35. Порядок слов в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1966. 35 с.

36. Проект программы по общему языкознанию // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований : сб. ст. / Отв. ред. Дж. Г. Киекбаев. Уфа, 1966. С. 259–264 (в соавт. с Л. И. Баранниковой).

37. Разговорная речь (проблема определения понятия) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи : Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. Ю. Скребнев. Горький : Изд-во Горьковск. ГПИ им. М. Горького, 1966. С. 13–15.

38. Система языка и норма речи в процессе эволюции языка // Материалы Всесоюз. конф. «Основные проблемы эволюции языка». Самарканд : Фан, 1966, ч. II. С. 330–332.

## 1967

39. К вопросу о роли Лермонтова в истории литературного русского языка // Язык и общество : сб. ст. / пред. редкол. Л. И. Баранникова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1967. С. 252–266 (в соавт. с М. Б. Борисовой).

40. Порядок слов как средство стилизации // Очерки по русскому языку и стилистике : сб. ст. / отв. ред. Н. Я. Сердобинцев. Саратов, 1967. С. 40–46.

## 1968

41. Актуальное членение предложения как теоретическая основа обучения навыкам связной речи и выразительного чтения // Преподавание русского языка в школе по новой программе. Саратов, 1968. С. 73–81.

42. К вопросу о типологическом изучении разговорной

речи (универсальные явления разговорной речи) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968. С. 11–12.

43. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М. : Изд-во «Наука». 1968. С. 101–125 (в соавт. с С. А. Бах, В. А. Богдановой и др.).

44. О лексико-семантической обусловленности порядка слов // Вопросы славянского языкознания. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. С. 88–100 (в соавт. с Р. Т. Жук, Л. И. Токаревой).

45. Опыт описания разговорной речи // Материалы XXII межвуз. конф. языковедов Среднего и Нижнего Поволжья. Мелекесс, 1968. С. 42–45.

46. Современный русский язык (синтаксис) : метод. пособие. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. 48 с. (в соавт. с В. А. Богдановой, Б. А. Зильбертом, Н. И. Ильминской).

## 1969

47. Изменения в языке публицистики (на материале междунар. обзоров) // Вопросы стилистики : межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969, вып. 3. С. 5–36 (в соавт. с С. А. Бах, В. А. Богдановой и др.).

48. Изменения в языке научной прозы // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969, вып. 3. С. 37–55 (в соавт. с С. А. Бах, В. А. Богдановой и др.).

49. Порядок слов в теории и практике М. В. Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. Казань, 1969, вып. 2–3. С. 206–213.

50. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики / ред. А. В. Десницкая, В. М. Жирмунский, Л. С. Ковтун. Л. : Наука, 1969. С. 373–391.

51. Разговорная речь и её место в системе функциональных



стилей русского языка // Проблемы лингвистической стилистики (тезисы). М., 1969. С. 133–135.

52. Разговорная речь и разговорный стиль русского языка // Междунар. конф. преподавателей русского языка и литературы (тезисы). М., 1969. С. 312–313.

53. Разговорная речь и разговорный стиль // Учен. зап. МГПИ им. Ленина, 1969, № 341 : Вопросы филологии. С. 304–310.

## 1970

54. Первые итоги специального изучения разговорной речи // Язык и общество. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970, вып. 2. С. 54–75.

55. Глубина фразы и её роль в общении // Язык и общество. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970, вып. 2. С. 82–88.

56. Русская разговорная речь. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970. 251 с.

57. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи // Русская разговорная речь : сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970. С. 141–148 (в соавт. с И. С. Кузьмичевой и др.).

58. О характере различий между функциональными стилями // Статистическое изучение стилей языка и стилей речи (тезисы). Горький, 1970, вып. 2. С. 35–37.

## 1971

59. О роли различных компонентов интонации в передаче синтаксической информации // Развитие фонетики современного русского языка : фонологические подсистемы. М. : Наука, 1971. С. 160–169 (в соавт. с Г. Г. Полищук и др.).

60. Современная русская разговорная речь и её особенности. М. : Просвещение, 1971.

## 1972

61. Непосредственность общения – определяющий фактор разговорной речи // Теория и практика описания разговорной речи / учен. зап. Горьк. пед. ин-та ин. яз., 1972, вып. 49. С. 221–222.

62. О характере различий между функциональными стилями // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972, вып. 4. С. 85–94 (в соавт. с М. А. Кормилициной, Э. А. Столяровой).

63. Семантические модели предложения в разговорной речи (итоги двухлетней работы семинара) // Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи / Учен. зап. Горьк. пед. ин-та ин. яз., 1972, вып. 49. С. 222–223.

### 1973

64. Место разговорной речи в учебниках русского языка для филологов // Тезисы второго Международного конгресса МАПРЯЛ. Варна (Болгария), 1973. С. 85–86.

65. Непосредственность общения – определяющий фактор разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи : Респ. сб. / Горьковский пед. ин-т ин. яз. им. Н. А. Добролюбова, Горький, 1973, вып. 4. № 55. С. 122–128.

66. Порядок слов // Обзор работ по современному русскому литературному языку : Синтаксис. За 1966–69 гг. / Институт русского языка АН СССР. М., 1973. С. 49–76.

67. Рецензия. Кожевникова Кв. : Спонтанная устная речь в эпической прозе // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973, вып. 6. С. 156–158.

68. Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 1973. № 55. С. 122.

### 1974

69. Конструкции с плеонастическим местоимением в разговорной речи // Синтаксис и норма / отв. ред.

Г. А. Золотова / Институт русского языка АН СССР. М. : Наука, 1974. С. 204–219.

70. Об актуальном членении в разговорной речи // *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague (Чехословакия), 1974. С. 172–174.

71. Принципиальная несводимость традиционных членов предложения в единый классификационный ряд // *Вопросы филологии / МГПИ им. Ленина М., 1974*. С. 169–172.

72. Современная разговорная речь и её особенности. Учебное пособие для студентов пед. институтов по специальности «Русский язык и литература». М. : Просвещение, 1974. 144 с. – переведена на китайский язык. (*Рец. : Рус. яз. в нац. шк., 1975, № 4 ; Рус. яз. в шк., 1975, № 4 ; Филологические науки, 1976, № 2 ; Русский язык за рубежом, 1976, № 5 ; науч. труды Тюмен. гос. ун-та, 1976, сб. 27 : Лингвистические исследования, вып. 2 ; Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1977, вып. 8 ; Вопросы стилистики, 1978, вып. 14*).

73. Формы времени в разговорной речи // *Вопросы статистической стилистики*. Киев : Наукова думка / АН УССР, 1974. С. 97–109.

74. Русская разговорная речь. М. : Просвещение, 1974. 123 с.

## 1975

75. Научно-исследовательская работа и учебный процесс // *Всесоюзное совещание-семинар по совершенствованию качества подготовки учителей русского языка для средней школы (Тезисы)*. Иваново, 1975. С. 40–42.

76. Функциональные стили и их изучение // *Научные основы преподавания русского языка в школе*. Саратов, 1975. С. 35–40.

## 1976

77. Возможности функциональной и окказиональной мотивированности знака в разговорной речи // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976. С. 110–115.

78. Координационное совещание // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976, вып. 11. С. 170–174 (в соавт. с Н. И. Кузнецовой).

79. Лексика разговорной речи (итоги двухлетней работы спецсеминара) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1976, вып. 7. С. 171–172 (в соавт. с колл. студентов).

80. Спецсеминары кафедры русского языка. Учебно-методическое пособие для студентов филолог. факультета / под ред. проф. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 44 с.

81. О работе в спецсеминаре // Спецсеминары кафедры русского языка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 3–10.

82. Разговорная речь // Спецсеминары кафедры русского языка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 37–42.

83. Порядок компонентов в простом и сложном предложении и актуальное членение // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970–73 гг. : Синтаксис / Ин-т рус. яз. АН СССР. М., 1976. С. 126–139.

84. Синонимическая система разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1976, вып. 7. С. 170–171.

85. Система в языке – система в науке о языке // Анализ системы научного знания. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 151–154.

86. Учение о функциональных стилях – основной раздел стилистики // Республиканское совещание-семинар «Преподавание стилистики русского языка в педагогических институтах РСФСР». Липецк, 1976.

С. 17–24.

87. Рецензия. Современный русский язык : Сборник упражнений // Русский язык в школе, 1976, № 2. С. 118–119 (в соавт. с В. А. Богдановой).

### 1977

88. В чем лексическое своеобразие публицистического стиля? // Лексика. Терминология. Стили. Горький, 1977, вып. 6. С. 100–102.

89. Учет функциональных стилей в преподавании русского языка // Методы и формы обучения русскому языку в национальной аудитории. Вильнюс, 1977. С. 113–114.

### 1978

90. Изучение русской разговорной речи // Вопросы русского языкознания. Куйбышев, 1978. С. 4–7.

### 1979

91. Культура разговорной речи // Термин и слово. Горький, 1979. С. 175–181.

92. О профессиональной культуре речи учителя-словесника // Школьная и научная грамматика. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. С. 150–158 (в соавт. с В. Ф. Ильиной).

93. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика : сб. тр. / отв. ред. В. П. Григорьев / Ин-т русского языка АН СССР. М. : Наука, 1979. С. 188–199 (в соавт. с Г. Г. Полищук).

94. Синтаксис // Лабораторные работы по современному русскому языку. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. С. 34–39 (в соавт. с Н. И. Кузнецовой).

### 1980

95. Лексическая синонимия в разговорной речи (в сравнении с научной и художественной речью) // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. Вып. 15. С. 75–85 (в соавт. с В. А. Богдановой, И. П. Глотовой, Е. П. Захаровой, Н. И. Ильинской, Н. А. Кирсановой, М. А. Кормилицыной, Э. М. Ножкиной, Г. Г. Полищук).

96. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие для филологических специальностей университетов / Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов филологических специальностей университетов. М. : Высшая школа, 1980. 144 с. (*Рец. : Русск. яз. в шк., 1981, № 6; Филол. науки, 1983, № 2*).

97. Лекции по синтаксису русского языка : учеб. пособие. М. : Наука, 1980. 144 с.

## 1981

98. Лексика разговорной речи // Теория слова и функционирования словарных единиц. Саратов, 1981. С. 95–102.

99. Ослышки в разговорной речи // Теория языка. Методы его исследования и преподавания : сб. тр. к 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы. АН СССР. Л. : Наука, 1981. С. 233–236.

100. Предисловие // Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса : дневник науч. наблюдений. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. С. 5.

## 1982

101. Имя числительное в современном русском языке // Курсовые работы по морфологии современного русского языка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. С. 39–42.

102. Межстилевая и внутрителивая вариантность языковой системы // Вариантность как свойство языковой системы

(тезисы) / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1982. С. 63–64.

103. Стилистика как наука о функционировании языка // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь, 1982. С. 11–14.

104. Учебная исследовательская работа студентов // Самостоятельная работа студентов в вузе. Саратов, 1982. С. 152–154.

### 1983

105. О работе в спецсеминаре // Спецсеминары кафедры русского языка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 3–7.

106. Устная речь // Спецсеминары кафедры русского языка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 7–20.

107. Нормативность разговорной речи и задачи перевода // Межъязыковые коммуникативные связи и научно-технический перевод. Орел, 1983. С. 78.

108. Русская разговорная речь. Пособие для учителя. М. : Просвещение, 1983. 80 с. (*Рец. : Рус. яз. в шк., 1984, № 3 ; Русская речь, 1984, № 5 ; Рус. яз. в нац. шк., 1985, № 6*).

109. Категория отражения в гносеологии и лингвистике // Категории философии и развитие научного познания. Саратов, 1983. С. 73–74 (в соавт. с Т. К. Никольской).

110. Взаимосвязь философии и лингвистики // Проблемы взаимодействия наук. Ульяновск, 1983. С. 50–54.

111. О соотношении формы и стиля речи // Краткое содержание докладов и сообщений на Всесоюз. координационном совещании «Стили языка». Орджоникидзе, 1983. С. 10.

112. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / колл. моногр. / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 256 с. (*Рец.: Русистика – Russistika (Берлин), 1993, № 1. С. 94–97*).

113. Предисловие // Разговорная речь в системе

функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1983. С. 3–20.

114. Общая характеристика лексики разговорной речи // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1983. С. 6–10.

115. Синонимия разговорной речи // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1983. С. 11–21 (в соавт. с В. А. Богдановой и др.).

116. Лексическая характеристика основных лексико-грамматических разрядов слов. Глагол // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1983. С. 63–94 (в соавт. с Т. В. Кочетковой).

117. Заключение // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1983. С. 227.

118. Современная разговорная речь и её особенности. М. : Просвещение, 1983. 144 с.

119. Рецензия. Гальперин И. Р. : Текст как объект лингвистического исследования // Вопросы языкознания / АН СССР. М. : Наука, 1983. № 2. С. 152–154.

## 1984

120. Соотношение кодифицированных, разговорных и диалектных синтаксических конструкций // Синтаксические структуры. Системный анализ значимых единиц русского языка. Красноярск, 1984. С. 7–11.

121. Рецензия. Гольдин В. Е. : Речь и этикет // Русский язык в школе, 1984, № 3. С. 109–110.



## 1985

122. Явление языка или факт пунктуации? // Синтаксис русского предложения. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 48–56.

123. Гносеологическая категория отражения в лингвистике // Мировоззренческие и методологические вопросы современного научного познания. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 142–146.

124. Зависимость способов усложнения синтаксической структуры предложения от её типа // Исследования по семантике. Уфа, 1985. С. 62–67 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

125. Предложение и слово в разговорной речи // Предложение и слово в русском языке. Саратов, 1985. С. 11–17.

126. Стилиевая принадлежность и текстовая организация устной научной речи / Теоретические проблемы стилистики текста. Казань, 1985. С. 56–57.

## 1986

127. Межстилевая и внутрителиевая вариантность языковой системы // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. Вып. 21. С. 3–8.

128. Незамещённые синтаксические позиции в разных типах и видах речи // Проблемы семантики предложений : выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986. С. 56–58.

129. Нормы устной речи // Функционирование языка и норма. Горький, 1986. С. 35–42.

130. О соотношении формы и стиля речи // Функциональная стилистика : теория стилей и их языковая реализация : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Перм. ун-т, 1986. С. 49–57.

131. Всё, что нужно знать о русской речи : Пособие для эффективного общения : учеб. пособие. I изд. М. :

Просвещение, 1986. 224 с.

### 1987

132. Явление безглагольности в диалогах на профессиональную тему // Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод. Орел, 1987. С. 77–79 (в соавт. с Н. Л. Шамне).

133. Возможна ли региональная дифференциация литературной разговорной речи? // Культура русской речи в национально-территориальном аспекте изучения : сб. науч. ст. Элиста, 1987. С. 3–8.

134. Стилиевая принадлежность и текстовая организация устной научной речи // Стилистика текста в коммуникативном аспекте : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1987. С. 24–33.

### 1988

135. Сигналы разговорности в истории художественной литературы // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. Вып. 22. С. 73–78 (в соавт. с М. Н. Максимовой).

136. Особенности функционирования разноуровневых единиц языка: межвуз. науч. сборник / отв. ред. Л. И. Баранникова. Саратов, 1988.

137. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи / Институт русского языка АН СССР. М. : Наука, 1988. С. 247–253.

### 1989

138. Устная и письменная формы речи как объекты лингвистического исследования // Вопросы стилистики / отв. ред. О. Б. Сиротина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. Вып. 23. С. 3–6.

139. Устная речь рабочих в неофициальной обстановке // Язык и личность / Институт русского языка АН СССР. М. : Наука, 1989. С. 49–52 (в соавт. с Т. Н. Ларькиной).

140. Функционирование русского языка в устной и письменной форме // Норма и функционирование языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. С. Язикова. Горький: Изд-во Горьковск. ГПИ им. М. Горького, 1989. С. 5–10.

141. О терминах «разговорная речь», «разговорность», «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка : сб. ст. М. : Наследие, 1989. С. 358.

### 1990

142. Актуальные проблемы культуры речи // Региональные проблемы культуры речи : сб. науч. ст. Элиста: Изд-во Калмыцк. гос. ун-та, 1990. С. 3–6.

143. Вариантность норм устной речи // Культура русской речи: тезисы всесоюзн. науч. конф. / АН СССР. М., 1990. С. 132–133.

144. Функциональная дифференциация литературной устной речи // Статус стилистики в современном языкознании: межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. М. Н. Кожина. Пермь: Изд-во ПГУ им. М. Горького, 1990. С. 159–160 (в соавт. с В. В. Девяткиной и др.).

### 1991

145. Социологические проблемы культуры речи // Русский язык и современность : Проблемы и перспективы развития русистики : Доклады Всесоюз. науч. конф. Москва 20-23 мая 1991 г. Ин-т рус. яз. АН СССР / Редкол. О. Л. Дмитриева и др. М. : ИРЯЗ, 1991, Ч. 1. С. 114–121.

146. О состоянии русского языка // О состоянии русского языка современности : Доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : доклад и материалы почтовой дискуссии» / Отв. ред. Ю. Н. Караулов / АН СССР. М., 1991. С. 53–54.

147. Система функциональных стилей современного русского литературного языка // Изучение творческого

наследия проф. Г. О. Винокура. Киев, 1991. С. 124–125.

148. Текстовые категории в разговорной и диалектной речи // Теория текста : лингвистический и стилистический аспекты : тезисы докл. Екатеринбург, 1991. С. 55–56 (в соавт. с О. М. Хмелевой).

149. Проблема «Язык и мышление», «Язык и общество» в трудах кафедры русского языка // Мировоззрение и научное познание. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 54–60.

150. Функциональная дифференциация литературной устной речи // Статус стилистики в современном языкознании / отв ред. М. Н. Кожина. Пермь : ПГУ, 1991. С. 142–148 (в соавт. с В. В. Девяткиной и др.).

151. Преподавание русского языка с учетом особенностей разговорной речи // Содержание и методика преподавания русского языка в школе и в вузе. Волгоград, 1991. С. 10–16.

## 1992

152. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. проф. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 312 с.

153. Предисловие // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 3.

154. Средство организации текста // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 302–308.

155. Заключение // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992.

С. 309–310.

156. Роль курса «Культуры речи» в университетском преподавании // Современное университетское образование : проблемы и перспективы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 85–86.

157. Теоретические проблемы культуры речи // Культура речи в разных сферах общения. Челябинск, 1992. С. 5–6.

158. Функциональная дифференциация литературной устной речи // Статус стилистики в современном языкознании : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Перм. ун-т, 1992. С. 49-57 (в соавт. с В. В. Девяткиной, О. Н. Паршиной, М. А. Ягубовой).

159. Ответ на анкету о состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 4. С. 29.

160. Семантико-стилистический анализ поэтических текстов // Вопросы стилистики : межвузов. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. Вып. 24 : Текст и его компоненты. С. 3–17.

161. Социологические проблемы культуры речи // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: мат-лы всесоюзн. науч. конф. (Москва. 20-23 мая 1991). М. : ИРЯЗ, 1992. С. 114–121.

162. Текстовые категории в диалектной и разговорной речи // Теория текста : Лингвистический и стилистический аспекты : тезисы докл. и сообщ. науч. конф., 21–23 мая 1992 г. Екатеринбург: УрГУ, 1992 (в соавт. с О. М. Хмелевой).

## 1993

163. Система функциональных стилей современного русского литературного языка // Функциональные стили и формы речи : колл. моногр. / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 3–10.

164. Разговорный стиль // Функциональные стили и формы речи : колл. моногр. / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 137–148.

165. Программа курса «Основы стилистики и культуры речи» // Культура речевого общения : комплекс программ для студентов и учащихся. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 3–14.

166. Программа курса «Язык и общение» // Культура речевого общения : комплекс программ для студентов и учащихся. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 31–36 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

167. Теоретические основы культуры речи // Вопросы стилистики : Проблемы культуры речи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 3–9. (Общественные науки и современность. № 25).

168. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Общественные науки и современность. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 25. С. 9–19 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

169. Культура речи учителя // Культура речи : наука, образование, повседневность: тезисы докл. Всерос. науч. конф. М. : Республ. ин-т повыш. квалиф. работ. обр., 1993. С. 96–97 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

170. Языковой облик Саратова // Скафтымовские чтения. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 103–106.

171. Языковая личность в разных сферах общения // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста / тезисы докладов IV Междунар. конф. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 1993. С. 11.

172. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / колл. моногр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993, № 1. С. 94–97.

173. Культура речевого общения : комплекс программ для студентов и учащихся. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 37 с.

## 1994

174. Разговорность как эстетическая категория // Исследования по художественному тексту : материалы 3-х Саратовских чтений по художественному тексту / под ред. Б. Л. Борухова, К. Ф. Седова. Ч. 1. Саратов : Изд-во Саратов. гос. пед. ин-та, 1994. С. 83–84.

175. Разговорная речь и разговорность // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи : материалы и тезисы межвуз. науч. конф. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 1994. С. 138–140.

176. Роль курса «Культура речи» в университетском образовании // Современное университетское образование : проблемы и перспективы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, вып. 1, 1994. С. 53–57 (в соавт. с Г. С. Куликовой, Т. А. Милехиной).

177. Социолингвистические основы культурно-речевой политики // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран : материалы к XIII Всемирному конгрессу социологов / Ин-т языкознания РАН. М., 1994. С. 104–109; 173–174 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

178. Оформление статусно-ролевых отношений как один из признаков языковой личности // Языковая личность и семантика / отв. ред. В. И. Шаховский. Волгоград : Перемена, 1994. С. 106–107.

179. Человек-Текст-Культура (колл. мон. : *Битенская Г. В., Богуславская Н. Е., Гиниатуллин И. А., Кожевникова Н. А., Майданова Л. М., Матвеева Т. В., Мурзин Л. Н., Сахарный Л. В., Сиротинина О. Б., Чернухина И. Я.*) / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : Полиграфист, Ин-т развития регион. образования (ИРРО), 1994. 234 с.

180. Тексты и текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек-Текст-Культура : колл. мон. / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : Полиграфист, Ин-т развития регион. образования (ИРРО), 1994. С. 34.

181. Тексты и текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек-Текст-Культура: колл. мон. / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : Полиграфист, Ин-т развития регион. образования (ИРРО), 1994. С. 105–124.

182. Языковые проблемы в регионах без языкового противостояния // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках : мат-лы Всерос. науч. конф. / Институт языкознания РАН. М., 1994. С. 194–198 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

183. Соотношение кодифицированного литературного и разговорного в средствах массовой информации // Тезисы научной конф. «Язык средств массовой информации и общие проблемы публицистики». М. : МГУ, 1994. С. 4–6.

184. Внутринациональные типы русской речевой культуры // Межнациональные отношения в России : история и перспективы. Казань : Изд-во Казанск. гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева, 1994. С. 136–137 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

185. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной прозы // Stylistyka. Opole, 1994. С. 86.

## 1995

186. Текст и типы речевых культур // XXIV зональная конф. – 1 конф. филологов Поволжского региона, ч. 1 : Лингвистика. Тверь, 1995. С. 36–38.

187. Труды академика В. В. Виноградова и современные проблемы стилистики // Междунар. юбил. сессия, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Виктора Владимировича Виноградова / РАН. М., 1995. С. 190–191.

188. Речь современного города // Речь города / Тезисы докладов Всерос. межвуз. науч. конф. Омск, 1995. С. 8–11.

189. Национальные языковые и индивидуальные речевые картины мира // Дом бытия : Альманах по антропологической лингвистике, вып. 3 : Язык-Мир-Человек. Саратов, 1995. № 2.



С. 15–18 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

190. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // Stylistyka-IV, Opole (Польша), 1995. С. 86–102.

191. Что такое стиль? // Stylistyka-IV, Opole (Польша), 1995. С. 272.

192. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня / Отд. ЛЯ РАН Ин-та русского языка РАН. М., 1995, № 4. С. 3–21.

193. Тексты и текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек-Текст-Культура. Колл. моногр. / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : Полиграфист, Ин-т развития регион. образ. (ИРРО), 1995. С. 105–124.

194. Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. Москва : Институт русского языка РАН, 1995. 286 с.

## 1996

195. Типы речевых культур и функционально-стилевая дифференциация литературного языка // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения : Тезисы межгос. конф. Н. Новгород, 1996. С. 175–177.

196. Человек и его язык // Вопросы стилистики : Язык и человек : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов, 1996. Вып. 26 : Язык и человек. С. 3–10.

197. XXVI Пленум Головного совета по филологии // Вестник Волгоград. ун-та, серия 2 : Филология. Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, 1996, вып. 1. С. 106–107 (в соавт. с С. П. Лопушанской).

198. Специфика структуры и семантики разговорных текстов // Текст : Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного : Тезисы междунар. науч.-практ. конф. / МГУ. М., 1996. С. 140–

142 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

199. Социальная дифференциация языка в современном крупном городе // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира : материалы междунар. конф. / Институт языкознания РАН. М., 1996. С. 361–364.

200. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи : Пособие для учителя. М. : Просвещение: Учеб. лит., 1996. 176 с.

201. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 3–7.

### 1997

202. Телевизионная речь как экологическая проблема // Непрерывное экологическое образование : материалы Поволжской науч.-практ. конф. Саратов, 1997. С. 55–58.

203. Языковая личность и факторы, влияющие на её становление // Термин и слово : межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б. Н. Головина. Н. Новгород, 1997. С. 7–12.

204. Язык средств массовой коммуникации // Программы лингвистических спецкурсов. Саратов, 1997. С. 33–35.

205. Современное состояние русского языка как экологическая проблема // Проблемы развития высшего и среднего профессионального образования в Саратовской области : Материалы областной научно-практической конф. Саратов, 1997. С. 105–112.

206. Изучение разговорной речи как одна из проблем русской стилистики // Styiiistyka-VI, Opole (Польша), 1997. С. 137–144.

207. Язык бытового общения в аспекте его преподавания // Конф. «Теория и практика русистики в мировом контексте» : симпозиум «Теоретическая лингвистика и преподавание русского языка как иностранного» : Тезисы междунар. конф. М. : Диалог-МГУ, 1997. С. 97–98.

208. Соотношение кодифицированного и разговорного в

средствах массовой информации // Журналистика на пороге XXI века : исторический опыт, современное развитие. Владикавказ : Изд-во Северо-Осет. ун-та, 1997, вып. 11(2). С. 299–310.

209. Речевая культура // Энциклопедия «Русский язык» / РАН и Большая Российская энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Дрофа, 1997. С. 413–415 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

210. Русская речевая культура и её внутринациональные типы // Русский язык за рубежом. 1997. № 1–2. С. 60–62.

211. Русский язык и культура общения. Словообразовательный словарь : пособие для учащихся начальных классов. Саратов : Изд-во «Слово», 1997. 69 с.

212. Некоторые размышления по поводу терминов «Речевой жанр» и «Риторический жанр» // Жанры речи. 1997. № 2. С. 28–33.

213. Языковая личность и факторы, влияющие на её становление // Термин и слово : межвуз. сб. Нижний Новгород, 1997. С. 7–12.

## 1998

214. Обыденная риторика : проблемы и способы изучения // Риторика и речевая коммуникация : Теория-Практика-Преподавание : Тезисы 2-й Междунар. конф. по риторике и речевой коммуникации 15–17 января 1998 г. М., 1998. С. 55–56.

215. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык в его функционировании : Тезисы докладов междунар. конф. / Ин-т рус. языка РАН. М., 1998. С. 95–96.

216. Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики. Вып. 27 : Человек и текст : межвузов. сб. науч. тр. / отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. С. 3–9 (в соавт. с Е. В. Аблаевой, А. Ю. Беляевой, Е. В. Нагорновой, О. И. Соколовой).

217. Как сохранить русский язык // Слово в системе школьного и вузовского образования. Саратов : Изд-во Сарат. госпед. ин-та, 1998. С. 9–11.

218. Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие для студентов нефилологических специальностей вузов. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. 120 с. (в соав. с В. Е. Гольдиным, Г. С. Куликовой, М. А. Ягубовой).

219. Введение // Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. С. 3–6.

220. Русский язык и культура общения. Программа курса для нефилологических специальностей вузов // Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. С. 7–11 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

221. Социально-функциональная стратификация языков и понятие литературного языка // Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. С. 31–37 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

222. Функционально-стилевая дифференциация литературного языка // Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. С. 37–43.

223. Культура общения // Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. С. 43–49.

224. Текст как основная единица общения // Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. С. 63–69. (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

225. Нормы русской речи // Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. С. 69–74 (в соавт. с М. А. Ягубовой).

226. Русский язык и культура общения: Пойми меня

правильно. Саратов : Слово, 1998. 85 с.

227. Как наше слово отзовется? Советы учителю // Русский язык и культура общения для государственных служащих. Саратов : Слово, 1998. С. 54-61.

228. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка : к 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской / Институт русского языка РАН. М. : Наследие, 1998. С. 348–353.

229. Социологический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 3–9.

230. Социологический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград ; Архангельск, 1998. С. 10–17.

231. Риторика как составляющая системы наук об общении // Предмет риторики и проблемы её преподавания. М. : Добросвет, 1998. С. 50–55.

232. Сигналы разговорности в истории художественной речи / Вопросы стилистики. 1998. Вып. 27. С. 73 (в соавт. с М. Н. Максимовой).

233. Человек и текст // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов, 1998. Вып. 27. 202 с.

234. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 413–414 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

235. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики : Общественные науки и современность. 1998. Вып. 25. С. 42 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

## 1999

236. Слово в устах профессионала // Обозреватель, 1999.

№ 1 / Саратов. обл. организация Союза журналистов России. С. 17–25 (в соавт. с М. А. Ягубовой).

237. Некоторые размышления по поводу терминов «Речевой жанр» и «Риторический жанр» // Жанры речи : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : Изд-во Гос. учеб.-науч. центр «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.

238. О структуре разговорного текста // Вопросы стилистики : Антропоцентрические исследования. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28. С. 92–103 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

239. Речевой портрет собаки : иллюзия или реальность? // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28 : Антропоцентрические исследования. С. 167–173.

240. Ещё раз о роли А. С. Пушкина в становлении современных норм литературного языка // Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней. Волгоград, 1999. С. 15–18.

241. Изменения в публицистическом стиле // Русский язык, литература и культура на рубеже веков. IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Братислава, 1999 : Тезисы докладов и сообщений. Т. I. С. 158–159 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

242. Современный публицистический стиль русского языка // Russistik (Берлин), 1999. № 1–2. С. 5–17.

243. Воспоминание о Василии Семеновиче Юрченко // Предложение и слово : Доклады и сообщения междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. С. Юрченко / отв. ред. О. В. Мякшева. Саратов, 1999. С. 15–17.

244. Место предложения в синтаксисе разговорной речи // Предложение и слово : доклады и сообщения Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. С. Юрченко / отв. ред. О. В. Мякшева. Саратов, 1999. С. 38–42.

245. Языковой облик Саратова и его изменения //

Саратовское Поволжье : история и современность. Саратов : Изд. центр Сарат. гос. соц-эконом. ф-та, 1999. С. 252–256.

246. Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность? // Вопросы стилистики. 1999. Вып. 28. С. 167–173.

247. Рецензия. Толковый словарь русского языка конца XX в. : Языковые изменения / под ред. Т. Н. Складчиковой. 1998 // Вопросы языкознания, 1999. № 6. С. 131–134 (в соавт. с М. Б. Борисовой).

## 2000

248. Соотношение элитарного типа речевой культуры и риторического мастерства // Риторическая культура в современном обществе. Тезисы IV Междунар. конф. по риторике. М., 2000.

249. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : «Азбуковник», 2000. С. 240–248.

250. Хорошая речь : сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX в. : Тезисы докладов Междунар. конф. РАН. М. : Азбуковник, 2000. С. 151–152.

251. Обыденная риторика : проблемы и способы изучения // Речевое общение. Специализированный вестник. Красноярск : КГУ, 2000. Вып. 2(10). С. 33–37.

252. Русский язык и средства массовой информации // Речевое общение. Специализированный вестник. Красноярск, 2000. Вып. 3(11). С. 64–70 (в соавт. с М. А. Ягубовой).

253. Влияние средств массовой информации на формирование речевой культуры современных младших школьников // Русский язык и средства массовой информации. Красноярск, 2000. С. 11–15 (в соавт. с М. А. Ягубовой).

254. Об актуальности коммуникативного подхода к грамматике // Вестник МГУ. Серия 9 : Филология, 2000. № 6. С. 102–108 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

255. Речевая коммуникация и её изучение // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 3–5 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

256. Русский язык в разных типах речевой культуры // Русский язык сегодня / РАН. М. : Азбуковник, 2000. С. 240–250.

257. Хорошая речь : сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века : IV Шмелевские чтения 23–25 февраля 2000 г. М., 2000. С. 16–28.

258. Хорошая речь : сдвиги в представлении об эталоне // Русский язык сегодня. 2000. № 2. С. 519.

## 2001

259. Тенденции развития средств современной русской публицистики // Русский язык : исторические судьбы и современность. Труды и материалы Междунар. Конгресса. М. : МГУ, 2001. С. 259.

260. Предисловие // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 15.

261. Основные критерии хорошей речи (глава 1) // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 16–28. [URL: http://lingvotech.com/sirotinina](http://lingvotech.com/sirotinina)

262. Сфера повседневного общения // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 103–107.

263. Риторическая организация речи (адресованность речи) (гл. 5, разд. 5.4) // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 211–222.

264. Элитарная речевая культура и хорошая речь (гл. 6, раздел 6.1) // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и



О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 222–228.

265. Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь (гл. 6, раздел 6.3) // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 241–244.

266. Фрагмент рассказа-воспоминания (гл. 8, разд. 8.3) // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 281–294 (в соавт. с С. В. Купиной).

267. Геннадий Лисичкин. Совесть и рынок (гл. 8, разд. 8.7) // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 303–309.

268. О стилистических приемах современной публицистики, которые могут приводить к коммуникативной неудаче // Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. РАН. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 280–286.

269. Незамещённые приглагольные синтаксические позиции в разных типах речи // Изучение и преподавание русского языка. Волгоград, 2001. С. 56–61.

270. Типы речевых культур и проблема кодификации норм // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; редкол. : Н. Ю. Шведова М. : Индрик, 2001. С. 314–317.

271. Языковые контакты и типы речевых культур : процессы и результаты // Язык и общество на пороге нового тысячелетия. Итоги и перспективы : Тезисы докладов Междунар. конф. / РАН. М., 2001. С. 317–318 (в соавт. с В. Е. Гольдиным).

272. Ещё раз о структуре разговорного текста // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапкиной / сост. Т. В. Белошапкина, Т. В. Шмелева. М. : Индрик, 2001. С. 312–321 (в соавт. с

М. А. Кормилицыной).

273. Русский язык и культура речи : Учебник для студентов-нефилологов / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 211 с. (в соавт. с В. Е. Гольдиным и М. А. Ягубовой).

274. Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь // ГРАМОТА.РУ. Справочно-информационный портал. Электронные данные 2001. URL : [http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28\\_129](http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_129) (дата обращения: 11.11.2013).

## 2002

275. Характеристика публичной речи нового времени // Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий. Рабочие материалы Междунар. конф. / МГУ. М., 2002. С. 91–92 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

276. Шестьдесят лет восстановления филологического образования в СГУ // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых, посвящ. 60-летию возобновления филол. образования в Саратов. гос. ун-те Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. Вып. 5. С. 3–4.

277. Неполный стиль произношения в современной русской речи // Аванесовский сборник / РАН. М. : Наука, 2002. С. 329–333.

278. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие. М. : Едиториал УРСС, 2002. 170 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).

279. Структурная лексика как один из показателей типа речевой культуры // Предложение и слово. Вторая Междунар. науч. конф. : межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. Э. П. Кадькаловой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. С. 522–524.

280. Порядок слов в русском языке. М. : Едиториал УРСС, 2002. 171 с.

## 2003

281. Риторическая грамотность как составляющая речевой и общей культуры человека / Риторика в системе гуманитарного знания. Тезисы VII Междунар. конф по риторике. М., 2003. С. 309–310.

282. Риторическая грамотность как составляющая речевой и общей культуры человека / Изв. Саратов. ун-та, 2003. Нов. сер. Сер. Филология. Психология. Педагогика. Т. 3. Вып. 2. С. 80–83.

283. Побуждение как речевой жанр обыденного общения (виды и способы выражения) // Риторика в современном обществе и образовании : сб. материалов III–V Междунар. конф. по риторике. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 161–169 (в соавт. с Г. М. Ярмаркиной).

284. Современная публицистика : литературно-жаргонизирующая или литературно-агонизирующая? // Журналистика и культура русской речи. Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспекте. М., 2003. С. 85–87.

285. Предисловие // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 2.

286. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 3–20.

287. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 51–56.

288. Заключение // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов :

Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 227-228.

289. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека (роль социальной активности личности в формировании типа речевой культуры) // Язык и власть : Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 3–12.

290. Требования к речи лиц, работающих в органах власти и СМИ // Язык и власть. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 12–22 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

291. Узуальные нормы и проблемы их кодификации. Проблема кодификации норм в условиях современного состояния речевой культуры // Русистика на пороге XXI века : проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. М. : ИРЯ РАН, 2003. С. 229-231.

292. Хорошая речь : сдвиги в представлении об её эталоне // Русский язык сегодня -2 : Активные языковые процессы конца XX века. М. : Азбуковник, 2003. Изд. 2-е. С. 548–555.

293. Разговорный стиль (разговорно-бытовой, разговорно-обиходный, повседневного общения) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Члены редколлегии : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 319–321.

294. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Члены редколлегии : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 343–347.

295. Закон о государственном языке как обоснование требований к языку государственных служащих и работников СМИ / Всерос. науч. конф. «Русский язык в контексте реформирования российского общества» (материалы конференции). М. : Изд-во РГТЭУ. 2003. С. 81–82.

296. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 385.

297. Русский язык как иностранный. Научный стиль речи : Практикум для студентов-иностранцев подготовительных вузов (филологический профиль) : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2003. 64 с.

298. Расширение фигуральных возможностей языка современной российской прессы // Русский язык сегодня. М., 2003. Вып. 2. С. 548–555.

## 2004

299. Пути развития литературного русского языка в их соотношении с типами речевой культуры // Русский язык : исторические судьбы и современность. II Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / состав. : М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов, О. В. Дедова. М. : МГУ, 2004. С. 27–28.

300. Авторитет власти и речь // Проблемы речевой коммуникации. Власть и речь : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 22–25.

301. Публицистический стиль : языковой эталон и речевая реальность // Мир русского слова. 2004. № 4. С. 75–79.

302. Исследование реального функционирования русского языка в трудах ученых Саратовской лингвистической школы // Русистика ВГУ Киевский ун-т. Киев, 2004. Вып. 4. С. 3–10 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

303. Язык СМИ : языковой эталон и речевая реальность // Мир русского слова. 2004. № 2(19). С. 75.

304. Международный научный семинар «Власть и

жизненный мир личности» // Русский язык в научном освещении. 2004. № 8(2). С. 281–287 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

## 2005

305. Сленг : его место в системе социальных и функциональных компонентов русского языка // Язык и общество в синхронии и диахронии : Труды и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. И. Баранниковой. Составит. : В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, С. П. Хижняк. Саратов : Научная книга, 2005. С. 130–132.

306. Реальное функционирование русского языка и пути его развития // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2005. Т. 5, Вып. 1/2. С. 74–77.

307. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса / *Qameni si idei: Studii de filologie*. Cluj-Napoca: Editura Risoprint, 2005. С. 343–348.

308. Стилистика и речеведение / Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005. Вып. 6 : Материалы Междунар. науч. конф. С. 213–215.

309. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры и речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Ин-т русского языка, литературы и журналистики при филологическом факультете Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 6–16.

310. Речевая культура современного российского общества : типы речевой культуры и их отражение в речи // Известия МАН ВШ, 2005. № 3 (33). С. 119–126.

311. Стилистика в свете типов речевой культуры / *Stylistyka-XIV* (Польша), Opole, 2005. № 14. С. 209–218.

312. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека (роль социальной активности личности

в формировании типа речевой культуры) // Язык и власть. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 3–12.

313. Авторитет власти и речь // Власть и речь в средствах массовой информации : Науч. докл. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 19–23.

## 2006

314. Узуальная норма и её роль в развитии языка // Проблемы языковой нормы : Тезисы докладов Междунар. конф. VII Шмелевские чтения. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 129–131.

315. Узуальная норма и её роль в развитии языка // Русский язык сегодня / РАН. М., 2006. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. С. 490–499.

316. Узуальные нормы текстов современных газет // Проблемы языковой нормы : тезисы докл. междунар. конф. Седьмые Шмелевские чтения / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 75–77.

317. Метатекстовые конструкции и узуальные стилистические нормы современных газет // Русский язык сегодня. Вып. 4 : Проблемы языковой нормы : сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006. С. 275–283.

318. Что происходит с русским языком? // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып. 6. С. 5–14.

319. Реальное функционирование русского языка в его отношении к типам речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып. 5. С. 6–16.

320. Свидетельством чего являются изменения узуальных норм порядка слов? // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Мякшева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 102–104.

321. Язык художественной литературы и литературный язык / Язык художественной литературы. Литературный язык : сб. ст. к 80-летию Мары Борисовны Борисовой. Саратов : ООО Изд-во «Научная книга», 2006. С. 134–138.

322. Актуальные проблемы стилистики и культуры речи / Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы лингвистики : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2006. С. 339–340.

323. Стилистика как наука – это стилистика языка, речи или текста? // Речевое общение. Специализированный вестник Российской риторической ассоциации. Красноярск, 2006. Вып. 8–9 (16–17). С. 105–108.

324. Александр Митрофанович Лукьяненко и преподавание славянских языков в Саратовском университете // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2006, том 6, серия : Филология, Журналистика, Вып. 1/2. С. 20–22.

325. Общение людей и жизнь языка (из истории кафедры русского языка и речевой коммуникации) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2006. Т. 6. Серия : Филология. Журналистика, Вып. 1 / 2. С. 22–26 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

326. Разговорный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; члены редколлегии : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М. : Флинта ; Наука, 2006. 2-е изд., испр. и доп. С. 319–321.

327. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; члены редколлегии : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М. : Флинта ; Наука, 2006. 2-е изд., испр. и доп. С. 343–347.

## 2007

328. От кого зависит судьба русского языка? // Русская речь



/ РАН, 2007. № 1. С. 44-50.

329. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI в. // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 29–42.

330. Структурно-функциональные изменения в современном русском литературном языке : проблемы соотношения языка и его реального функционирования // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы II Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 24–26 апреля 2007 г. в 2 томах. Т. I. Изд-во ВолГУ, 2007. С. 14-19.

331. Есть ли социальная обусловленность типов речевой культуры? / Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. М. : Языки славянской культуры. 2007. С. 563–567. (Studia philological).

332. Год русского языка и задачи СГУ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология, Журналистика, 2007. Т. 7. Вып. 1. С. 3–7.

333. Речевая культура и культура речи : сходства и различия понятий // Вопросы культуры речи / под ред. А. Д. Шмелева. Ин-т рус. яз им. В. В. Виноградова РАН. М. : Наука, Вып. 9. 2007. С. 127–133.

334. Использование новых информационных технологий в образовательном процессе на факультете филологии и журналистики в Саратовском государственном университете // Изв. Междунар. Академии наук высш. шк. № 3(41), 2007. С. 172–181 (в соавт. с В. Е. Гольдиным, М. А. Кормилицыной, О. Ю. Крючковой, А. П. Сдобновой).

335. Два десятилетия «свободы» русской речи и факторы, вызвавшие изменения в русском языке // Язык и культура в России : состояние и эволюционные процессы. Материалы Междунар. науч. конф. 24–27 октября 2007 г. / отв. ред. Н. А. Илюхина, Н. К. Данилова; Федер. агентство по

образованию; ГОУ ВПО Самара, Россия. «Самарский государственный университет»; Филологический факультет. 2007. С. 78–88.

336. Два десятилетия «свободы» русской речи и факторы, вызвавшие изменения в русском языке // Современное состояние русского языка в фокусе взаимодействия различных факторов : динамика, тенденции, прогнозы. Самара, 2007. С. 78–88.

337. Русский порядок слов и аспекты его изучения в XX–XXI вв. // Язык как материя смысла : сб. ст. в честь акад. Н. Ю. Шведовой. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2007. С. 172–181.

338. Есть ли социальная обусловленность типов речевой культуры? // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М. : Языки славянской культуры. 2007. С. 563–567. (Studia philological).

339. Предисловие ко второму изданию // Хорошая речь, 2007. С. 7.

340. Предисловие // Хорошая речь, 2007. С. 15 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

341. Глава 1. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь, 2007. С. 16–28.

342. Глава 3. Коммуникативная целесообразность речи. Речь в разных сферах общения // Хорошая речь, 2007.

343. Сфера повседневного общения // Хорошая речь. 2007. С. 103–107.

344. Глава 6. Хорошая речь и типы речевой культуры // Хорошая речь, 2007.

345. Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь, 2007. С. 222–227.

346. Глава 6. 6.3. Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь // Хорошая речь, 2007. С. 241–244.

347. Глава 8. Образцы хорошей речи с комментариями. Письменная речь // Хорошая речь, 2007.

348. Семен Новопрудский. Видимость твердого порядка // Хорошая речь, 2007. С. 299–302.

349. Цензура и речь в СМИ в разные периоды жизни российского общества // Цензура как социокультурный феномен. Саратов : Изд-во «Новый ветер», 2007. С. 293–303.

350. Год русского языка в России (почему, зачем, как) // Античный мир и мы. Вып. 11 : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. чл-корр. РАН, проф. П. В Глыбочко. Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. С. 14–15.

351. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2007, том 7, сер. : Филология, Журналистика, Вып. 1. С. 57–67 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

352. Филология в современном мире : ответы на вопросы анкеты // Филология и человек. 2007. № 4. С. 147–151 (в соавт. с А. А. Чувакиным, О. В. Александровой, А. Д. Васильевым, Л. И. Журовой и др.).

## 2008

353. Русский язык и культура речи : учебник для студентов-нефилологов : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 520300 и специальности 021700 –"Филология" с грифом УМО по филологии / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 4-е / М-во образования Российской Федерации, Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 4–124. (Разделы I–III в соавторстве с В. Е. Гольдиным и М. А. Ягубовой).

354. Науки, изучающие коммуникацию и роль личности в ней (в поисках номинаций) // Личность-язык-культура. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 28–29 ноября 2007 г. Саратов : ООО Изд. центр «Наука», 2008. С. 9–13.

355. Дискурсивные слова как проблема пунктуации // Предложение и Слово : межвузов. сб. науч. тр. Педагогический институт СГУ, Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. С. 341–344.

356. Типы речевых культур : критерии и маркеры // Культура речи. Настольная книга для государственных служащих / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина, Е. П. Захарова и др. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 5 – 8.

357. Требования к речи лиц, работающих в органах власти // Культура речи. Настольная книга для государственных служащих / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина, Е. П. Захарова и др. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 8-15 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

358. О порядке слов // Культура речи. Настольная книга для государственных служащих / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина, Е. П. Захарова и др. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 28–32 (в соавт. с М. А. Кормилицыной, Е. П. Захарова и др.).

359. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 5–13.

360. Речь города : проблемы, аспекты и трудности изучения // Язык современного города. Тезисы докладов Междунар. конф. «Восьмые Шмелевские чтения» / отв. ред. М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, РАН, 2008. С. 146–148.

361. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике : межвуз. науч. сб. в честь юбилея проф. Р. М. Гайсиной. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. Вып. 24. С. 476–480.

362. Науки, изучающие коммуникацию и роль личности в ней (в поисках номинаций) // Личность-язык-культура.

Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 28–29 ноября 2007 г.  
Саратов : ООО Изд. центр «Наука», 2008.  
С. 9–13.

## 2009

363. Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 6–11.

364. Чтобы Вас понимали : Культура русской речи и речевая культура человека : Учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 272 с.

365. Культура речи и речевая культура человека // Чтобы Вас понимали : Культура русской речи и речевая культура человека : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 64–70.

366. О порядке слов // Чтобы Вас понимали : Культура русской речи и речевая культура человека : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 115–119.

367. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека // Чтобы Вас понимали // Культура русской речи и речевая культура человека : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 120–128.

368. Требования к речи лиц, работающих в органах власти и СМИ // Чтобы Вас понимали // Культура русской речи и речевая культура человека : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 128–137 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

369. Как наше слово отзовется? (Что нужно знать учителю) // Чтобы Вас понимали // Культура русской речи и

речевая культура человека : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 148–155.

370. О чем говорят «ляпы» в СМИ? // Филология и человек / Алтайский гос. ун-т, Барнаул, 2009. № 2. С. 77–81.

371. Есть ли у русского порядка слов риторическая функция? // Речевое общение и вопросы экологии русского языка : сб. науч. работ, посвящ. 80-летию доктора филол. наук, профессора А. П. Сквородникова / Сибир. федер. ун-т ; под ред. Г. А. Копниной. Красноярск, 2009. С. 272–277.

372. Уязвимость результатов кодификации – следствие её объективных трудностей // Тезисы Второй всеросс. конф. «Кодификация норм современного русского языка : результаты и проблемы» (Санкт-Петербург, 14–17 октября 2009 г.). СПб. : Златоуст, 2009. С. 107–108.

373. Типы речевой культуры / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2009. 2 (Supplement) // Журнал Сибир. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2009, № 2 (Supplement). С. 153–157.

374. Жизнь вопреки, или я счастливый человек: Воспоминания. / О. Б. Сиротинина : [запись и подгот. текста, предисл. О. В. Мякшевой]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Серия мемуаров "О времени и о себе". 292 с.

375. Изменения в речи – изменения в языке // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 6–12.

## 2010

376. Болевые участки в современных семантических изменениях лексической системы русского языка // Проблемы лексической семантики : Тезисы докладов Междунар. конф. Девятые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2010 года). М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010. С.

137–140.

377. Всё, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения : учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 224 с.

378. Взаимосвязь языковых компетенций СМИ и их потребителей // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4. Ч. 2. С. 723–726 (в соавт. с Г. С. Куликовой).

379. Под влиянием каких факторов происходит реализация языка в конкретном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котюровой; ГОУ ВПО "Пермский государственный университет". Пермь, 2010. Вып. 14. С. 125–132.

380. Основные составляющие коммуникативной компетентности журналиста и их реализация в современных СМИ // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 5–14.

381. Возможные аспекты изучения новых явлений в русской речевой коммуникации / Речеведение : современное состояние и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею М. Н. Кожиной (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.) / отв. ред. Е. А. Баженова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. С. 104–109.

382. Какими компетенциями должен обладать выпускник СГТУ // Научно-образовательный журнал «Цивилизация и человек». Саратов : Изд-во Кубик, 2010, № 2. С. 172–174.

383. Современная русская речь : между речевым беспределом и новоязом // Русский язык как духовный и культурный собиратель нации : сб. тр. межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. В 2 т. / под ред. Е. П. Бельчиковой и др. Самара : ООО «Книга», 2010. Т. 2. С. 3–8.

384. Речевая коммуникация : проблемы и трудности её

изучения / Предложение и Слово: сб. науч. тр. в 2 кн. V (юбилейной) междунар. конф. Кн. 1. / отв. ред. С. В. Андреева. Саратов : Изд-ский. центр «Наука», 2010. С. 295–299.

385. Коммуникативная компетенция и её роль в интеграции общества // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов : материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–14 апреля 2010 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. С. 143–148. <http://lingva.volsu.ru/doc/conf/sbornik-12-14-april-2010.pdf> (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

386. Компетентность журналиста как проблема профессии и общества // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Филология. Журналистика, 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 10–13. <http://elibrary.ru/download/21439187.pdf>

387. СМИ и картина мира : она реальна или подчиняется власти СМИ? // ФІЛІА ЛОГОУ : сб. науч. ст. в честь 70-летия проф. Валерия Владимировича Прозорова / сост., отв. ред. проф. И. Ю. Иванюшина. Саратов : Изд. Центр «Наука», 2010. С. 272–281.

388. Коммуникативная компетенция : проблемы типологии её составляющих и их роли в дискурсах разных типов / Русский язык : исторические судьбы и современность : IV Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.) : труды и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 115–116 (в соавт. с Е. П. Захаровой, М. А. Кормилицыной).

## 2011

389. Язык СМИ : учебное пособие по курсу «Язык СМИ» для студентов I и II курсов подготовки бакалавров по направлению 031300 «Журналистика» / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2011. 92 с. (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

390. Следствия коммуникативной некомпетентности в разных сферах общения и в жизни страны // Проблемы речевой



коммуникации : межвуз. сб. науч. тр / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 11. С. 5–11.

391. Современное состояние русской речи и его соотношение с нормами и системой языка // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 54–58.

392. Роль «слабой» семантики в функционировании языка. Слово в языке и тексте : сб. ст. к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской / под общ. ред. О. А. Горбань, Е. М. Шептухиной. Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2011. С. 332–337.

393. Текст в коммуникативном пространстве России : кол. монография / науч. ред. проф. Т. В. Чернышова и проф. А. А. Чувакин, Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2011. 337 с.

394. Общее и социоспецифичное в устной культуре общения // Русская устная речь. Материалы Междунар. научн. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь : русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.). Саратов : ИЦ «Наука», 2011. С. 134–137.

395. Речевая среда // Речевое общение : специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 12(20). Красноярск : Сибир. федер. универ., 2011. С. 169–170.

396. К чему приведут тенденции современной русской речи? // IN HONOREM MAGISTRI ONUFRIE VINȚELER. Editura Napoca Star, 2011. P. 262–264.

397. О старых и новых задачах лингвистики. Язык-Текст-Литература : Коммуникативная парадигма : сб. ст. к 70-летию А. А. Чувакина / под ред. И. Ю. Качесовой и Н. В. Панченко. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 81–87.

398. Современное состояние кодификации : успехи,

недочёты, проблемы // Тезисы Третьей Всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка : результаты и проблемы» (7–10 декабря 2011 г.). Санкт-Петербург : Златоуст, 2011. С. 55 (в соавт. с О. В. Мякшевой).

## 2012

399. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. Вып. 12. С. 5–13.

400. Диффузная лексика в разных сферах и типах общения (положительные и негативные следствия употребления) // Проблемы речевого общения. Тезисы докладов Междунар. конф. Десятые Шмелевские чтения (Москва, 24–26 февраля 2012). М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 167–169.

401. Коммуникация : социальные и профессиональные риски её срыва и его негативных последствий // Научное обозрение : гуманитарные исследования. Филология. Педагогика. Психология, 2012. № 1. С. 132–137.

402. Значение трудов Ю. М. Скребнева для лингвистики // Скребневские чтения : материалы науч. конф. 30 октября 2012 г. Нижний Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. С. 12–14.

403. Тенденция к диффузности и её роль в общении // Русский язык сегодня. Вып. 5 : Проблемы речевого общения. X Шмелевские чтения сб. докладов / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; отв. ред. Н. Н. Розанова. М. : Флинта ; Наука, 2012. С. 366–374.

404. Коммуникация и язык : их взаимодействие и взаимозависимость (взгляд из 2012 года) // Речь. Речевая деятельность. Текст : материалы Всерос. межвуз. науч. конф., посвящ. памяти проф. Г. Г. Инфантовой / отв. ред. И. В. Голубева, Н. А. Сенина. Таганрог : ФГБОУ ВПО «ТГПИ им. А. П. Чехова», 2012. С. 405–412.

405. Л. Радзиховский как мастер продуктивного воздействия // Коммуникация. Мышление. Личность : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова (Саратов, 12–14 ноября 2012). Саратов : Изд. центр «Наука», 2012. С. 246–257. [http://www.sgu.ru/files/nodes/86989/sb\\_materialov.doc](http://www.sgu.ru/files/nodes/86989/sb_materialov.doc) (в соавт. М. А. Кормилицыной).

406. Предисловие // Коммуникация. Мышление. Личность материалы Междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. 2012. С. 11.

407. Идиостиль Л. Радзиховского : авторская позиция и средства её реализации // «Лингвистика речи. Медиастилистика» : колл. монография, посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. С. 364–376 (в соавт. М. А. Кормилицыной).

408. Адресация речи // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 23–24.

409. Контактустанавливающие средства // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 261–262.

410. Порядок слов // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 479–481.

411. Разговорная речь // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 526–527.

412. Разговорность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-

та, 2012. С. 527–528.

413. Разговорный стиль или обиходно-разговорный (обиходно-бытовой) стиль // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 529.

414. Речевая среда // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 548–549.

415. Типы речевой культуры // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 712–715.

416. Ошибки порядка слов // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 427–429 (в соавт. с А. А. Кузнецовой).

417. Хорошая речь. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник» / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. С. 760 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

418. Тенденция к диффузности значений и роль кодифицирующей лексикографии в культуре речи населения // III Междунар. конф. «Русский язык в культурно-историческом измерении», посв. 200-летию Я. К. Грота. Тезисы докладов III Междунар. конф. «Культура русской речи» (Москва, 23–25 ноября 2012). М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. 2012. С. 199–202 (в соавт. с О. В. Мякшевой).

419. Представляем книгу // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. : Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. № 2. С. 110–115 (в соавт. с И. А. Тарасовой, И. Ю. Иванюшиной, М. А. Кормилицыной).

420. Филологические духовные ценности // Гуманитарные

науки в современном обществе : цивилизационные ценности и глобальные вызовы : материалы I Междунар. науч. конф. преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов (23 марта 2012, г. Саратов). Вып. 1 : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2012. С. 233–237.

## 2013

421. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски / науч. ред. М. А. Кормилицына. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.

422. Модные слова : причины образования и риски употребления // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 5–14.

423. Функциональная стилистика и её место в современной лингвистике // Стилистика как речеведение : сб. науч. тр. славянских стилистов, посвящ. памяти М. Н. Кожинной / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2013. С. 83–90 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

424. Функциональная стилистика и её место в современной лингвистике // Славянская стилистика. Век XXI : сб. статей / Медиалингвистика под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, «Высшая шк. журн. и масс. коммуникации», 2013. Т. 1. С. 101–111 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

425. Система, узус и риски их изменений // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкознание. Волгоград : Изд-во Волгоградский гос. ун-та, 2013. № 3(19). С. 7–12.

426. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1(1). С. 177–193. URL : <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/05/Sirotinina.pdf> (Режим доступа : [http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=51&lang=ru\(ПИИЦ\)](http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=51&lang=ru(ПИИЦ))).

427. Синкретизм, полисемия и диффузность в современной

речи // Предложение и Слово : сб. науч. тр. VI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти саратовских лингвистов В. С. Юрченко и М. В. Черепанова (Саратов, 22–23 апреля 2013 г.) / под ред. С. В. Андреевой. Саратов : Научная книга, 2013. С. 256–260. ([http://www.sgu.ru/files/nodes/96424/Predlozhenie\\_i\\_slovo-6.pdf](http://www.sgu.ru/files/nodes/96424/Predlozhenie_i_slovo-6.pdf)).

428. Хорошая речь : сдвиги в представлении об эталоне // Русский язык сегодня 2. Активные языковые процессы конца XX века. М. : Азбуковник, 2013. С. 519–526.

429. Стратификация национального языка и роль СМИ в сохранении его единства // Тезисы международной конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» СПб. : Златоуст, 2013. С. 73–78 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

430. Порядок слов в русском языке. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 5-е. изд. 170 с.

## 2014

431. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2014, вып. 14. С. 5–14.

432. Проблема «автор – аудитория» в приложении к современным СМИ // Филология и журналистика : центробежное притяжение. Краснодар : КубГУ, 2014. С. 18–25.

433. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. Сетевое научное издание. 2014. № 2(3). С. 293–307. Режим доступа : <http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=59&lang=ru> (сетевое издание <http://ecoling.sfu-kras.ru>).

434. Идиостиль журналиста. Ст. 1 // Медиалингвистика. Междунар. науч. журнал. СПб., 2014. № 2(5). С. 40–48. (<http://medialing.spbu.ru/part10/> (в соавт. с

М. А. Кормилицыной).

435. Диффузность значений и роль кодифицирующей лексикографии в культуре речи населения // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова / гл. ред. А. М. Молдован. М. : Вест-Консалтинг, 2014, вып. 2–1. Т. 2. С. 235–244 (в соавт. с О. В. Мякшевой).

436. НЕЛЬЗЯ и НАДО в русском порядке слов (рискогенность отступлений от норм порядка слов в русском языке) // Слово в синтаксис : сб. науч. тр., посвящ. юбилею д. филол. н., проф. В. П. Малащенко. В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федер. ун-та, 2014. С. 40–47.

437. Важность знаний о рисках коммуникации для успешной профессиональной деятельности журналистов // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 25–26 декабря 2014 г. / Науч.-информ. издат. центр «Институт стратегических исследований». М. : Изд-во «Институт стратегических исследований», 2014. С. 115–120 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

438. Адресация речи // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электр. издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 23–24.

439. Контактостанавливающие средства // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электр. издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 261–262.

440. Ошибки порядка слов // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электр. издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 413–414 (в соавт. с А. А. Кузнецовой).

441. Порядок слов // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электр. издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 463–465.

442. Разговорная речь // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 508–509.

443. Разговорность // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 510.

444. Разговорный стиль, или обиходно-разговорный (обиходно-бытовой) стиль // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 511–512.

445. Речевая среда // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 529–530.

446. Типы речевой культуры // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 685–687.

447. Хорошая речь // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сиб. федер. ун-т / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. 2-е изд., перераб. и доп. С. 730–731 (в соавт. с М. А. Кормилициной).

448. Дискурс власти и дискурс оппозиции с точки зрения их роли в судьбе русского языка // Современное общество: человек, власть, экономика: Материалы III Междунар. науч.



конф. (4 апреля 2014, г. Саратов). Разделы 10–15: сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 404–409.

449. О старых и новых задачах лингвистики // Филология в системе современного гуманитарного знания / под ред. Т. В. Чернышовой и А. А. Чувакина. Уч. пособие. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014, С. 137–140.

## 2015

450. Речевой этикет в СМИ как фактор влияния на речевую культуру российского общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 5–9 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

451. Идиостиль журналиста. Ст. 2. // Медиалингвистика / Междунар. науч. журнал. С-Петер. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций», 2015. № 1(6). С. 25–33 (<http://medialing.spbu.ru/part10/>) (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

452. Важность знаний о рисках коммуникации для успешной профессиональной деятельности журналистов // Медиалингвистика. IV Междунар. науч.-практ. семинар. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа : сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. Н. С. Цветова. СПб. : С-Петер. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. С. 34–37 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

453. Коммуникативные риски в жизни человечества и современного человека : возможности их предупреждения / Личность-Язык-Культура : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. 26–28 ноября 2014 г., Саратов : ООО ИЦ «Наука», 2015. С. 9–16.

454. Медиалингвистика или медиастилистика? // Медиалингвистика : Междунар. науч. журнал. С-Петер. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций»,

2015. № 2(8). С. 17–22. URL : [http://medialing.spbu.ru/part10/\(РИНЦ\)](http://medialing.spbu.ru/part10/(РИНЦ)). (Режим доступа: [http://medialing.spbu.ru/upload/files/file\\_1435177362\\_5869.pdf](http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1435177362_5869.pdf)).

455. Пространство языка под «лупой» мониторинга речи // Язык в пространстве речевых культур : к 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. : Издательский дом «Наука образования» (ЗАО «АЛКОР») ; Саратов : ООО «Амирит», 2015. С. 145–153.

456. Введение // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 7–8.

457. Причины коммуникативных рисков // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 12–18 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

458. Следствия непреодоленных коммуникативных рисков // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 18–19.

459. Рискогенность лексических заимствований и способы её преодоления // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 47–52.

460. Коммуникативные риски звучащей речи СМИ // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 81–84.

461. Деловое общение и официально-деловой стиль языка в аспекте их рискогенности // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 114–116.

462. Коммуникативные риски в научной сфере общения. Общие положения // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 160–163.

463. Риски, вызванные нарушением этических норм // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 163–164.

464. Заключение // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении : сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 174–175.

465. Медиалингвистика – основа журналистики // «Изменяющийся мир : общество, государство, личность» : сб. материалов IV Междунар. науч. конф. (09 апреля 2015 г.). Часть 3 (раздел 17–24). Саратов : ИЦ «Наука», 2015. С. 356–361.

466. «Волны» изменений в функционировании русского языка // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 4–23.

## 2016

467. Тенденции к диффузности и синкретизму языковых

единиц в их современном функционировании // Язык : поиски, факты, гипотезы : сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М. : ЛЕКСРУС, 2016. С. 121–132.

468. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск, 2016. № 1(6). С. 150–164. (Сетевое издание <http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=320&lang=ru>). URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Sirotinina-O.V.-Matyashevskaya-A.I.pdf> (в соавт. А. И. Матяшевской).

469. Глава 1 «Разговорный стиль» // Стилистика и литературное редактирование : в 2 т. Т. 1. Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. Сер. 58 : Бакалавр. Академический курс. М. : Изд-во Юрайт, 2016. Изд. 1. С. 46–63. (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

470. Экстралингвистические стилеобразующие факторы, содержательные особенности и конструктивный принцип разговорного стиля // Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. Сер. 58 : Бакалавр. Академический курс. М. : Изд-во Юрайт, 2016. С. 46–49.

471. Устная и письменная речь // Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. Сер. 58 : Бакалавр. Академический курс. М. : Изд-во Юрайт, 2016. С. 49–51.

472. Лингвостилистические особенности разговорной речи // Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. Сер. 58 : Бакалавр. Академический курс. М. : Изд-во Юрайт, 2016. С. 51–59.

473. Жанровая дифференциация разговорной речи // Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1.

Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. Сер. 58 : Бакалавр. Академический курс. М. : Изд-во Юрайт, 2016. С. 59–62.

474. Разговорность как риторическая категория. // Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. Сер. 58 : Бакалавр. Академический курс. М. : Изд-во Юрайт, 2016. С. 62–63.

475. Вклад в теорию диахронического развития политической метафоры. Рецензия на монографию Л. В. Балашовой «Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее» (М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica)) // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. Вып. 1(55). С. 205–209 (в соавт. с А. П. Чудиновым, Е. А. Нахимовой).

476. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка : Лексика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. стереотип. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 312 с.

477. Книги, которые нужны всем // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 233–234.

478. Вклад Бориса Николаевича Головина в функциональную стилистику и культуру речи // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. 28–30 сентября 2016. Н. Новгород : ДЕКОМ, 2016. С. 64–68. (Нижегородский гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского).

479. Принципиальные различия устной и письменной речи // Русская устная речь : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь : русская диалектная и разговорно-просторечная культура

общения» / отв. ред. О. Ю. Крючкова. (Саратов, СГУ, 18–19 ноября 2015 г.). Вып. 2. Саратов : Амирит, 2016. С. 94–103.

480. Динамизм процессов в современной русской речи // Вестник Самар. ун-та. История. Педагогика. Филология / Языкознание. № 3.2, 2016. С. 9–14.

481. Тенденции к диффузности и синкретизму языковых единиц в их современном функционировании // Язык : поиски, факты, гипотезы : сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М. : ЛЕКSRУС, 2016. С. 121–132.

482. Что даёт изучению развития лексической системы внимание к «странным» фактам окружающей речи? // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016, вып. 16. С. 4–15.

483. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка» // Медиалингвистика. 2016. № 4(14). С. 7–14. (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

484. Стремление к экономии как одна из причин опаснейших рисков для человека, общества, языка и человечества // Конфликты в современном мире : международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Междунар. науч. конф. Ученый совет факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского нац. исслед. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского / отв. ред. Ю. О. Бронникова, Л. В. Мясникова, Т. Г. Фирсова. Саратов, 8 апреля 2016 года. М. : Издательство «Перо», 2016. С. 197–200.

485. Представляем книгу // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. : Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. № 2. С. 233–235 (в соавт. с И. Ю. Иванюшиной, И. А. Тарасовой).

486. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. Сетевое научное издание.

2016, № 1. С. 59–71.

## 2017

487. Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1(8). С. 25–37. (Сетевое издание <http://ecoling.sfu-kras.ru>). URL : <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Sirotinina-O.V..pdf>

488. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи / Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.

489. Культура речи и речевая культура человека // Чтобы Вас понимали : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. С. 64–70.

490. Порядок слов // Чтобы Вас понимали : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. С. 115–119

491. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека // Чтобы Вас понимали : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. С. 120–128.

492. Требования к речи лиц, работающих в органах власти и СМИ // Чтобы Вас понимали : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. С. 128–137 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

493. Как наше слово отзовется? (*Что нужно знать учителю*) // Чтобы Вас понимали : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. С. 148–155.

494. От чего зависит эффективность коммуникации? // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 5–17.

495. Возможна ли двусторонне осознаваемая коммуникация

человека с собаками и кошками? // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 180–188.

496. Факторы риска для языка в медиасреде // Медиалингвистика : Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. «Язык в координатах массмедиа» / отв. ред. А. А. Малышев. СПбУ, 2017. Вып. 6. С. 14–16 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

497. Риторика и культура речи в вузовской системе обучения // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике : сб. материалов XXI Междунар. науч. конф. по риторике, 1–3 февраля 2017 г. Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / отв. ред. В. И. Аннушкин. М., 2017. 2018. С. 416–422 (в соавт. с А. В. Дегальцевой).

498. Риски влияния массмедиа на русский язык и речевую коммуникацию // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 26–28 октября 2017 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. С. 9–14 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

499. Риски медийного пространства // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию гуманитарного образования в Сарат. гос. ун-те им. Н. Г. Чернышевского 1–3 марта 2017 г. Саратов : ООО ИЦ «Наука», 2017. С. 11–20.

500. Государственный (литературный) русский язык : обязательные и возможные сферы его использования, нормы и реальный узус // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. РАН. Вып. 13 : Культура русской речи (Гротовские чтения) V Междунар. науч. конф. М., 2017. С. 82–



89.

501. Государственный язык: обязательные и возможные сферы его использования, нормы и реальный узус // Культура русской речи (Гротовские чтения) V Междунар. науч. конф. 2017. С. 75 (в соавт. с О. В. Мякшевой).

502. Специфика устного новостного жанра // Жанры речи. 2017. № 2(16). С. 216–219. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-216-219.

503. Представляем книгу // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 482–488 (Рец. на книгу Сквородникова А. П. Экология русского языка. Красноярск : СФУ, 2016. 388 с.) (в соавт. с М. А. Кормилицыной, И. Ю. Иванюшиной, И. В. Кабановой, С. Ю. Павловой, Ю. Н. Аникеевой).

504. Глава 1 / Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1 : учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : Изд-во Юрайт, 2017. Изд. 1. 325 с. Серия 58 : Бакалавр. Академический курс. С. 46–63 (глава «Разговорный стиль») (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

505. Язык СМИ. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2017. 2-е изд. (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

## 2018

506. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Междунар. журнал «Экология языка и коммуникативная практика». Красноярск, 2018. № 1(12). С. 59–71 (сетевое научное издание <http://ecoling.sfu-kras.ru/>).

507. Современная коммуникация: достижения и потери в погоне за эффективностью // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. в 2-х кн. / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2018. Вып. 18. Кн. II. С. 5–11.

508. Тенденции изменений в стилистическом облике

традиционных журналистских жанров в современной прессе // Жанры речи. Саратов, 2018. № 1 (17). С. 67–72.

509. Риски в коммуникации // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаева ; редколл. : В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М. : Флинта, 2018. С. 105–107 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

510. Коммуникативная культура журналиста // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаева ; редколл. : В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М. : Флинта, 2018. С. 219–220 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

511. Речевые преступления в массмедиа // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаева. М. : Флинта, 2018. С. 105–107 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

512. Что обеспечивает эффективность современного научного текста? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : сб. науч. тр. Орловский гос. институт культуры / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орёл : ООО "Горизонт", 2018. Вып. 15. С. 21–30.

513. Влияние девиаций языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь в СМИ и судьбу языка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 124–132. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-132 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

## 2019

514. Нужна ли современной России риторика? // Медиариторика и современная культура общения : наука – практика – обучение : сб. статей XXII Междунар. науч. конф. (30 января – 1 февраля 2019 г.) / отв. ред. В. И. Аннушкин. М. :

Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 177–181.

515. Взаимодействие системы языка, узуса и нормы в современной речи // Тезисы VI Междун конф «Культура русской речи» (Гротовские чтения) 21–23 февраля 2019 г. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2019. С. 97 (в соавт. с О. В. Мякшевой).

516. Факторы, влияющие на эффективность коммуникации // Международ. журнал «Экология языка и коммуникативная практика». 2019. № 1(16) С. 39–47. (Сетевое издание <http://ecoling.sfu-kras.ru>). DOI: 10.17516/2311-3499-047.

517. Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? // Филология в XXI веке : Научный журнал, спецвыпуск : Материалы Междунар. конф. "Функциональная стилистика в контексте современного гуманитарного знания", посвящ. 80-летию проф. М. П. Котюровой. Пермь : Издательский центр Пермского гос. науч. исслед. ун-т, 2019. С. 269–275.

518. Предисловие // Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения : колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука». 2019. С. 5.

519. Роль адресанта и адресата в разных средах общения // Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения : колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука». 2019. С. 31–36.

520. Выводы по главе 2 // Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения : колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука». 2019. С. 109.

521. Выводы по главе 3 // Эффективность коммуникации :

понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения : колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука». 2019. С. 217.

522. Заключение // Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения : колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука». 2019. С. 218.

523. Речевая среда современной молодежи: семья, школа, университет // Сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. «Образовательное пространство в информационную эпоху» (International conference “Education Environment for the Information Age – 2019”) (EEIA – 2019) / под ред. С. В. Ивановой. 2019. М. : ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», С. 452–466. <http://www.instrao.ru/images/Izdaniya/EEIA-2019.pdf> (в соавт. с О. В. Мякшевой, М. А. Кормилицыной, А. Н. Байкуловой, Т. С. Боц).

524. Myaksheva O.V., Sirotinina O.V., Kormilitsyna M.A., Baikulova A.N., Bots T.S. Speech environment of modern youth: family, school, university In: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS 2019. С. 574–582.

525. Книга, которую филологам стоит прочитать // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 488–489 DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-488-489>

526. О вкладе в лингвистику Галины Георгиевны Полищук // Когнитивные и социокультурные аспекты изучения языка : Материалы студенческой науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора Г. Г. Полищук, 4 ноября 2018 г. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2019. С. 4–8.

527. Разговорный стиль // Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1 : учебник для академического

бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : Изд-во Юрайт, 2019. Изд. 1. 325 с. Серия 58 : Бакалавр. Академический курс. С. 46–63.

528. Можно ли считать русский порядок слов свободным? // Порядок слов. Грамматика, текст, стиль, дискурс. Юбилейная колл. монография, посвящ. 45-летию науч. деят. проф. Зои Новоженовой / под ред. Т. Канонович и А. Климкевич. Гданьск (Польша), 2019. С. 41–50.

529. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 3. С. 22–26. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-3-22-26 (в соавт. с О. В. Мякшевой).

530. Из воспоминаний Ольги Борисовны Сиротининой // Вопросы прикладной физики : межвуз. науч. сб. Саратов, 2019. С. 69–70.

531. Изменения в современном русском языке и вклад А. П. Сквородникова в их изучение // Юбилейный сборник «Экология языка и коммуникативная практика» 2019. № 4 (2). С. 1–7. DOI 10.17516/2311-3499-084. (Сетевое издание <http://ecoling.sfu-kras.ru>).

532. Состояние русской речи // Междунар. журнал «Экология языка и коммуникативная практика». 2019. № 4 (2). С. 113. DOI 10.17516/2311-3499-095. (Сетевое издание <http://ecoling.sfu-kras.ru>).

533. К вопросу о функционально-стилевых различиях в русском языке и речи в XXI в. // Актуальные проблемы стилистики. Ежегодный Междунар. науч. журнал № 5. М. : Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. С. 27–39. (218 с.).

534. Как менялся русский речевой вкус эпохи // Но мы сохраним тебя, русский язык! : колл. монография, посвященная 90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова / отв. ред. В. И. Карасик. Москва : ФЛИНТА, 2019. С. 87–107.

## 2020

535. Дискурс «цифрового» поколения : в чем его угроза языку // *Личность – Язык – Культура : Материалы VII Всероссийской науч.-практ. конф. 27–28 ноября 2019 г. к 110-летию Саратовского нац. исслед. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского.* Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2020. С. 6–13.

536. Роль среды в разговорных новообразованиях в неофициальном общении // *Повседневная речь как объект лексикографии. Тезисы докладов Междунар. конф. / отв. ред. Л. П. Крысин.* Москва, 2020. С. 48–50. (в соавт. с С. О. Львовой).

537. К вопросу о соотношении вариантов реализации русского языка в разные периоды его истории // *Языковое сознание. Речевая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова.* Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 513–521.

## 2021

538. Введение // *Эффективность коммуникации : влияние сфер общения на факторы её достижения.* Колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 5–6.

539. Вводная к главе // *Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы её достижения.* Колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 21.

540. Вводная к главе – *Общие сведения о научной коммуникации // Эффективность коммуникации : влияние сфер общения на факторы её достижения.* Колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 62–65.

541. Пример оформления научной статьи по новым

правилам // Эффективность коммуникации : влияние сфер общения на факторы её достижения. Колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 79–81.

542. Вводная к главе // Эффективность коммуникации : влияние сфер общения на факторы её достижения. Колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 113–114.

543. Вводная к главе // Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы её достижения. Колл. монография / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 189.

544. Вводная к главе // Эффективность коммуникации : влияние сфер общения на факторы её достижения. Колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 206.

545. Заключение // Эффективность коммуникации : влияние сфер общения на факторы её достижения. Колл. монография / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. С. 230.

546. К обсуждению статьи В. И. Шаховского «М. Н. Эпштейн об экологии текста и её перспективах» [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2021, № 1. С. 176–180. Режим доступа: [www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru).

547. Русский язык как государственный : проблемы его экологии и функционально-стилевой дифференциации // Экология языка и речи : Материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук, профессора Нины Георгиевны Блохиной, Тамбов, 12–13 февраля 2021 года. Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2021. С. 12–16. (в соавт. с О. В. Мякшевой).

548. С. П. Лопушанская и её вклад в становление

Волгоградского университета // Материалы Вторых Всероссийских научных чтений, посв. памяти проф.С. П. Лопушанской, 30 сентября – 1 октября 2021. Волгоград : ВГУ, 2022 (в печати).

## 2022

549. Сиротинина О. Б. Явные нарушения экологии в текстах современных СМИ и речи молодежи : как с этим бороться // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения : монография / под ред. А. П. Сквородникова, Г. А. Копниной. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 268–288.

550. Русский язык как интернациональное средство общения на советском и постсоветском пространстве: проблема охраны и изменения норм // Материалы конференции «Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память», Институт истории и международных отношений СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 14–15 октября 2022 г. (в соавт. с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

551. Функционирование русского языка в цифровую эпоху: активные процессы и коммуникативные риски // Материалы конференции «Национальные коды в языке и литературе», Институт филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 28–30 октября 2022 г. (в соавт. с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

552. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ // Филология и человек. 2022. № 4 (в соавт. с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

553. К проблеме изменения норм современного русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2022. № 4 (в соавт. с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

554. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ // Жанры речи. 2023. № 2. (в соавт.



с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

555. Проблемы экологии современной научной речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2023. № 2 (в соавт. с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

556. Пополнение состава орфографического академического ресурса: кодификация норм и отражение реакции на неё носителей русского языка // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сборник материалов VII Международной научно-практической очно-заочной конференции, Кубанский государственный университет. Краснодар: КубГТУ, 2022 (в соавт. с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

557. Речь в самой многотиражной газете России последней четверти 2022 года // Материалы конференции «Национальные коды в языке и литературе», Институт филологии и журналистики Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 28–30 октября 2022 г. (принята к печати).

558. Динамика норм современного русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2023 (в соавт. с А.В. Дегальцевой) (принята к печати).

## РЕДАКТИРОВАНИЕ

559. Современный русский язык : учеб. пособие. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1960. (С. 28–33, 53–56, 79–85, 94–111, 115–126, 146–147, 150–164)

560. Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1962. Вып. 1. 152 с.

561. Вопросы стилистики. Саратов, 1969. Вып. 2. 182 с.

562. Вопросы стилистики. Саратов, 1969. Вып. 3. 194 с.

563. Вопросы стилистики. Саратов, 1972. Вып. 4. 158 с.

564. Вопросы стилистики. Саратов, 1972. Вып. 5. 168 с.

565. Вопросы стилистики. Саратов, 1973. Вып. 6. 166 с.
566. Вопросы стилистики. Саратов, 1974. Вып. 7. 160 с.
567. Вопросы стилистики. Саратов, 1974. Вып. 8. 164 с.
568. Вопросы стилистики. Саратов, 1975. Вып. 9. 169 с.
569. Вопросы стилистики. Саратов, 1975. Вып. 10. 161 с.
570. Вопросы стилистики. Саратов, 1976. Вып. 11. 175 с.
571. Вопросы стилистики. Саратов, 1977. Вып. 12. 160 с.
572. Вопросы стилистики. Саратов, 1977. Вып. 13. 161 с.
573. Вопросы стилистики. Саратов, 1978. Вып. 14. 190 с.
574. Жукова Л. Г., Сорокина Н. А. Практическое пособие по русскому языку (для подготовительного отделения). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978, вып. 1. 97 с.
575. Лабораторные работы по современному русскому языку. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 49 с.
576. Вопросы стилистики. Саратов, 1980. Вып. 15. 159 с.
577. Функционально-стилевая дифференциация языка // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. Вып. 16. 161 с.
578. Функциональные стили русского языка и методы их изучения // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. Вып. 17. 166 с.
579. Жукова Л. Г., Сорокина Н. А. Практическое пособие по русскому языку (для подготовительного отделения). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982, вып. 3. 77 с.
580. Функциональные стили русского языка и методы их изучения // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. Вып. 18. 168 с.
581. Жукова Л. Г., Сорокина Н. А. Практическое пособие по русскому языку (для подготовительного отделения). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983, вып. 4. 88 с.
582. Спецсеминары кафедры русского языка. Учебно-метод. пособие для студентов филолог. факультета / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 52 с.
583. Стилистические средства русского языка // Вопросы

стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. Вып. 19. 167 с.

584. Стилистика художественной речи // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. Вып. 20. 169 с.

585. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 169 с.

586. Межстилевая и внутрителиевая вариантность языковой системы // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. Вып. 21. 182 с.

587. Функционирование языка в разных видах речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. 149 с.

588. Культура русской речи в национально-территориальном аспекте / сб. научных статей. Элиста, 1987. 125 с.

589. Стилистика художественной речи // Вопросы стилистики : Межвуз. науч. сб. / Саратов, 1988. Вып. 22. 152 с.

590. Особенности функционирования разноуровневых единиц языка: Межвузовский научный сборник. Саратов, 1988.

591. Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 151 с.

592. Вопросы стилистики устной и письменной формы речи : учебное пособие. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 183 с.

593. Устная и письменная формы речи // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. Вып. 23. 180 с.

594. Региональные проблемы культуры речи. Сб. науч. статей. Элиста, 1990. 119 с.

595. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 310 с.

596. Текст и его компоненты // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1992. Вып. 24. 177 с.
597. Девятайкин А. И. Устная речь писателей и ученых. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 180 с.
598. Прибыток И. И. Английские сентенсоиды: структура, семантика, прагматика, сфера функционирования. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 180 с.
599. Проблемы культуры речи // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 25. 168 с.
600. Язык и общение : учеб.-метод. пособие. Саратов, 1995. (С. 4, 31–40, 49–58).
601. Язык и человек // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26. 104 с.
602. Жанры речи / сб. науч. тр. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. 212 с.
603. Полищук Г.Г. Русский язык и культура общения: Пойми меня правильно. Саратов : Изд-во Слово, 1998. 88 с.
604. Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие. Саратов : Слово, 1998. 120 с.
605. Человек и текст // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 27. 202 с.
606. Разговорная речь. М., 1998.
607. Жанры речи : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. 287 с.
608. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.
609. Антропоцентрические исследования // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28. 296 с.
610. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. Вып. 1. 184 с.
611. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. 260 с.

612. Романенко А. П. Советская словесная культура : образ риторика. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 212 с.

613. Хорошая речь (колл. монография) / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 1-е изд. 320 с.

614. Балашова Л. В., Ягубова М. А. Подготовка к государственному централизованному тестированию. Саратов : Лицей, 2001. 244 с.

615. Балашова Л. В. Русский язык и культура общения. Саратов : Лицей, ч. I. 2002. 192 с.

616. Балашова Л. В. Русский язык и культура общения. Саратов : Лицей, ч. II. 2002. 190 с.

617. Жанры речи : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. 318 с.

618. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие. М. : Едиториал УРСС, 2002. 170 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).

619. Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003. Вып. 2.

620. Романенко А. П. Советская словесная культура : Образ риторика. М. : УРСС, 2003. Изд. 2.

621. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 4. Власть и речь. 246 с.

622. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань : Изд-во Астрах. гос. тех. ун-та, 2004. 196 с.

623. Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры. СПб. – Саратов: СЗАГС; Научная книга, 430 с.

624. Проблемы речевой коммуникации : межвузов. сб. науч. тр. Институт русского языка, литературы и

журналистики при филологическом факультете Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. Вып. 5. 220 с. (соредактор М. А. Кормилицына).

625. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 192 с.

626. Курочкина И. В., Сдобнова А. П. Учусь правильно образовывать слова. Словообразовательный словарик / Пособие для учащихся начальной школы. М. : Дрофа, 2005. 144 с.

627. Проблемы речевой коммуникации. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып. 6. 192 с.

628. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие. М. : КомКнига (УРСС), 2006. Изд. 3-е, доп. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.).

629. Милехина Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 314 с.

630. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие. М. : Едиториал УРСС, 2006 (доп. изд.). 145 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).

631. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи : система, зоны употребления, функции. М. : УРСС, 2006. 192 с. Изд. 2 испр.

632. Хорошая речь. Монография / [О. Б. Сиротинина и др.] / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

633. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. Вып. 7. 244 с.

634. Паршина О. Н. Российская политическая речь. Теория и практика. Изд. II исп. и доп. Москва URSS (ЛКИ), 2007. 232 с.

635. Мякшева О. В. Пространственная семантика: ресурсы языка и их функциональный потенциал. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2007. 356 с.

636. Культура речи и речевая культура человека. М., 2007. 156 с.

637. Культура речи и речевая культура человека : Всероссийск. науч. конф. «Язык и культура в России : состояние и эволюционные процессы». Самара, 27 окт. 2007 г.

638. Жанры речи : сб. науч. тр. Саратов : Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. 440 с.

639. Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. 8. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи : эволюция, тенденции, прогнозы». 447 с.

640. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка : Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 312 с.

641. Хорошая речь : колл. монография / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 316 с.

642. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2009. Вып. 9. 126 с.

643. Хорошая речь : колл. монография / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Изд. 4-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ» (Изд-во ЛКИ), 2009. 316 с.

644. Рисинзон С. А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: Монография. Саратов: Изд. Центр «Наука», 2010. 419 с.

645. Всё, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 224 с.

646. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Москва, 2011. (2-е изд., стереотипное).

647. Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. / Институт филологии и журналистики. Саратов, 2012. Вып. 12.

648. Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014, вып. 14. 164 с.

649. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / Байкулова А. Н., Викторова Е. Ю., Дегальцева А. В., Дегальцева М. Н., Кормилицына М. А., Куликова Г. С., Матяшевская А. И., Милёхина Т. А., Сиротинина О. Б., Уздинская Е. В., Яхина Д. И. / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

650. Сборник «Медиалингвистика», № 4. 2016 (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

651. Проблемы речевой коммуникации, вып. 16, 2016. 148 с. (в соавт. с М. А. Кормилицыной).

652. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Учебник в 2 томах / Москва, 2016. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. Т. 1.

653. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Учебник в 2 томах / Москва, 2016. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. Т. 2.

654. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении Саратов, 2016. 188 с. (доп. тираж).

655. Проблемы речевой коммуникации : межвузов. сб. науч. тр. / Саратов, 2017. Вып. 17. 196 с.



656. Чтобы Вас понимали : Культура русской речи и речевая культура человека. Учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 272 с.

657. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. Учебник / Москва, 2017. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (1-е изд.).

658. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 2. Учебник / Москва, 2017. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (1-е изд.).

659. Проблемы речевой коммуникации. Межвузов. сб. науч. тр. в 2 х кн. Саратов, 2018. Вып. 18. Кн. I. 136 с.

660. Проблемы речевой коммуникации. Межвузов. сб. науч. тр. в 2 х кн. Саратов, 2018. Вып. 18. Кн. II. 136 с.

661. Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник / Москва, 2018.

662. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. : Учебник / Москва, 2018. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (2-е изд.).

663. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 2. : Учебник / Москва, 2018. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (2-е изд.).

664. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. : Учебник / Москва, 2019. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (3-е изд.).

665. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 2. / : Учебник / Москва, 2019. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (3-е изд.)

666. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения : колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2019. 236 с.

667. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 1. : Учебник / Москва, 2020. Сер. 76. Высшее образование (4-е изд.)

668. Стилистика и литературное редактирование в 2 т. Т. 2. : Учебник / Москва, 2020. Сер. 76. Высшее образование (4-е изд.)

669. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы её достижения. Монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. 256 с.

## РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

670. Slovo a slovesnost (Чехословакия), 1971, XXXII, 4, С. 352–355.

671. Съпоставително езикознание (Болгария), 1979, № 1, С. 94–100.

672. Stylistyka (Польша) – III, 1994. С. 179–182.

673. «Вопросы языкознания» / РАН, 1995, № 4. С. 123–131.

674. «Вопросы языкознания» / РАН, 1995, № 5. С. 127–140.

675. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. 260 с.

676. Балашова Л. В. Русский язык и культура общения. Саратов : Лицей, ч. I. 2002. 192 с., ч. II. 2002. 190 с.

677. Курочкина И. В., Сдобнова А. П. Учись правильно образовывать слова. Словообразовательный словарь / Пособие для учащихся начальной школы. М. : Дрофа, 2005. 144 с.

678. Мякшева О. В. «Мне не до смеха – мне до страха» (речевое развитие ребенка от первого слова до семи лет). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2022. 112 с.

### **Наиболее значимые коллективные монографии, учебники и пособия**

1. Порядок слов в русском языке. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. 172 с. (Несколько раз книга переиздавалась в Москве).

2. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под

ред. проф. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1983. 256 с. (Несколько раз книга переиздавалась в Москве).

3. Всё, что нужно знать о русской речи: Пособие для эффективного общения: учеб. пособие. I изд. М. : Просвещение, 1986. 224 с. (Несколько раз переиздавалось в Москве в изд-ве УРСС).

4. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. проф. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 312 с. (Несколько раз книга переиздавалась в Москве).

5. Функциональные стили и формы речи : колл. монография / под ред. проф. О.Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 172 с.

6. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи : Пособие для учителя. М. : Просвещение: Учеб. лит., 1996. 176 с. (Несколько раз переиздавалось в Москве в изд-ве «УРСС»).

7. Балашова Л. В. и др. Русский язык и культура общения для деловых людей / под ред. д. филол. наук О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во «Слово». 1997. 72 с.

8. Русский язык и культура общения для государственных служащих : Научно-популярное издание для врачей, юристов, учителей, работников администраций, управлений / Захарова Е. П., Кочеткова Т. В., Сиротинина О. Б. и др. / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во «Слово», 1998. 88 с.

9. Хорошая речь : колл. монография / под ред. М. А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. I изд. 320 с. (Неоднократно переиздавалась в Москве в изд-ве «УРСС»).

10. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 211 с. (в соавт. с В. Е. Гольдиным и

М. А. Ягубовой). (Неоднократно переиздавался в Москве в изд-ве УРСС).

11. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие. М. : Едиториал УРСС, 2002. 170 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»). (Несколько раз книга переиздавалась в Москве в изд-ве «УРСС»).

12. Культура речи. Настольная книга для государственных служащих / М.А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина, Е. П. Захарова и др. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. 116 с.

13. Чтобы Вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека: Учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 272 с. (Неоднократно переиздавалось в Москве).

14. Язык СМИ: учебное пособие по курсу «Язык СМИ» для студентов I и II курсов подготовки бакалавров по направлению 031300 «Журналистика» / М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 92 с. (Переиздавалось в Москве в изд-ве «ФЛИНТА; Наука»).

15. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / колл. монография, науч. ред. М. А. Кормилицына. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.

16. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении: сб. науч. ст. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. (В 2016 – дополнительный тираж).

17. Эффективность коммуникации : понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы её достижения : колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука». 2019. 236 с.

18. Эффективность коммуникации : влияние сфер общения на факторы её достижения. Колл. монография / под

ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ООО Изд. Центр «Наука», 2021. 256 с.

**Аспиранты (58) и докторанты (16), успешно защитившие под руководством О.Б. Сиротининой диссертации:**

1. Юрченко В.С., 1963 г.
2. Ильминская Н.И., 1967 г.
3. Журавлёв А.П., 1967 г.
4. Калинин А.И., 1969 г.
5. Ключкова-Столярова Э.А., 1972 г.
6. Павлова Л.К., 1972 г.
7. Кормилицына М. А., 1972 г.
8. Коновалова, 1973 г.
9. Чумакова О., 1974 г.
10. Кузнецова Н.И., 1974 г.
11. Прокуровская Н.А., 1977 г.
12. Кочеткова Т.В., 1978 г.
13. Цуканова Н., 1981 г.
14. Тобурокова В.М., 1982 г.
15. Иванчук И.А., 1982 г.
16. Рябова Л.Г., 1983 г.
17. Шевченко Н.В., 1983 г.
18. Захарова Е.П., 1984 г.
19. Шамне Н.Л., 1986 г.
20. Мартыненко Н.Г., 1986 г.
21. Мякшева О.В., 1987 г.
30. Паршина О.Н., 1994 г.
31. Фишер-Кондратьева И.С., 1995 г.
32. Морова О.Л., 1997 г.
33. Колтунова М.В., 1997 г.
34. Голян Е.Г., 1998 г.
35. Коретникова Л.И., 1999 г.
36. Фролова Ю.Б., 1999 г.
37. Викторова Е.Ю., 1999 г.
38. Зайнетдинова К.М., 2000 г.
39. Хлынова В.В., 2000 г.
40. Осина А.В., 2000 г.
41. Ярмаркина Г.М., 2001 г.
42. Казакова В.Ю., 2001 г.
43. Беляева А.Ю., 2002 г.
44. Тырникова Н.Г., 2003 г.
45. Бобарыкина Н.А., 2003 г.

22. Алексеев Б., 1987 г.
23. Базылева Р. М., 1988 г.
24. Девятайкин А.И., 1988 г.
25. Казеко Т.Н., 1989 г.
26. Колокольникова М.Ю., 1989 г.
27. Гастева Н.Н., 1990 г.
28. Рисинзон С.А., 1992 г.
29. Джушхинова К.А., 1992 г.
46. Соколова О.И., 2004 г.
47. Байкулова А. Н., 2006 г.
48. Девяткина В.В., 2006 г.
49. Лудильщикова Н.А., 2006 г.
50. Швец А.Г., 2006 г.
51. Хлебцова Н.К., 2008 г.
52. Акулова Е.В., 2010 г.
53. Иванова Д.М., 2010 г.
54. Кокошкина И.В., 2011 г.
55. Саунина Е.В., 2012 г.
56. Вороновская И.А., 2013 г.
57. Матяшевская А.И., 2014 г.
58. Артемьева П.С., 2016 г.

1. Полищук Г.Г. (д.ф.н.), 1972 г.
2. Юрченко В.С. (д.ф.н.), 1972 г.
3. Журавлёв А.П. (д.ф.н.), 1974 г.
4. Кормилицына М.А. (д.ф.н.), 1992 г.
9. Романенко А.П. (д.ф.н.), 2001 г.
10. Паршина О.Н. (д.ф.н.), 2005 г.
11. Андреева С.В. (д.ф.н.), 2005 г.
12. Милёхина Т.А. (д.ф.н.), 2006 г.

- |   |   |
|---|---|
| 5. Прибыток Н.И. (д.ф.н.),<br>1994 г.     | 13. Мякшева О.В. (д.ф.н.),<br>2008 г.   |
| 6. Кочеткова Т.В. (д.ф.н.),<br>1999 г.    | 14. Рисинзон С.А. (д.ф.н.),<br>2010 г.  |
| 7. Седов К.Ф. (д.ф.н.),<br>1999 г.        | 15. Байкулова А.Н. (д.ф.н.),<br>2015 г. |
| 8. Колокольцева Т.Н.<br>(д.ф.н.), 2001 г. | 16. Викторова Е.Ю. (д.ф.н.),<br>2016 г. |

### **Дополнительная информация:**

1970–1991 – член научно-методического совета по филологии при Министерстве высшего образования СССР;

1970–2003 – зам. Председателя Головного совета «Филология» Министерства высшего образования РСФСР / РФ;

1995–2003 – член Совета по русскому языку при Президенте / Правительстве РФ;

1993 по наст. время – Зам. председателя диссертационного совета Д.212.243.02

В качестве приглашенного специалиста читала курсы в Калмыцком (награждена медалями КГУ и Калм. АССР), Волгоградском (медаль ВГУ), Ивановском, Самарском, Челябинском, Якутском и разовые лекции в других университетах.

Проходила неоднократно в г. Москве специальные курсы обучения зав. кафедрами и стажировки в ИРЯ РАН.

### ***О Сиротининой О.Б.***

1. Русский язык в школе, 1983, № 3. С. 119.
2. Филологические науки, 1983, № 4. С. 95–96.
3. Cultura Russa (Италия), 1984, № 1. С. 20–21.
4. «Кто есть кто в современной русистике». Москва-Хельсинки, 1994. С. 231–232.



5. Автобиографический справочник «Кто есть кто в лингвистике XX века». Сыктывкар, 1999, Т. 1. С. 92–99.

6. Энциклопедия Саратовского края. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 2002. С. 600.

7. Энциклопедический словарь биографий современников. Вся Россия XXI век : Саратовская область. Самара : Поволжский редакционно-издательский центр, 2003, кн. 1. С. 199.

8. Филологические науки, 2003, № 4. С. 127–128.

9. Юдакин А. Славянская энциклопедия (ведущие языковеды мира) М. : Знак, 2005, Т. 1, кн. 3. С. 86–88.

10. O. Vinceler Portrete si carti – Cluj – Napoca (Румыния), 2005. С. 278–289. Книга известного румынского лингвиста О. Винцелера (в 1954 г. – студента СГУ) «Portrete si Carti». Глава «Ольга Борисовна Сиротина – наперекор судьбе» содержит не только сведения о ней, но и теплые воспоминания автора о Саратове, СГУ и его филологическом факультете, его значимости для филологии и в судьбе самого автора.

11. «Славянская энциклопедия (Ведущие языковеды мира)» в 3 кн., в которую включены лингвисты СГУ (Л. И. Баранникова, И. Н. Горелов, А. М. Лукьяненко, В. Е. Гольдин, и ныне работающая О. Б. Сиротина). В статьях (с портретами) на 4–5 страницах о каждом содержится оценка вклада в языкознание, биографические данные, список важнейших трудов.

12. Победительница судьбы, или не унесенная ветром // Курс русский проект. Апрель 2008. С. 48–51.

13. Диалоги об образовании. «Ничего высокого жаргоном не выговоришь» // Практический журнал для учителей и администрации школы. Изд-во "Фолиум", 2007, № 11. С. 4–10.

14. Who is Who – Международное швейцарское издательство 2009. С. 46–47.

15. Микулина С. Элемент бесконечности. Очерк «Не унесенная ветром». Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012.

16. «Мир русского слова» 2018, № 3, Рубрика «Наши юбиляры».

17. *Иссерс О. С.* «Лица современной русистики» / на сайте Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Вып. 22 (<https://modrus.pushkininstitute.ru>).

18. *Корнева Т.* / Королева синтаксиса. 2022 (<https://www.sgu.ru/research/nauko-grad/koroleva-sintaksisa>).

## Отклики на первое издание

В этой части книги помещены отклики учёных-лингвистов, коллег и друзей Ольги Борисовны на первое издание её воспоминаний. И конечно, они не могли не включить в себя тёплые, сердечные слова в адрес самой Ольги Борисовны – Учителя, Учёного, Человека. Отклики предлагаются в оригинальной, авторской стилистике, без редактирования и корректирования, в демократичном, алфавитном (по фамилиям авторов) порядке.

—

Вся моя жизнь, начиная со студенческой скамьи, связана с моим дорогим учителем Ольгой Борисовной Сиротининой: сначала под её руководством писала дипломную работу, а потом кандидатскую и докторскую диссертации. И поэтому есть в моей жизни очень важная дорога – дорога к дому Ольги Борисовны.

Когда я прихожу в её квартиру на Пугачёвской, от пола до потолка наполненную книгами (они там главные жители), всегда волнуюсь, потому что готовлюсь к важному разговору о повседневных научных делах, о своих статьях, которые Ольга Борисовна очень быстро прочитывает, используя свою «усовершенствованную» лупу (соединены две и замотаны изолентой), и непременно вносит в текст такие важные исправления, что просто поражаешься тому, как изложенная мысль становится глубже и точнее.

Но наш разговор на маленьком диванчике обязательно перерастает в рассказы о судьбе Ольги Борисовны: о её детстве, когда она, преодолевая себя, свою болезнь, шаг за шагом поднималась по ступенькам пожарной лестницы, чтобы тренировать сердце; о её мудрой маме, которая заставляла, несмотря на болезнь, идти в университет и сдавать экзамены; о военных годах, когда, чтобы быть хоть в чём-то полезной, приходилось собирать пробы воды в борьбе с холерой; о злых

собаках, которые понимали и отступали, когда с ними начинала разговаривать такая хрупкая, болезненная, но необыкновенно смелая девушка – добрая душа, и, конечно, об университете.

Эти рассказы и вообще все другие разговоры (о медицине, новых научных открытиях, магнитных бурях, предчувствиях событий, которые потом обязательно случались, и многом другом) непременно вызывают желание размышлять о жизни, восхищаться стойкостью этого необыкновенного человека, инопланетянки, как её часто называют коллеги.

В воспоминания Ольги Борисовны вошло многое из того, что я, да и все члены нашей кафедры, неоднократно слышали от неё, но каждый раз это необыкновенно интересно, потому что появляются какие-то новые неожиданные подробности. «Жизнь вопреки...»... Это то, что мы все усвоили: надо жить, как бы ни было трудно! И слово НАДО! НАДО честно делать своё дело. НАДО никогда не сдаваться. А СЧАСТЬЕ? Оно для Ольги Борисовны в том, чтобы ощущать свою нужность людям. И мы тоже ощущаем, дорогая наша Ольга Борисовна, как Вы нужны нам!

Счастье, что появилась эта книга, потому что она даёт силы жить, учит стойкости в любых ситуациях, хранит память о былых годах. В ней Ольга Борисовна просто и искренно рассказывает читателю о том, чем ей хотелось бы поделиться, как будто он находится с ней рядом, в её небольшой комнатке, заваленной книгами, на старом диванчике.

*Алла Николаевна Байкулова*

*д. филол. н., заведующая кафедрой русского языка,  
речевой коммуникации и русского как иностранного*

*Саратовского национального исследовательского  
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского*

Прочитав книгу, мы с Любовью Викторовной поняли, что Ольга Борисовна не только выдающийся ученый, но и

выдающаяся личность! То, что Ольга Борисовна есть на белом свете, сделало нас обоих счастливее.

*Вадим Викторович Дементьев,  
Любовь Викторовна Балашова  
д. филол. н., проф. кафедры теории, истории языка и  
прикладной лингвистики Саратовского национального  
исследовательского государственного университета имени  
Н.Г. Чернышевского*

Для меня Ольга Борисовна не только большой ученый-лингвист. Не только человек, жизнь которой оказалась полна испытаний и борьбы с недугами. Не только близкий друг моей мамы Галины Георгиевны Полищук. Ольга Борисовна была моей первой нянькой, потому что она и моя мама с рук на руки передавали грудного ребенка, чтобы успеть на свои занятия в университете. Ольга Борисовна была хозяйкой удивительного дома на Челюскинцев, который мне, девочке, казался огромной, уставленной книгами, пещерой с лабиринтами. Она стала моим преподавателем и даже чуть не затащила меня в лингвистику разговорной речи, предложив мне заниматься словотворчеством, слово- и предложениеобразованием в детской речи. За один только год на 3 курсе по требованию руководителя я собрала около тысячи карточек с зафиксированными словоформами из записанной на магнитофон детской речи.

Ольга Борисовна – это вся моя жизнь и жизнь моей семьи. С уходом моих родителей Ольга Борисовна взяла на себя функции по контролю за нашим здоровьем и вообще нашим функционированием. Многие рассказы, вошедшие в книгу Ольги Борисовны, я слышала раньше в её бесподобном изложении.

Оказала ли на меня влияние её книга? Да. В совокупности с самой Ольгой Борисовной, человеком удивительных свойств

и качеств, подробному исследованию которых обязательно настанет свой черед.

*Елена Генриховна Елина  
д. филол. н., проф., руководитель приоритетных  
проектов и программ Саратовского национального  
исследовательского государственного университета имени  
Н.Г. Чернышевского*

Воспоминания Ольги Борисовны Сиротининой, изданные в 2009 г., вызвали у читателей большой интерес, потому что эта книга о совершенно необыкновенном человеке. Как талантливого ученого Ольгу Борисовну знают не только на всём постсоветском пространстве, но и в других, зарубежных странах. О.Б. Сиротинина создала свою лингвистическую школу. Под её руководством защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Поразительно, что в свои 99 лет Ольга Борисовна ещё трудится в качестве профессора кафедры Саратовского университета. Откуда же такие могучие жизненные и творческие силы? Но она ведь необыкновенный человек! У Ольги Борисовны удивительные сила воли, мужество, стойкость, целеустремленность и, конечно, незаурядные способности.

В книге постепенно вырисовываются очень мудрые жизненные принципы О.Б. Сиротининой, которые в ней воспитала её мама, Ольга Николаевна Сиротинина (кстати, тоже очень необыкновенный человек: доктор биологических наук, профессор, кавалер ордена Ленина, депутат Саратовского горсовета, автор многих научных трудов). Этими принципами живет, руководствуется Ольга Борисовна: «человек сам хозяин своей судьбы»; «человек живет, пока борется»; «человек никогда не должен терять себя, должен всегда оставаться порядочным»; «надо относиться ко всем людям объективно, непредвзято, видеть в каждом прежде всего его достоинства»; «у каждого своя правда, и надо всегда

учитывать эти разные правды»; «в любом споре есть две стороны..., всегда нужно выслушать ту и другую сторону»; «нельзя принимать решения под влиянием обиды, руководствоваться надо только разумом» и др.

Подводя итоги прожитых лет, Ольга Борисовна пишет: «Я прожила долгую жизнь, и мне за неё не стыдно.... В этом мое счастье».

Книга воспоминаний Ольги Борисовны «Жизнь вопреки, или я счастливый человек» – это учебник жизни. Поэтому она очень полезна любому читателю, особенно молодому.

*Юрий Григорьевич Кадькалов  
проф. Саратовского национального исследовательского  
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского*

Ольга Борисовна для меня – это образец филолога. У неё есть всё – и живой интерес к языку, и умение вызвать этот интерес, и удивительное сочетание огромной эрудиции и творческого подхода к теориям и фактам... Услышать её одобрение – большая честь. Ей удалось создать крепкий коллектив единомышленников, который стал Саратовской научной школой в лингвистике. Во многом благодаря ей – в филологии точно – Саратов стал одной из интеллектуальных столиц России. Её мемуары показывают, как надо выстраивать свою жизнь, особенно в трудных ситуациях.

*Владимир Ильич Карасик  
д. филол. н., проф. кафедры общего и русского языкознания  
Государственного института русского языка имени  
А.С. Пушкина*

«Жизнь вопреки, или я счастливый человек» — это удивительная книга. На её страницах подробно запечатлен долгий, чрезвычайно интересный, порою драматичный, путь ученого, одного из основателей Саратовской лингвистической

школы, имя которого известно всем современным лингвистам — профессора Ольги Борисовны Сиротининой.

Эта книга — великолепное подтверждение известным словам знаменитого русского физиолога И. П. Павлова: «Наука требует от человека всей его жизни». Ещё аспиранткой встав на путь бескорыстного служения науке, автор продолжает плодотворную научную деятельность и сегодня, в весьма зрелом возрасте, радуя своих читателей новыми яркими идеями и работами.

А ещё эта книга — о силе и величии человеческого духа. О том, что человек способен выйти победителем из любых испытаний, которые посылает ему судьба. У автора (и он этого не скрывает) были весьма серьезные проблемы со здоровьем. И, хотя многие в подобных ситуациях просто сдаются, О. Б. Сиротинина не только смогла одержать победу над своими недугами, но и стать для нас живым примером того, как бороться с тяжелыми обстоятельствами и оказаться сильнее их. Как надо постоянно работать над собой не только в профессиональном, но и в личностном плане.

Эта книга, на мой взгляд, предельно честная и искренняя. Мне посчастливилось быть студентом и докторантом О. Б. Сиротининой, поэтому многие события и люди, описанные в воспоминаниях, мне хорошо знакомы. Но я снова и снова беру в руки эту книгу, чтобы услышать слово Учителя и вернуться на десятилетия назад. Иногда чтобы решить, как лучше поступить в той или иной сложной жизненной ситуации. Но думается, что воспоминания О. Б. Сиротининой будут интересны и тем, кто лично с нею не знаком. Потому что эта книга вместила в себя целую эпоху, потому что здесь заключены опыт и мудрость человека, на протяжении всей своей жизни беззаветно преданного науке.

*Татьяна Николаевна Колокольцева*



*д. филол. н., проф. кафедры русского языка и методики  
его преподавания Волгоградского государственного  
социально-педагогического университета*

Ольга Борисовна... Книга её воспоминаний замечательная!

Не могу не приложить к этому имени чистый, гладкий, отшлифованный жизнью стереотип *человек-легенда*, недоступный моему осознанию. И такой близкий, дорогой, любимый... Вот только четыре искорки, сразу вспыхнувшие в памяти...

#### *Мнение Сиротининой*

О.Б. Сиротинина – член Головного Совета, который находится в Саратове. На кафедре русского языка и общего языкознания Пермского университета с трепетом ждут рецензию Сиротининой на межвузовский сборник научных трудов, подготовленный кафедрой. В пухлой папке отправлена и моя первая в жизни научная статья (о местоимении *это*). Рецензия получена. Зав. кафедрой, мой научный руководитель Маргарита Николаевна Кожина приглашает меня в кабинет и сообщает: – Ваша статья названа в числе трех лучших. – Это несправедливо! В сборнике такие имена! – Ну и что! Не в именах дело. Всё правильно. Мнение Сиротининой – это высокая оценка.

Кстати, только через много лет по-новому осознала то приглашение в кабинет, когда от кого-то услышала афористичное «Если вы хотите унизить человека, похвалите его публично». М.Н.Кожиной, видимо, это было известно...

*«Отзыв получен!!!»*

... 1974 год. В Саратовском университете назначен день защиты моей кандидатской диссертации. Приезжаю за неделю: надо же адаптироваться, познакомиться с отзывами, подумать над ответами на вопросы и замечания. Профессора Ольгу Борисовну Сиротинину, зам. председателя Диссертационного

совета, почему-то очень интересуется, сходила ли я в театр, художественную галерею. Через три дня издали, от двери кафедры слышу радостный возглас: «Отзыв пришел! Совет завтра!» После уж открылось: Ольга Борисовна зашла в отдел аспирантуры узнать, пришел ли отзыв профессора Марии Карповны Милых из Ростова-на-Дону и увидела *на стуле* непосланную диссертацию. Сумку в руки – и на почту!

Диссертантка отдыхает, восстанавливается (поехала с температурой 38), гуляет по Саратову, ни сном ни духом о нервах, о волнении Ольги Борисовны из-за тьмутараканской аспирантки и её многострадального отзыва... Ни слова, ни даже полслова, беречь нервы диссертанта! Тут уж не до своих... Низкий Вам поклон, Ольга Борисовна!

*Комментарии избыточны*

... Получаю от Ольги Борисовны письмо, да такое махонькое, всего-то полстранички крупным почерком со сливающимися в нескольких местах строчками: «Дорогая Мария Павловна! Передайте Владимиру Александровичу Салимовскому поздравление с защитой докторской диссертации. До сих пор не писала из-за операции на глазах. Теперь немного вижу. Это первое письмо после операции...» Комментарии избыточны...

*На самолете – в халатике!*

... После защиты докторской диссертации Ольги Викторовны Мякшевой меня определили ночевать к Ольге Борисовне, потому что утром из-за пробок можно было не успеть на поезд до Сочи (на конференцию). Время позднее, но Ольга Борисовна присела на краешек дивана – и полилась беседа... Незабываемая, потому что вспоминать страшно. Полный паралич нервной системы. Двигаются только глаза... И ведь так неожиданно: поехала в отпуск в Геленджик, все нормально. А там... Сообщили Тане. *На самолете прилетела в халатике.* И столько в этой фразе благодарности и взаимной

любви и матери к дочери, и дочери к матери! Вот это афоризм! Из глубины души... До глубины души...

В том же году вышла из печати эта книга. Говорить о ней — невозможно, нет *нужных* слов. Адекватность понимания — в молчанье...

*Мария Павловна Котюрова*

*д. филол. наук, проф. кафедры русского языка и стилистики  
Пермского государственного национального  
исследовательского университета*

Дорогая Ольга Борисовна!

Не только Ваши воспоминания, но и Вы сами — как лингвист, как вдохновенный защитник чистоты и правильности русского языка, как уникальный организатор целой Саратовской школы, как доброжелательный, открытый, полный оптимизма человек — близки нам, Ваши московским коллегам, во многом учившимся у Вас и жизни, и лингвистике. Будьте здоровы! И просто — будьте! *Ваш*

*Леонид Петрович Крысин*

*д. филол. н., проф., заместитель директора по  
образовательным проектам, заведующий отделом  
современного русского языка Института русского языка им.  
В. В. Виноградова РАН.*

Книга воспоминаний Ольги Борисовны Сиротининой, вышедшая уже более 10 лет назад, сразу стала и остается для меня одной из самых нужных книг. В ней важно всё: и переданная нам память о времени, в котором мы не жили, о людях, университете, науке, и рассказ о судьбе знакомого тебе человека — уникальной, впечатляющей и восхищающей, и вытекающее из всего повествования понимание жизни и роли человека в ней, пример способности не просто преодолеть казалось бы непреодолимое, но быть счастливым и нужным очень многим. Эта книга не для однократного прочтения, я

обращаюсь к ней в разных ситуациях, потому что она о прошлом, настоящем и будущем, об общественном, профессиональном и личном. Это энциклопедия жизни. С пожеланиями здоровья и всего самого хорошего,

*Ольга Юрьевна Крючкова*

*д. филол. н., заведующая кафедрой теории, истории языка и  
прикладной лингвистики Саратовского национального  
исследовательского государственного университета имени  
Н.Г. Чернышевского*

Дорогая Ольга Борисовна!

Я получил электронную версию Вашей книги и за день, не отрываясь, её прочитал! Оторваться, действительно, было невозможно, и я так жалел, что не был знаком с этим текстом раньше!

Это гениальный документ эпохи – искренний, умный, добрый! В нём поражает, конечно, не только Ваша память (имена, даты, конкретные обстоятельства), но и замечательное сочетание душевных качеств, богатство человеческого духа, вера в себя и в других людей (не возводящая их «на пьедестал»)! Вот чему учит Ваша книга: стойкости и оптимизму!!! Огромное Вам спасибо!

Конечно, мой жизненный опыт не идет ни в какое сравнение с Вашим. Но, с одной стороны, я нахожу в Вашей книге какие-то знакомые мне с детства нотки (я родился и вырос в «медицинской» семье, родители были врачами). С другой стороны, мне как языковеду страшно интересны и близки Ваши наблюдения и суждения о речевых фактах (плеонастические местоимения в «качественных конструкциях», диффузы в русском языке, «старинный летчик» и «прелестный голубой цвет» – это просто блестящие вещи)...

А каковы жизненные истории? Ваш рассказ о девичьей влюбленности в актера Степанова – это же действительно

готовый рассказ, литературное произведение! А подбор оппонентов при защите диссертации (Ефремов, Ломтев, Василенко...) – это же драма (если не трагифарс)! А описание поездок в диалектологические экспедиции! А «переговоры» со сторожевыми собаками! Местами я хохотал в голос, а местами слезы наворачивались на глаза...

Дорогая Ольга Борисовна, Ваша книга воспоминаний очень нужна сегодня читающим людям: она учит мужеству, толерантности и доброте. Никогда не сдаваться и всегда верить в победу добра!

Отдельное спасибо Вашей дочери Татьяне: она помогает Вашему полноценному общению, а также вашим саратовским коллегам, с которыми меня связывают долголетние дружеские отношения! *Ваш благодарный читатель и почитатель*

*Борис Юстинович Норман*

*д. филол. н., проф. кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета*

С Ольгой Борисовной Сиротининой я познакомился более полувека тому назад. Время от времени мы встречались на научных конференциях, на заседаниях Головного совета по филологии, но активная фаза знакомства, переросшего в дружбу, началась в 1981 году, когда ректор Красноярского государственного университета пригласил меня перейти на работу в университет (до этого я работал в Красноярском государственном педагогическом институте) для создания в университете филологического факультета. И первое, что я сделал в своей новой роли, – это поездка в Саратов, в Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского для изучения документации и опыта работы филологического факультета. И вот здесь мне очень помогла Ольга Борисовна, из бесед с нею я узнал много полезного.

Таким образом, Ольга Борисовна вполне причастна к становлению филологического звена Красноярского государственного университета, теперь ставшего Сибирским федеральным университетом. С тех пор наши письменные и телефонные контакты не прерывались. Нельзя не отметить, что Ольга Борисовна активно участвовала и как автор актуальных статей, и как член редакционного совета в деятельности сетевого журнала СФУ «Экология языка и коммуникативная практика», а в 2022 году выйдет в Издательстве СФУ коллективная монография «Лингвоэкология: проблемы и пути их решения», где одна из глав принадлежит Ольге Борисовне.

Поразительны энергия Ольги Борисовны и её преданность русскому языку и отечественной науке. Чрезвычайно поучительны мемуары Ольги Борисовны «Жизнь вопреки, или я счастливый человек». Они стоят того, чтобы стать настольной книгой всех, кто, несмотря, кажется, на непреодолимые трудности, хочет их преодолеть и жить достойно и счастливо.

Поздравляя Ольгу Борисовну с юбилеем, я желаю ей ещё много лет здоровой творческой жизни на благо российской филологической науки.

*С признательностью и любовью,*

*Александр Петрович Сковородников*

*д. филол. н., проф. кафедры общего языкознания и риторики Сибирского федерального университета*

Ольга Борисовна Сиротинина – старший современник, выдающийся филолог, бесконечно уважаемый и почитаемый человек (Человек!), мой неформальный Учитель, о чем я уже говорил в одном из выступлений в Саратове.

Главное дело, которому Ольга Борисовна посвятила жизнь, – филология. Поэтому прежде всего поведу речь об Ольге Борисовне – ученом-филологе. В этой теме я бы выделил две грани: отношение Ольги Борисовны к языку как объекту науки (1) и к нашей науке в целом (2). По работам Ольги

Борисовны, по материалам книги воспоминаний хорошо видно, как меняется понимание языка, движущееся в направлении *язык русской разговорной речи – язык человеческой коммуникации*. Это движение проявляется в трудах самого ученого и в работах учеников и коллег. Суть этого движения выражена Ольгой Борисовной, например, в статье «О старых и новых задачах лингвистики» (в сб. «Язык – текст – литература. Барнаул, 2011. С. 82–89): появление тех или иных задач и их решение с неизбежностью требует адекватного понимания самого языка. При этом старое и новое понимание сосуществуют, взаимодействуют, но – что принципиально важно – всегда присутствует фактическая основа лингвистического исследования: за теорией, даже архи-современной, видится фактический материал, просматривается человек (даже если в самом тексте публикации «примеры» могут быть и не приведены). Моя память сохранила (допускаю, что в несколько измененном виде) следующий сюжет. На одной из конференций после выступления Ольги Борисовны был задан вопрос о «необходимом» объеме материала; в ответе прозвучало: если потребуется, – сто тысяч (!). Признаюсь, что меня, тогда ещё аспиранта, начавшего заниматься синтаксисом художественного текста, названный объем сильно удивил. Но со временем я понял, что в ответе содержалось и некое общее положение, с чем нельзя не согласиться.

... «...Я счастливый человек», – так оценила Ольга Борисовна свое состояние. И мне, например, понятна эта позиция. Но всё же, но всё же... Ощущение себя счастливым человеком, публичное признание этого ощущения – удел, пожалуй, только человека сильного. В чем же источник силы Ольги Борисовны? Думаю, – семья, окружение, необходимость (почти постоянная! Или: без *почти*?!) преодоления. И здесь отдельная история принадлежит той Великой Войне (1941–1945), которая и у людей тыла, разрушила здоровье, осиротила

семью, лишила близких, но и, повторюсь, приучила к преодолению, к повышенной ответственности и бесконечной работе (что равносильно: к жизни) во имя Победы.

*Алексей Андреевич Чувакин,  
д. филол. н., Почетный профессор Алтайского  
государственного университета*

Многое из того, что Ольга Борисовна описывает в своих воспоминаниях, я слышал от неё в начале 1980-х годов, когда стал одним из её учеников. Как это часто бывает, в молодом возрасте мы не придаем особого значения каким-то деталям или фактам в рассказах старших, но они, эти детали, почему-то впоследствии, со временем, все чаще и чаще вспоминаются. И потом, в зрелом возрасте, понимаешь, что это были не просто какие-то факты, казалось бы незначительные детали, а мудрость человеческого опыта, которую ты осознаешь со временем, – когда созрел и готов это осмыслить. Книга воспоминаний ещё раз напоминает мне, что я имел счастье быть рядом с мудрейшим человеком, который не только сам преодолевал, казалось бы, непреодолимые трудности, но и научил меня этому своим примером.

Для меня воспоминания моего Учителя – это бесценный пример служения своему любимому делу, следования своему предназначению. Книга учит любить. Любить жизнь, любить окружающий мир и окружающих тебя людей, верить в себя и своих товарищей, быть целеустремленным и служить науке.

*Николай Леонидович Шамне  
д. филол. н., проф., директор института филологии и  
межкультурной коммуникации Волгоградского  
государственного университета*



- 
- <sup>1</sup> Сиротинина О. Н. (1892-1971), доктор биологических наук, профессор, основатель санитарно-гигиенической службы в Саратовской области, заместитель директора по научной работе Саратовского НИИ сельской гигиены (1949-1963), член диссертационных советов медицинского университета и института «Микроб», высшего медицинского совета Минздрава РФ, редколлегии центральных журналов, награждена Орденом Ленина
- <sup>2</sup> Брин В. Б., доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Северной Осетии-Алании
- <sup>3</sup> Пронина Н. Н. (1912-1993), доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой нормальной физиологии, проректор по научной работе Северо-Осетинского медицинского института
- <sup>4</sup> Сиротинина Т. Н., выпускница СГУ, зав. учебной лабораторией кафедры общей физики СГУ
- <sup>5</sup> Брин Б. М. (1895-1961), доктор медицинских наук, профессор, проректор по учебной работе СОГМИ, зав. кафедрой патологической физиологии (1941-1961)
- <sup>6</sup> Сиротинин Н. Н. младший (1896-1977), доктор медицинских и биологических наук, профессор, действительный член АМН СССР, зав. отделом космической биологии Института экспериментальной медицины АМН СССР (Киев), член-корр. АН УССР, награжден Золотой Медалью Циолковского
- <sup>7</sup> Сиротинин Н. Н. старший (1856-1921) – выпускник Новороссийского университета, кандидат физико-математических наук, основатель династии Сиротининых, внесший значительный вклад в открытие в 1909 году десятого Императорского Николаевского Саратовского университета
- <sup>8</sup> Самойлович А. А. (? - 1940), доцент Саратовского автодорожного института, математик
- <sup>9</sup> Самойлович (Сиротинина) Г. Н. (1898-1998), выпускница СГУ, зав. химическим отделением СЭС Водздрав
- <sup>10</sup> Любомиров П.Г. (1885-1935), профессор СГУ, с 1931 работал в Москве, крупный историк
- <sup>11</sup> Малинин Г. А., саратовский учёный-краевед
- <sup>12</sup> Сиротинина Л. Н. (1900-1994), выпускница СГУ, зав. бакотделением СЭС РУЖД, награждена знаком «Почетный железнодорожник»
- <sup>13</sup> Сиротинина Е. Н. (1894-1976), окончила высшие женские курсы при Варшавском университете, учитель биологии и химии в средней школе, награждена орденом «Знак почета»

---

<sup>14</sup> Скафтымов А. П. (1890-1968), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы СГУ (1923-1931, 1944-1951), выдающийся ученый-литературовед

<sup>15</sup> Ярославский Е. М. (1878-1943), российский революционер, советский партийный и государственный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР

<sup>16</sup> Богомолец А. А. (1881-1946), доктор медицинских наук, профессор, основоположник российской и украинской школы патофизиологии, эндокринологии и геронтологии, лауреат Сталинской премии, после командировки в Париж (Сорбонну) для подготовки к профессорскому званию был утверждён экстраординарным профессором кафедры общей патологии и бактериологии Николаевского университета в Саратове, работал в Саратове до 1925 года

<sup>17</sup> Мясхева О.В., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Педагогического института им. К. А. Федина (2000-2005)

<sup>18</sup> Павловская К.Е. (1920-2006), кандидат филологических наук, доцент кафедры советской литературы СГУ

<sup>19</sup> Степанов А. И., ведущий актер Саратовского, последние годы жизни – Бакинского драмтеатров

<sup>20</sup> Пиксанов Н.К. (1878-1969), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы СГУ (1917-1921), член-корр. АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР

<sup>21</sup> Жирмунский В.М. (1891-1971), доктор филологических наук, профессор, советский лингвист, литературовед, фольклорист, основатель и глава советской школы германистов, заведующий Сектором индоевропейских языков Института языкознания АН СССР (1957-1971)

<sup>22</sup> Дурново Н.Н. (1876-1937), известный языковед, специалист в области истории и диалектологии русского языка, профессор Саратовского (с 1918 г.), приват-доцент Московского и Харьковского университетов, член-корр. АН СССР, академик АНГ БССР

<sup>23</sup> Ильинский Г.А. (1876-1937), доктор филологии, профессор Нежинского историко-филологического института, член-корр. АН СССР, действительный член Научно-исследовательского института языка и литературы РАНИОН, действительный член Западнославянского института (Познань), член-корр. Болгарской АН и Польской АН

- 
- <sup>24</sup> Калайдович К.Ф. (1792-1832) – российский историк, археограф, филолог
- <sup>25</sup> Ушаков Д.Н. (1873-1942), доктор филологических наук, профессор МГУ, зав. Славянским сектором Института языка и письменности народов СССР, член-корр. АН СССР, Председатель Московской диалектологической комиссии при АН СССР, главный редактор «Толкового словаря русского языка» (1935-1940)
- <sup>26</sup> Соколов Б.М. (1889-1930), профессор кафедры русской литературы СГУ (1919-1923), известный фольклорист, лингвист, литературовед, этнограф-музеевед
- <sup>27</sup> Акимова Т. М. (1899-1987), доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы СГУ, крупный ученый-фольклорист
- <sup>28</sup> Волк-Леванович И. В. (1891- 1938), выпускник Петербургского университета, ученик А.А.Шахматова, И.А. Бодуэна де Куртене, исследователь белорусского языка, доцент БГУ, зав.отделом редких книг и рукописей СГУ (1931), зав. кафедрой СГУ с 1930 – 1937гг., арестован в 1937 г., расстрелян
- <sup>29</sup> Баранникова Л. И. (1915-2002), доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор СГУ, зав. кафедрой русского языка (1963-1973), общего и славяно-русского языкознания (1973-1988), основатель Саратовских лингвистических школ
- <sup>30</sup> Дульзон А. П. (1900-1973), доктор филологических наук, профессор, специалист по германским и урало-алтайским языкам, кетскому языку, этногенезу народов Сибири, почетный член Международного комитета по ономастическим наукам, лауреат Государственной премии СССР
- <sup>31</sup> Лукьяненко А. М. (1879-1974), доктор филологических наук, профессор, приват-доцент и профессор Таврического университета, зав. кафедрой русского языка Саратовского пединститута, зав. кафедрой славяно-русского языкознания Саратовского университета, кавалер ордена Трудового Красного Знамени
- <sup>32</sup> Альтман М. С. (1896-1986), доктор филологических наук, профессор
- <sup>33</sup> Сеницын И. В. (1900-1972), кандидат исторических наук, известный учёный-археолог, декан исторического факультета СГУ (1943-1953)
- <sup>34</sup> Деренковский Г.М. (1912-1978), учёный, историк
- <sup>35</sup> Артисевич В. А. (1907-1999), кандидат филол. наук, директор научной библиотеки СГУ, и.о. ректора СГУ (1941-1942), Заслуженный работник культуры РСФСР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, награждена Золотой медалью Яна Амоса Каменского, медалью Н.К. Крупской
- <sup>36</sup> Резник Р. А. (1915-1990), кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и классических языков СГУ, заведующая кафедрой в 1954-57 гг.

- 
- <sup>37</sup> Боброва М. Н. (1902-1990), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы и классических языков (1948-1963), участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды
- <sup>38</sup> Галкина-Федорук Е. М. (1898-1965), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГУ, в 1941 году – доцент кафедры филологии СГУ
- <sup>39</sup> Бах С. А. (1922-2001), кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета СГУ (1955-1982)
- <sup>40</sup> Розен В. Я., кандидат общественных наук, доцент, в годы войны читал в СГУ курсы основ марксизма-ленинизма и политэкономии
- <sup>41</sup> Глотова И. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СГУ
- <sup>42</sup> Кирпонос М. П. (1892-1941), известный советский военачальник, генерал-полковник, командующий Юго-Западным фронтом в 1941 году
- <sup>43</sup> Вознесенский А. А. (1898-1950), известный советский экономист, деятель науки и культуры, профессор, ректор СГУ (1942-1944), ректор ЛГУ (1941-1946) Министр просвещения РСФСР (1946-1949)
- <sup>44</sup> Борисова М. Б. (1926-2014), доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, выпускница Ленинградского университета
- <sup>45</sup> Воробьев В. П., кандидат филологических наук, доцент Саратовского пединститута им. К.А. Федина
- <sup>46</sup> Лавровская Л. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СГУ
- <sup>47</sup> Гуковский Г. А. (1902-1950), доктор филологических наук, профессор ЛГУ, в годы войны – проректор по учебной работе СГУ, известный литературовед
- <sup>48</sup> Евгеньев-Максимов В.Е. (1883-1955), доктор филологических наук, профессор ЛГУ, в годы войны читал лекции в СГУ
- <sup>49</sup> Бялый Г.А. (1905-1987), доктор филологических наук, профессор ЛГУ, в годы войны читал лекции в СГУ
- <sup>50</sup> Эйхенбаум Б. М. (1886-1959, доктор филологических наук, профессор ЛГУ, в годы войны читал лекции в СГУ
- <sup>51</sup> Левинтон А. Г. (1913-1971), кандидат филологических наук, доцент ЛГУ, в годы войны читал лекции в СГУ
- <sup>52</sup> Алексеев М.П. (1986-1981), профессор ЛГУ, академик АН СССР, в годы войны читал лекции в СГУ
- <sup>53</sup> Рифтин Б.Л. (1932-2012), доктор филологических наук, профессор ЛГУ, академик РАН, в годы войны читал лекции в СГУ

- 
- <sup>54</sup> Соколова М. А. (1894-1970), доктор филологических наук, профессор ЛГУ, в годы войны преподавала в СГУ
- <sup>55</sup> Кочеткова Т. В., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и классической филологии СГМУ (1991-2017)
- <sup>56</sup> Тарле Е.В. (1875-1955), доктор исторических наук, профессор, действительный член академии наук СССР, выдающийся русский советский историк, трижды лауреат Сталинской премии
- <sup>57</sup> Андроников И.Л. (1908-1990), доктор филологических наук, известный советский литературовед, мастер устного рассказа
- <sup>58</sup> Адливанкин С. Ю. (1922-1985), кандидат филологических наук, доцент Балашовского и Майкопского пединститутов, последние годы жизни – декан филологического факультета Пермского университета
- <sup>59</sup> Ефремов А. Ф. (1887-1966), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Саратовского пединститута (1945-1963)
- <sup>60</sup> Покусаев Е. И. (1909 - 1977), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы (1951-1977), декан филологического факультета (1949-1951), участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», выдающийся историк литературы и журналистики
- <sup>61</sup> Бугаенко П. А. (1908-1983), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой советской литературы (1958-1982), проректор по учебной работе (1963-1971), и.о. ректора СГУ (ноябрь 1969-декабрь 1970), член Союза писателей СССР
- <sup>62</sup> Юрченко В.С. (1927-1998), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Саратовского педагогического института им. К.Федина (1980-1998)
- <sup>63</sup> Кирсанова Н.А. (1927-2021), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СГУ
- <sup>64</sup> Оксман Ю.Г. (1895-1970), доктор филологических наук, профессор, известный специалист по истории русской литературы, пушкинист
- <sup>65</sup> Полищук Г. Г (1928-1999), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка СГУ
- <sup>66</sup> Журавлев А.П., доктор филологических наук, профессор Калининградского университета, Академии Народного Хозяйства им. Плеханова в Москве, живет в США

- 
- <sup>67</sup> Трубецков Д.И. (1938-2020), доктор физико-математических наук, профессор, член-корр. РАН, лауреат премии Президента РФ, заслуженный деятель науки РФ, четырежды Соросовский профессор, ректор СГУ (1994-2003)
- <sup>68</sup> Гольдин В.Е. (1935-2017), доктор филологических наук, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ (1988-2004)
- <sup>69</sup> Елина Е.Г. доктор филологических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе СГУ (2007-2018), руководитель приоритетных проектов и программ СГУ (с 2018 года)
- <sup>70</sup> Бурмистров Е.Ф., доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теории упругости (1959-1989), декан механико-математического факультета (1965-1980)
- <sup>71</sup> Сердобинцев Н.Я, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Саратовского пединститута им. К. А.Федина (1963-1980)
- <sup>72</sup> Василенко И.А. (1899-1970), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой Московского государственного пединститута им. Ленина
- <sup>73</sup> Ломтев Т.П. (1906-1972), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГУ (1947—1971), некоторое время заместитель декана филологического факультета по науке; старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР. Главный редактор журнала «Филологические науки» (1958-1972)
- <sup>74</sup> Шведова Н.Ю. (1916-2009), доктор филологических наук, профессор, зав. отделом Института русского языка РАН, академик РАН, выдающийся языковед, известный лексикограф
- <sup>75</sup> Распопов И.П. (1925-1982), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания и русского языка Башкирского и русского языка Воронежского университетов
- <sup>76</sup> Крылова О.А., доктор филологических наук, профессор РУДН
- <sup>77</sup> Ковтунова И.И (1927-2007), доктор филологических наук, профессор, ст. научный сотрудник Института русского языка АН СССР
- <sup>78</sup> Винцелер О., доктор филологических наук, профессор, известный румынский лингвист
- <sup>79</sup> Стернин И.А (1948-2022), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, профессор Университета им. Лютера
- <sup>80</sup> Аванесов Р.И. (1902-1982), доктор филологических наук, профессор, зав. Сектором истории языка и диалектологии Института русского языка АН СССР, член-корр. АН СССР

- 
- <sup>81</sup> Филин Ф.П. (1908-1982), доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка АН СССР (1968-1982)
- <sup>82</sup> Мещанинов И.И. (1883-1967), доктор филологических наук, директор Института языка и мышления АН СССР, академик-секретарь Отделения литературы и языка и член президиума АН СССР
- <sup>83</sup> Ларин Б.А. (1893-1964), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой славянской филологии ЛГУ, член-корр. АН УССР, академик АН Литовской ССР, заслуженный деятель науки РСФСР
- <sup>84</sup> Орлова В.Г. (1902-1991), доктор филологических наук, профессор, ст. научный сотрудник Института русского языка АН СССР
- <sup>85</sup> Оссоветский И. А. (1908-1995), доктор филологических наук, профессор, ст. научный сотрудник Института русского языка АН СССР
- <sup>86</sup> Поспелов Н.С. (1890-1984), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГУ, кавалер ордена Ленина
- <sup>87</sup> Вандриес Ж. (1875-1960), представитель французской социологической школы, профессор, зав. кафедрой кельтской филологии в Практической высшей школе (Париж), декан филологического факультета Сорбонны, иностранный член академий Ирландии, Нидерландов, Дании, Норвегии, ПНР, ЧССР
- <sup>88</sup> Андрейчин Л.Д. (1910-1975), болгарский языковед, доктор философии, профессор Софийского университета, директор института болгарского языка, член-корр. Болгарской АН
- <sup>89</sup> Панов М.В. (1920-2001), доктор филологических наук, профессор Московского открытого педагогического университета, зав. сектором современного русского языка ИРЯ АН СССР
- <sup>90</sup> Земская Е.А. (1926-2012), доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка РАН
- <sup>91</sup> Лаптева О.А. (1931-2020), доктор филологических наук, профессор, заведующая Отделением русского языка как иностранного для нефилологических вузов (1972-1989), профессор кафедры современного русского языка Института русского языка имени А. С. Пушкина (1989-2010)
- <sup>92</sup> Ширяев Е.Н. (1939-2003), доктор филологических наук, профессор, зам. директора Института русского языка РАН, зав. отделом культуры речи
- <sup>93</sup> Розанова Н.Н., кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института русского языка РАН
- <sup>94</sup> Кормилицына М.А., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и речевой коммуникации СГУ (1993-2018)

---

<sup>95</sup> Прозоров В.В., доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета (1982-2004), декан факультета филологии и журналистики (2004-2007), директор Института филологии и журналистики (2007-2010), научный руководитель Института филологии и журналистики СГУ, заслуженный деятель науки РФ

<sup>96</sup> Петерсон М.Н. (1885-1962), доктор филологических наук, профессор Московского университета, советский языковед, специалист в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, синтаксиса, морфологии, словообразования и методики преподавания языка

<sup>97</sup> Пешковский А. М. (1878-1933), профессор МГУ, советский языковед, специалист по синтаксису, стилистике русского языка, методике преподавания русского языка, автор исследования «Русский синтаксис в научном освещении», выдержавшего 7 изданий

<sup>98</sup> Гвоздев А.Н. (1892-1959), доктор филологических наук, профессор Куйбышевского пединститута, член-корр. АПН РСФСР по отделению методики

<sup>99</sup> Гура В.В. (1925-1991), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Вологодского пединститута, заслуженный деятель науки РСФСР

<sup>100</sup> Головин Б.Н. (1916-1984), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского и общего языкознания Горьковского университета

<sup>101</sup> Крысин Л.П., доктор филологических наук, профессор, зав. Отделом современного русского языка и заместитель директора Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

<sup>102</sup> Штромбергер Л.В., доктор физико-математических наук, первый руководитель учебной лаборатории физики высокого вакуума физического факультета СГУ

<sup>103</sup> Стальмахов В.С., доктор физико-математических наук, профессор, проректор по научной работе (1962-1971), заслуженный деятель науки и техники РСФСР

<sup>104</sup> Лебедев В.Г., доктор географических наук, профессор, почетный доктор Братиславского университета, ректор СГУ (1965-1970)

<sup>105</sup> Альтшулер Ю.Г. (1919-1992), доктор технических наук, с 1958 г. зав. кафедрой физики вакуума и электровакуумных технологий СГУ

<sup>106</sup> Герштейн Г.М., доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой радиофизики СГУ (1960-1988), участник Великой Отечественной войны

<sup>107</sup> Вьюшков П.В., доцент, первый директор станции наблюдения искусственных спутников Земли СГУ



---

<sup>108</sup> Винокур Т.Г. (1924-1992), доктор филологических наук, профессор, гл. науч. сотр. Института русского языка АН СССР

<sup>109</sup> Формановская Н.И. (1927-2016), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка Института русского языка им. А.С. Пушкина (1977-1997), лауреат премии Президента РФ в области образования

<sup>110</sup> Гак В.Г. (1924-2004), доктор филологических наук, советский и российский лингвист, профессор МПГУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, обладатель Ломоносовской премии МГУ, Национального Ордена за Заслуги (Франция)

<sup>111</sup> Слободчиков В.А. (1913-2007), кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, один из инициаторов создания на филологическом факультете СГУ романо-германского отделения. Опубликовал несколько научных работ и учебники французского языка для средней школы, биографическую книгу «О судьбе изгнанников печальной».

<sup>112</sup> Скребнев Ю.М. (1922-1993), доктор филологических наук, профессор Горьковского института иностранных языков

<sup>113</sup> Адамец П., доктор филологических наук, профессор кафедры русистики философского факультета Карлова университета (Прага), член языковедческого общества ЧАН, Чешской ассоциации русистов, Европейского лингвистического общества

<sup>114</sup> Бивон Р., британский лингвист, доктор наук. В 1965 г., будучи студентом, Р. Бивон впервые посетил Советский Союз в рамках соглашения по культурному обмену. В 1968 г. вернулся в СССР, проводил записи устной речи университетских преподавателей и студентов. Частью его диссертационного исследования стало изучение структуры русского языка. В 1971 г. опубликовал монографию “Element Order”, посвященную изучению порядка слов в русском языке. С 1989 г. преподавал в Эссекском университете.

<sup>115</sup> Янко Т.Е., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института Языкознания РАН

<sup>116</sup> Мельчук И.А., кандидат филологических наук, профессор Монреальского университета, член Парижского лингвистического общества, Европейского лингвистического общества, Лингвистического общества Америки. Лингвистической ассоциации Канады и США, Ассоциации компьютерной лингвистики, почетный доктор ряда университетов

<sup>117</sup> Йокояма О.Б., заслуженный профессор Американской ассоциации женщин-славистов, полный профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, имеет научную степень Ph.D.

- 
- <sup>118</sup> Кафкова О., известный лингвист Чехословакии
- <sup>119</sup> Кожевникова К., известный лингвист Чехословакии, автор книги «Спонтанная устная речь в эпической прозе» (Прага, 1970)
- <sup>120</sup> Девкин В.Д. (1925-2011), советский и российский лингвист, лексикограф, преподаватель немецкого языка, автор многочисленных работ и словарей, автор книги по немецкой разговорной речи
- <sup>121</sup> Овсиенко Ю.Г., автор словаря «2 380 наиболее употребительных слов в русской разговорной речи» (М, 1968)
- <sup>122</sup> Химик В.В., доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета
- <sup>123</sup> Васильева А.Н. (1928-1990), доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
- <sup>124</sup> Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009
- <sup>125</sup> Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009
- <sup>126</sup> Столярова (Ключкова) Э.А. (1937-2022), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ
- <sup>127</sup> Караулов Ю.Н. (1935-2016), доктор филологических наук, профессор, член-корр. АН СССР, ученый секретарь отделения литературы и языка АН СССР, директор Института русского языка, председатель научного совета по лексикологии и лексикографии АН
- <sup>128</sup> Толстой Н.И. (1923-1996), доктор филологических наук, профессор, зав. Сектором Института славяноведения и балканистики РАН, академик АН СССР
- <sup>129</sup> Чельшев Е.П. (1921-2020), советский и российский литературовед, культуролог, востоковед, переводчик, писатель, общественный деятель, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член АН СССР
- <sup>130</sup> Винокур Г.О. (1896-1947), доктор филологических наук, профессор МИФЛИ, зав. кафедрой русского языка МГУ, член Союза писателей
- <sup>131</sup> «Проблемы речевой коммуникации». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. В. 9
- <sup>132</sup> Захарова Е.П. кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ
- <sup>133</sup> Богданова В.А. (1924-2018). кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СГУ

- 
- <sup>134</sup> Романенко А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ
- <sup>135</sup> Кадькалова Э.П. (1931-1915), кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания педагогического института СГУ
- <sup>136</sup> Крючкова О.Ю., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ
- <sup>137</sup> Седов К.Ф. (1954-2011), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой дефектологии, теории речи и психологии, позже – каф. логопедии и психолингвистики Пединститута СГУ
- <sup>138</sup> Дегальцева Марина Николаевна, ведущий документовед кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ
- <sup>139</sup> Милехина Т.А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ
- <sup>140</sup> Куликова Г.С., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ
- <sup>141</sup> Ножкина Э.М. (1928-2011), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ
- <sup>142</sup> Костомаров В.Г. (1930-2020), доктор филологических наук, профессор, президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, в течение ряда лет президент МАПРЯЛ, РОПРЯЛ
- <sup>143</sup> Граудина Л.К., доктор филологических наук, профессор, ст. науч. сотрудник отдела культуры речи ИРЯ РАН, профессор Дипломатической академии
- <sup>144</sup> Иванчук И.А., доктор филологических наук, профессор Северо-Западной академии госслужбы
- <sup>145</sup> Казеко Т.Н., кандидат филологических наук, доцент филиала Омского государственного университета (г. Тара)
- <sup>146</sup> Клоков В.Т., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения СГУ
- <sup>147</sup> Усов Н.И., доктор геолого-минералогических наук, ректор СГУ (1944-1946)
- <sup>148</sup> Голубков П.В. (1889-1973), доктор физико-математических наук, кавалер орденов Ленина и «Знак почёта», ректор СГУ (1946-1950)
- <sup>149</sup> Мерцлин Р.В. (1903- 1971), доктор химических наук, кавалер ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени, ректор СГУ (1950-1965)
- <sup>150</sup> Коссович Л.Ю., доктор физико-математических наук, ректор СГУ 2003- 2013 гг.

- 
- <sup>151</sup> Кузнецова Н.И. (1941-2009), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ
- <sup>152</sup> Иванюшина И.Ю., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы СГУ
- <sup>153</sup> Коробов Д.С., доктор геолого-минералогических наук, профессор, проректор по научной работе СГУ (1973-1989)
- <sup>154</sup> Усанов Д.А. (1943-2019), доктор физико-математических наук, профессор. С 1989 по 2000 год и с 2003 по 2013 годы - проректор по научно-исследовательской работе СГУ
- <sup>155</sup> А.А. Сытник, доктор технических наук, профессор, первый проректор Саратовского государственного технического университета, заведующий кафедрой «Информационные системы и технологии» СГТУ, проректор по научно-исследовательской работе СГУ в 2000 г.
- <sup>156</sup> Мельников Л. А., доктор физико-математических наук, профессор. С ноября 2009 года руководит кафедрой «Приборостроение» СГТУ.
- <sup>157</sup> Шевчик В.Н. (1923-1980), доктор физико-математических наук, крупнейший специалист в области электроники СВЧ, ректор СГУ (1970-1977)
- <sup>158</sup> Богомолов А.М. (1932-1994), доктор технических наук, академик РАЕН и МАН ВШ, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, ректор СГУ (1977-1994)
- <sup>159</sup> Горелов И.Н. (1928-1999), доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СГУ, один из крупнейших отечественных специалистов по психолингвистике
- <sup>160</sup> Виноградов В.В (1895-1969), доктор филологических наук, профессор МГУ, директор Института русского языка АН СССР, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, первый президент МАПРЯЛ
- <sup>161</sup> Чичерин В.Н., известный лингвист и литературовед
- <sup>162</sup> Гельгардт Р.Р. (1906-1982) — советский языковед и литературовед, профессор Калининского (ныне Тверского) государственного университета
- <sup>163</sup> Гаспаров М.Л. (1935-2005), доктор филологических наук, советский и российский литературовед и филолог-классик, автор фундаментальных работ о русском и европейском стихе; историк античной литературы и русской поэзии, переводчик (с древних и новых языков), стиховед, теоретик литературы, эссеист и поэт. Академик РАН, член-корреспондент АН СССР
- <sup>164</sup> Гаспаров Б.М., доктор филологических наук, советский и американский лингвист, семиотик, литературовед, музыковед, автор гипотезы лингвистического существования

---

<sup>165</sup> Мирзеханов В.С., доктор исторических наук, профессор. С 1998 по 2006 гг. – декан исторического факультета СГУ

<sup>166</sup> Долгов В. М. (1946-2021), доктор исторических наук, профессор. С 1976 работал в СГУ, был заведующим кафедрой политических наук, деканом факультета гуманитарных и социальных наук

<sup>167</sup> Мушкатова С. П., доктор химических наук, профессор. С 1996 по 2003 гг. проректор по учебной работе СГУ.

<sup>168</sup> Аяцков Д. Ф., российский государственный и политический деятель. Губернатор г. Саратова с 1996 по 2005 гг.

<sup>169</sup> Чумаченко А. Н., доктор географических наук, профессор. С 2013 по н.в. – ректор СГУ.

<sup>170</sup> Карпюк Г.В., кандидат филологических наук, научный редактор издательства «Просвещение», потом – «Дрофа»

<sup>171</sup> Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

<sup>172</sup> Шамне Н.Л., доктор филологических наук, проф., директор института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета

---

Научно-художественное издание

Оригинал-макет подготовили Е. Н. Малашенкова,  
О. С. Незнаева